

ГЛАВА V.

ДВОРЦОВЫЯ ЗАБАВЫ, УВЕСЕЛЕНІЯ И ЗРѢЛИЩА.

Общій обзоръ. Комнатныя забавы: дураки-шуты, бахары, домраччи, гусельники. Потѣшная палата: органы, цымбалы, скопорохи, нотѣнный галецъ, металъники. Врѣня царя Алексѣя. Верховные нащѣе. Карам. Потѣхи на дворцѣ: медвѣжьи спектакли; особыя зрѣлища: львы, слоны, олени; коединки и др. Комидійныя дѣйства. Первое устройство театра. Первыя комедіи.

Вникая въ основныя стихіи стараго русскаго быта, нельзя не признать той истины, что руководящимъ началомъ нашей образованности въ допетровское время была византійская идея аскетизма. Какъ образъ наилучшей, наиболѣе добродѣтельной жизни, эта идея вездѣ и всегда возвышала свой учительный перстъ, направляя каждый шагъ и каждую мысль чловѣка къ своимъ дѣлямъ. Миръ русской мысли, миръ русскаго чувства былъ всесторонне закрѣпощенъ этому строгому оберегателю жизни; лишенъ воли, прирожденной всякому живому существу, лишенъ всѣхъ живыхъ движеній развитія и совершенствованія. Суровый дидакалъ дѣлые вѣка твердилъ одно: онъ отрицалъ, отвергалъ мірское удовольствіе, т. е. всю совокупность поэтическихъ стремленій чловѣческой природы, и со стороны ума, и со стороны чувства. Онъ отринулъ такимъ образомъ оцѣльную область чловѣчныхъ эстетическихъ созерцаній, обширнѣйшую область поэтическаго и эстетическаго творчества, которымъ обыкновенно живетъ, держится и управляется повседневное общежитіе чловѣка, которымъ образуются и устроиваются его нравы и обычаи, именно въ чловѣчномъ, а не въ

одномъ животномъ только смыслъ, какъ неизмѣнно всегда выходитъ, когда притѣсняются и порабощаются силы духовныя. Человѣчность общежитія вполнѣ и непосредственно зависитъ отъ степени свободы, и умственной, и нравственной, какая достается на долю народнаго развитія; развратъ общежитія является всегда послѣдствіемъ угнетенія человѣческой природы, и именно послѣдствіемъ угнетенія ея духовныхъ и потому, самыхъ жизненныхъ началъ, каковы всѣ эстетическіе интересы чувства и философскіе интересы ума. Философскіе интересы ума питаются наукою, или иначе полною свободою знанія; эстетическіе интересы чувства питаются искусствомъ, или иначе полною свободою творящей силы человѣка, въ чемъ бы она не выразилась: въ мелочахъ наряда, въ домашней обстановкѣ, въ какой либо забавѣ и увеселеніи, въ пѣснѣ, сказкѣ, побасенкѣ, или въ созданіяхъ, которыя исключительно и специально присвоиваются области искусства. Древнерусское общежитіе изъ своей первобытной непосредственности попало прямо подъ бичеваніе византійской аскетической идеи, отвергавшей на всѣхъ путяхъ и свободу знанія и свободу творчества. Поставленное съ разу въ тѣсныя и суровыя предѣлы аскетическихъ требованій, древнерусское общество лишилось возможности продолжать развитіе своего первозданнаго, безсознательнаго быта путемъ собственной самодѣятельности, путемъ собственнаго свободнаго творчества. Взамѣнъ младенческихъ пеленокъ, которыя, при естественномъ ходѣ развитія, свалились бы сами собою, оно было перевязано по рукамъ и по ногамъ узами — веригами иной культуры, вовсе несообразной съ его младенческой природой. Оно получилъ талантъ и вмѣстѣ съ нимъ строгій наказъ зарыть его въ землю, дабы сохранить въ цѣлости. Прошли столѣтія въ этомъ усердномъ зарываніи полученнаго таланта, и молодая жизнь постоянно оставалась съ тѣми же своими первозданными языческими началами и формами, которыя отъ времени, теряя прирожденный имъ смыслъ наивной непосредственности, еще больше дичали. Лучшія силы человѣческаго развитія были не только запрещены, но даже и прокляты. Міръ свободной науки былъ проклятъ, какъ міръ ереси и невѣрія, такъ что малѣйшая самостоятельность или независимость мышленія стала возбуждать страхъ всеобщаго потрясенія вѣры и нравственности и самого государства. Міръ свободнаго творчества былъ проклятъ какъ міръ соблазна. Поэзія во всѣхъ своихъ видахъ была изгнана

изъ общежитія, какъ грѣховная стихія, способствующая только олицетворять дьявола и „иже съ нимъ“. Такоюже грѣховною стихіею являлось свободное художественное творчество во всѣхъ родахъ искусства. Въ той самой сферѣ, гдѣ искусство, по рѣшительной необходимости должно было водвориться, ему, разъ навсегда, были начертаны извѣстныя цѣли и даже самыя формы, отъ которыхъ нельзя было отходить ни на шагъ, и которыя такимъ образомъ низводили художественное творчество на степень ремесла, какъ напр. низведена была живопись до иконописной прориси или трафаретки. Старина такъ и понимала искусство, какъ ремесло, какъ силу работающую дневнымъ только человѣческимъ полезностямъ и потребностямъ. Въ этомъ ея идеи совершенно совпадали съ идеями нѣкоторыхъ теперешнихъ мыслителей; заодно съ ними, она отрицала въ искусствѣ свободную и вполне независимую силу, которая вынашиваетъ свои созданія не для полезности текущаго дня, а свободно, какъ сама жизнь, какъ сама природа, выражаетъ ими или олицетворяетъ въ нихъ тайны задушевныхъ эстетическихъ думъ и созерцаній, и отдѣльнаго человѣка, и цѣлаго общества. Старина, конечно, не могла и мыслить о томъ, что въ сферѣ искусства, и только въ этой сферѣ, человѣкъ является существомъ вполне свободнымъ, не орудіемъ какой либо дневной полезности и необходимости, а самостоятельно творящею силою міровой жизни, гдѣ пользы или интересы дня теряются, какъ ничтожныя крупинки, въ пользахъ и интересахъ цѣлой эпохи. Мысль о такой самостоятельности и свободѣ человѣка была бы вопіющимъ противорѣчіемъ ея крѣпкимъ идеямъ о нескончаемомъ его рабствѣ и ученичествѣ, на которыхъ держалось все ея существо. Поэтому ей невозможно было даже и понять, что стѣсненіе свободнаго творчества въ человѣкѣ поведетъ прямо къ приниженію его нравственной природы до побужденій и инстинктовъ животнаго, къ чему въ дѣйствительности и пришло подконецъ нравственное состояніе нашего допетровскаго общества. Жизнь этого общества, исполненная одного лишь отрицанія, лишенная философскихъ и поэтическихъ созерцаній и идеализацій, стала въ общемъ склонѣ уподобляться жизни стада, гдѣ первое и исключительное побужденіе — *кормъ* въ животномъ смыслѣ, для самого стада, и *кормленіе* въ воеводскомъ смыслѣ, для пастуховъ; а затѣмъ тяжелое умственное лежаніе на боку и медленное, нескончаемое пережевыванье двухъ—трехъ понятій или

двух—трехъ идей, какими былъ ограниченъ общественный кругозоръ жизни. Природа, стѣсненная въ своихъ естественныхъ, нормальныхъ и разумныхъ стремленіяхъ и движеніяхъ, приняла иное направленіе и выростила, ибо не могла не выростить, стремленія и движенія ненормальныя и неразумныя, извращенныя, которыя явились какъ бы возмездіемъ, за то, что нарушенъ былъ правильный законъ ея развитія. Нищета стѣсненной и загнанной мысли, нищета умозрѣнія разнуздывала животное чувство и удержать его въ человѣчныхъ предѣлахъ не было возможно ни поученіями, ни наказаніями, ибо и тѣ, и другія лишь отрицали силу природы, а не полагали въ нее добраго сѣмени умственного развитія, которое одно только способно держать въ границахъ животнаго человѣка. Печаленъ отзывъ очевидцевъ—иностранцевъ о нашемъ старомъ обществѣ. „Нисколько не заботясь объ изученіи достохвальныхъ наукъ, говорить Оларій, не выказывая рѣшительно никакого желанія ознакомиться съ славными достопамятными дѣлами своихъ предковъ, не стараясь узнать что либо о состояніи иностранныхъ земель, русскіе, весьма естественно, въ собраніяхъ своихъ почти никогда не заводятъ рѣчи объ этихъ предметахъ. Всѣ рѣчи и разговоры ихъ не выходятъ изъ круга обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ. Такъ обыкновенно ведутъ они рѣчь о сладострастіи, о гнусныхъ порокахъ, о прелюбодѣвіяхъ, совершенныхъ частью ими, а частью и другими; тутъ же передаются разнаго рода постыдныя сказки и тотъ, который можетъ наилучшимъ образомъ сквернословить и отпускать разныя пошлыя шутки, выражая ихъ самыми наглыми тѣлодвиженіями, считается у нихъ пріятнѣйшимъ въ обществѣ.... Невозможно вообразить до какой степени предаются они чисто животнымъ побужденіямъ.... Пьянству они преданы сильнѣе всякаго другаго народа въ свѣтѣ. Наполнивши себя виномъ черезъ мѣру, они, подобно, неукротимымъ дикимъ звѣрямъ, готовы бываютъ на все, къ чему побуждаютъ ихъ необузданныя страсти. Порокъ этотъ—пьянство до такой степени распространенъ въ народѣ, что ему предаются всѣ сословія, какъ духовныя, такъ и свѣтскія, богатые и бѣдные, мужчины и женщины, и если иногда увидишь тамъ и сямъ пьяныхъ, валяющихся въ грязи на улицѣ, то это считается дѣломъ самымъ обыкновеннымъ“, и т. д.

Въ этомъ случаѣ, конечно, мы должны винить не людей, а тѣ начала, которыя управляли ихъ жизнію, именно начала всеоб-

ной и вселенной крутой умственной и нравственной опеки, господствовавшей надъ обществомъ и постоянно державшей его въ глупомъ рабствѣ, въ отрицаніи всѣхъ качествъ и дѣятельностей чело­вѣка, исполненнаго возраста и мужественныхъ силъ жизни. Въ такомъ ходѣ нашего общественнаго развитія выразилась та непреклонная истина, что обществомъ, для его блага, не можеть управлять законъ свойственный лишь потребностямъ и благу личности единичной; что напротивъ всякая единичная исключительная воля, ставшая для общества закономъ, всегда и неизвѣнно приводитъ общественную жизнь къ нравственному разстройствѣ. Аскетическая идея, какъ идея чисто личная, эгоистическая, а потому вполне способная устроить во благо личный бытъ, вовсе не была способна устроить во благо бытъ общества, бытъ цѣлой народности.

Возможное для произвола единицы, не бываетъ возможнымъ для доброй воли цѣлаго общества; общество въ сущности есть общая природа той же частности — единицы, общая чело­вѣческая природа, которую не въ силахъ ограничить, своими исключительными стремленіями никакая отдѣльная частица — личность, и которая не въ силахъ даже и сама себя ограничить. Общая природа чело­вѣка, нося въ себѣ не личные только, а міровые законы развитія, рано ли, поздно ли, всегда выбьется на свободу, на свой прямой путь, изъ всякихъ личныхъ, т. е. временныхъ и случайныхъ тенетъ и стѣсненій.

Аскетическая идея отрицала сферу мірскаго удовольствія, всякаго удовольствія, которое служило міру, т. е. утѣхамъ мірской жизни, для большинства и безъ постнической идеи всегда наиболѣе горькой и трудной. Но удовольствіе какъ и трудъ, если при извѣстныхъ условіяхъ и при извѣстномъ настроенствѣ понятій обходимы въ личной жизни, то въ общей жизни они являются насущною потребностью, вполне и безусловно необходимою, безъ которой не возможна сама жизнь общества, т. е. развитіе и совершенствованіе общей природы чело­вѣка. Отнимать у чело­вѣка мірское удовольствіе — значитъ самого его отнимать у общества и слѣд. лишать его высшаго блага въ его жизни и высшей цѣли его существованія, ибо для чело­вѣка высшее благо — жить въ обществѣ и высшая цѣль — жить для общества.

Вѣтъ скажутъ, что аскетическая идея отвергала лишь удо­вѣ развратныя, грубо-животныя. Это такъ; но вѣтъ

она отвергала мірское удовольствіе и безразлично въ самой его идеѣ; самую мысль о какомъ либо удовольствіи она почитала уже грѣхомъ и всегда грозила за то страхомъ будущаго наказанія.

Народная музыка, пѣсни, пляска, сказка, какая либо игра и т. п., въ нашемъ древнемъ быту съ перваго же времени, какъ только раздалось учительное слово, были отвергнуты, какъ дѣйства идолослуженія. Аскетическая проповѣдь возглашалась не исключительно только противъ разврата, какой въ иныхъ случаяхъ сопровождалъ эти дѣйства, напротивъ эти то самыя, въ сущности невинныя, удовольствія она и почитала развратомъ, бѣсовскимъ угодіемъ, лестью дьявола. Она безразлично ставила ихъ на ряду со всякими дѣйствительно развратными дѣйствіями и грѣхами и, поселяя омерзенеіе къ грѣшной жизни, рисовала эту жизнь именно чертами мірскихъ утѣхъ.

Домострой, преподавая наставленіе, какъ духовне устроить трапезу, столъ, обѣдъ или пиръ, пишетъ между прочимъ: „если начнутъ смрадныя и скаредныя рѣчи и блудныя; или срамословіе и смѣхотвореніе и всякое глумленіе; или гусли и всякое гуденіе и плясаніе и плесканіе и скаканіе и всякія игры и пѣсни бѣсовскія, — тогда, якоже дымъ отгонитъ пчелы, такоже отыдутъ и ангелы Божіи отъ той трапезы и смрадныя бесѣды, и возрадутся бѣси... да такоже безчинствуютъ, кто зернью и шахматы и всякими играми бѣсовскими тѣшатся“.... Или дальше: „А кто безстрашенъ и безчиненъ, страху Божію не имѣетъ и воли Божіи не творитъ и закону христіанскаго и отческаго преданія не хранитъ и всяко скаредіе творитъ и всякіе богомерзкіе дѣла: блудъ, нечистоту, сквернословіе и срамословіе, пѣсни бѣсовскіе, плясаніе, скаканіе, гуденіе, бубны, трубы, сопѣли, медвѣди и птицы и собаки ловчіи; творящая конская уристанія... (Такоже и кормяще и храняще медвѣди или нѣкая псы и птицы ловчіи, на глумленіе и на ловленіе и на прельщеніе простѣйшихъ человѣковъ....)“ Дальше: „или чародѣйствуетъ и волхвуетъ и отраву чинитъ; или ловы творитъ съ собаками и со птицами и съ медвѣдами; и всякое дьявольское угоде творитъ, и скоморохи и ихъ дѣла, плясаніе и сопѣли, пѣсни бѣсовскія любя; и зернью, и шахматы и тавлеи (играя) — прямо, всѣ вкушъ, будутъ во адѣ, а здѣ(сь) прокляти“....

Повторяя не одинъ разъ свои запрещенія, Домострой представляетъ только слѣпокъ общихъ мѣстъ изъ старѣйшихъ, самыхъ первыхъ поученій, которыя были принесены изъ Византіи и обличали нѣкогда язычество византійскаго же общества, гдѣ музыка, пѣсни, пляска, „бубенное плесканіе, свирѣльные звуки, гусли, мусикія, комическая и сатирская и козлиа лица“ (маски) и т. п., являлись на самомъ дѣлѣ служителями языческихъ боговъ, — „иже бѣсятя, жруще матери бѣсовстѣй Афродитѣ богинѣ... еже творяхуть на праздникъ Діонисовъ“, — такъ что нельзя было и отдѣлять ихъ вообще отъ идолослуженія. Но, съ той поры, вмѣстѣ съ идолослуженіемъ упомянутыя поученія стали отвергать и вообще мірскія игры и утѣхи, постоянно обзывая ихъ идольскою службою. „Не подобаетъ христіанамъ въ пирахъ и на свадьбахъ бѣсовскихъ игръ играти, то не бракъ наричется, но идолослуженіе, иже есть плясба, гудба, пѣсни бѣсовскія (*вар.* пѣсни мірскія) сопѣли, бубны, и вся жертва идольска, иже молятся проклятымъ богамъ...¹ — Каждый праздникъ, сопровождаемый обыкновеннымъ для народа весельемъ, принималъ уже смыслъ еллинскаго пированія, становился обычаемъ еллинской прелести. Нѣкоторыми, впрочемъ, византійскими правилами были отвержены даже народные пиры — братчины, именно какъ складчины для общаго веселья. Но такое запрещеніе осталось въ Русской землѣ безъ послѣдствій, ибо совѣтъ уже разрушало весь старый нашъ бытовой строй, вынимало, такъ сказать, самую душу народныхъ обычаевъ. Всякое мірское удовольствіе, забава и увеселеніе сдѣлалось, такимъ образомъ, грѣхомъ идолослуженія, сѣтими дьявола, которыми вѣрующія души отвлекались отъ Бога. Поэтому въ поученіяхъ при всякомъ удобномъ случаѣ напоминалось, сколь великъ такой грѣхъ и какъ нужно всегда его беречься.

Въ числѣ мытарствъ или испытаній души въ злыхъ дѣлахъ, между другими грѣхами поставлено было въ седьмомъ мытарствѣ и „писаніе на пиру“ на свадьбахъ, въ вавечерницахъ, и на игрищахъ, и на улицахъ, рядомъ съ бусловіемъ, срамословіемъ и безстыдными словесами, подъ которыми должно разумѣть также всякія поэтическія народныя словеса; а въ 15 мытарствѣ уже прямо указывается особое злое грѣховное дѣло,

¹ Датоиски Русской Литер. и Древн., изд. Н. Тихонравовымъ, т. IV. *Слова и поученія противъ язычества.*

еже *басни бають* и въ гусли гудуть, наравнѣ съ блудодѣяніемъ и со всякою ересью, именемъ которой обозначены и суевѣрныя примѣты и ворожба¹. Учительное слово нерѣдко живыми образами рисовало сатанинскую погибель отъ мірскаго увеселенья. Извѣстно довольно распространенное въ старой книжности сказаніе св. Нифонта о пѣсняхъ мірскихъ и о *русальяхъ* (игрищахъ), которое назидательно представило, какъ однажды демонъ, князь бѣсовскій, шелъ мимо Божьего храма, съ 12 бѣсами, которые стали завидовать церковному пѣнію и уворить своего князя, что оттого, что тамъ славятъ Христа, ихъ сила и слава сокрушилась; какъ демонъ успокоивалъ ихъ, говоря, что въ малъ часъ то пѣніе минуется, и люди начнутъ славить ихъ, бѣсовъ, мірскими пѣснями и плясаніемъ; какъ потомъ послѣ обѣдни „иде человекъ съ сопѣлами и по немъ много народъ идуща, ови съ гусльми, ови плещуще пояху, ови же пляшуще“; какъ бѣсы во очью этому радовались радостью великою и всѣхъ тѣхъ, „иже кто идише во слѣдъ сопущихъ, единомъ ужемъ (веревкою) связавше, влачаху; какъ они льстили другихъ на пѣсни и на плясанье и на игранье; какъ никто, мужъ святъ, зря изъ своей палаты, повелѣ предъ собою плясати — играти и вземъ сребреницу вдасть сопѣльнику; какъ бѣсы послали эту сребреницу отцу своему сатанѣ въ бездну; какъ онъ возрадовался этому пагубному дару особенно потому, что онъ былъ отъ христіанъ, повелѣвая понуждати ихъ на игры и на плясанія и на иное, еже есть имъ въ любовь... Все это было видѣно душевными очами и написано на пользу дабы бѣжать проклятыхъ игръ бѣсовскихъ, пачеже удаляться плясанія, да не со дьяволомъ осужденнымъ быть въ вѣчный огонь. Подобныя образныя представленія конечно дѣйствовали еще съ болъшею силою на убѣжденія людей, чѣмъ простыя слова запрещенія.

Съ теченіемъ времени поученія съ этою идеею шли дальше, разсматривали подробности всѣ виды мірскихъ утѣхъ и осудили окончательно все, что сколько нибудь выражало удовольствіе, утѣху, забаву, увеселеніе. Еще въ первыхъ поученіяхъ и запрещеніяхъ *шпильманъ* (шпынь, насмѣшникъ) рекше *глумецъ, плясецъ, гудецъ, свирльникъ, скожрацъ*, какъ и вся *шпильманская мудрость, смѣхотворная хитрость, скожрашное дѣло*, приобрѣли

¹ Памятн. Рос. Слов. XII в. 94.

скими христіанами, точно также въ нашемъ быту не могла имѣть никакого языческаго смысла; но тѣмъ не менѣе отвергалась, какъ предметъ идолослуженія. Объ ней писали: „Аще кто отъ влирикъ или колугъръ играетъ *шахматы* или лѣвки (кости), да извержетъ сана; ащель дьякъ (причетникъ) или протестъ (мірянинъ) да примутъ опитемью 2 лѣта о хлѣбѣ и о водѣ, одною днемъ, а поклона на день 200; понеже игра та отъ беззаконныхъ халдей: жрецы бо идольскіе тою игрою пророчествовашеть о побѣдѣ ко царю отъ идолъ, да то есть прельщеніе сотонино“. Очень не рѣдко именно такими соображеніями, вовсе не приложимыми къ древнему русскому быту, и руководились первые наши наставники въ правилахъ и уставахъ житія. Конечно, всякій предметъ народной забавы и утѣхи носилъ въ себѣ въ какое-то время языческія черты или просто служилъ язычеству; но такъ было по той причинѣ, что въ какое-то время вся жизнь человека была язычествомъ, поэтому, не только какая либо игра, но и всѣ предметы повседневнаго быта, вся домашняя утварь, начиная съ печнаго горшка, тоже приносимы были на службу тому же язычеству. Аскетическая идея въ своихъ отрицаніяхъ и отверженіяхъ вовсе не различала языческихъ идей отъ вещественныхъ предметовъ или отъ простыхъ порядковъ жизни и стремилась все сравнять и привести въ одинъ образъ и въ одну мѣру, въ одно положеніе.

Общество должно было устроиться, какъ монастырь, какъ пустынножителство, водворить повсюду обѣтъ молчанія, обѣтъ непрестанной молитвы, отдаваясь лишь работѣ дня, необходимымъ житейскимъ трудамъ и занятіямъ. Отъ жизни отнимался одинъ изъ существенныхъ элементовъ ея развитія, отнималась цѣлая область ея поэтическихъ стремленій, которыя конечно не приводили же къ одному только разврату, но содержали въ себѣ, какъ и всегда содержатъ, источникъ жизненной силы и для нравственнаго совершенствованія. Было необходимо только отличить этотъ добрый источникъ отъ того зла, какимъ онъ не всегда же и окружался. Но, вѣрная своему началу, аскетическая идея не должна была дѣлать подобныхъ различій. Поэзія въ ея глазахъ была вообще смрадомъ и скаредіемъ грѣховной жизни, поэтому именемъ бѣсовской пѣсни, басни, кошуновъ, глумленія, она безразлично обозначаетъ всякій памятникъ народнаго словеснаго творчества, равно какъ и всякую игру бѣсовскимъ угодіемъ, безчиніемъ, безсраміемъ; все это были дѣла бѣсовскія,

обычай тревлятыхъ еллинъ, грѣховныя уже потому, что исходятъ изъ грѣховнаго источника, изъ области свободнаго чувства, управляемой, какъ доказывали, исключительно дьяволомъ. Въ сущности аскетическая идея, отрицала все то, что въ своей живой совокупности имѣетъ свое великое имя. Она отрицала народность, русскую своеобразную культуру, не съ одной языческой стороны, но и со всѣхъ сторонъ свободнаго независимаго развитія народныхъ дарованій и народныхъ умственныхъ силъ. Она отрицала живую русскую народность во имя одной исключительной формы византійскаго, и по преимуществу восточнаго, быта.

Само собою разумѣется, что господство аскетической идеи должно было поддерживаться и всегда поддерживалось монастыремъ, изъ котораго постоянно и оглашалась гроза суровыхъ обличеній и запрещеній. Мірская власть, пребывавшая сама въ той же мірской жизни, никогда, сама по себѣ, не доходила до аскетическихъ умозрѣній и не поднимала гоненій на свою же мірскую общественность. Она по необходимости становилась только покорною исполнительницею правилъ и предписаній, исходившихъ изъ уединенныхъ и отверженныхъ отъ жизни келлій. Изъ этихъ то богомольныхъ и благочестивыхъ обителей и разносилось обличительное слово, напоминавшее время отъ времени мірскимъ людямъ о жизни праведной. Лишь отсюда и мірская власть получала усердные воззванія дѣйствовать противъ мірскихъ увеселеній, какъ подобало ея грозной державѣ. Такимъ образомъ запрещенія мірскихъ утѣхъ сначала восстанавливались путемъ частныхъ, такъ сказать личныхъ проповѣдей, со стороны только наиболѣе усердныхъ подвижниковъ монастырскаго житія и впоследствии уже, едвали не со времени казанія Стоглава, были приняты, какъ общее постановленіе, т. е. вошли въ кругъ правительственныхъ дѣйствій. Еще въ началѣ XVI ст. правительство, т. е. общая власть, стоитъ какъ бы въ сторонѣ отъ этого дѣла, и потому, напр., въ 1505 г. игуменъ Елизарова монастыря Панфилей частнымъ путемъ обращается къ градскимъ властямъ Пскова, прося ихъ державу унять беззаконныя игрища, какія происходили тамъ по случаю праздника Рождества Іоанна Предтечи, 24 іюня. Онъ пишетъ: **Сиче бо еще есть останокъ непріязни въ градѣ семъ, и зѣло не престала здѣ еще леть идолская, кумірское празнованіе, ость и веселіе сатанинское, въ немъ же есть ликованіе и**

величаніє діаволу и красованіє бѣсомъ его въ людѣхъ сихъ, не свѣдущихъ истины.... Егда бо приходитъ велій празникъ день Рождества Предтечева, и тогда, во святую ту ночь, мало не весь градъ взматется и взбѣсится, бубны и сопѣли, и гуденіемъ струннымъ и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканіемъ и плясаніемъ, и того ради двинется, яко въ поруганіє и въ безчестіє Рождеству Предтечеву, и въ посмѣхъ и въ поруганіє и въ укоризну дни его; вѣстучить бо градъ сей и возгремѣть въ немъ людіе.... стучать бубны и гласъ сопѣлій и гудуть струны. Женамъ же и дѣвамъ плесканіє и плясаніє, и главамъ ихъ поживаніє, устами ихъ непріязненъ вличъ и вопль, всескверныя пѣсни, и хребтомъ ихъ вихляніє, и ногамъ ихъ скаканіє и топтаніє; ту же есть мужемъ же и отрокомъ великое прелщеніє и паденіє; но яко на женское и дѣвическое шатаніє блудно и вѣзрѣніє, такоже и женамъ мужатымъ, незаконное оскверненіє, тоже и дѣвамъ растлѣніє.... Тако ли есть христіаномъ православнымъ вѣра и чинъ? И сія ли есть христіанская лѣпота и законъ?... Господь мой, благочестивыи мужи, власти сущи, грозная держава града сего! восклицаетъ игумень. „Уймите, храбрскимъ мужествомъ вашимъ отъ такого начинанія идолскаго служенія богозданный народъ сей“. Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя монастырскія частныя воззванія къ державнымъ градскимъ властямъ начались въ одно время съ распространеніемъ монастырской жизни. За долго до общихъ правительственныхъ запрещеній, онѣ уже тяготѣли надъ обществомъ, какъ правительственный же законъ.

Поученія дѣйствовали на общество воспитательно и, само собою разумѣется, что по ихъ идеямъ воспитывался по необходимости и идеалъ достойнаго человѣка, а слѣд. и идеалъ достойнаго общества, изящныхъ его нравовъ и изящныхъ порядковъ жизни. Общество, если и не могло совсѣмъ удалить отъ себя мірскія утѣхи, то все-таки оно получило въ немъ омерзеніє грѣха и въ силу такого воззрѣнія, музыку, пѣсню, пляску, басню и т. п. оно осуждало на изгнаніє изъ среды хорошихъ, чистыхъ нравовъ, оно, по естественной причинѣ, стало даже съ гордостью выситъсь передъ ними, стало ихъ презирать, низвело ихъ такимъ образомъ до степени скоморошества или до низменныхъ и по необходимости грязныхъ занятій поденщика и продавца всякихъ увеселеній и утѣхъ, а слѣд. до дѣйствительнаго разврата. Невинная забава и утѣха въ глазахъ достойнаго человѣка явилась или дѣломъ ре-

блечества или дѣломъ скоророха, отъявленнаго негодника и безстыдника, неизвѣснаго и малѣйшаго сознанія о добромъ и честномъ нравѣ. Возвышенные, честные нравы общества мыслили о забавѣ, напр. о танцахъ, слѣдующимъ образомъ: „что за охота ходить по нѣбѣ, искать ничего не потерявъ, притворяться сумасшедшимъ и смѣяться скоророхомъ? Человѣкъ честный (достойный, нравственный) долженъ сидѣть на своемъ мѣстѣ и только забавляться кривляньями шума, а не самъ быть шуткомъ, для забавы другаго....“¹ Такъ мыслили въ XVI и XVII ст., въ эпоху, когда изъ ученій Домостроя образовалась уже крѣпкая практическая философія. Здѣсь мы встрѣчаемся съ понятіями не о грѣхѣ только, не о бѣсовскомъ только угодіи, а уже съ высокопѣріемъ степеннаго, чиннаго и благочестиваго нрава, съ извѣстною выработкою приличія, которая почитала такую веселость безобразіемъ и искаженіемъ нравственнаго лица.

Ученія Домостроя отъ первыхъ еще вѣновъ были главною и исключительною причиною того, что совсѣмъ уюмила и народная литература, скоро уюмили вѣщія пѣсни баяновъ, воодушевлявшія первыхъ нашихъ удалыхъ и храбрыхъ князей и готовившія родному языку лучшую будущую, чѣмъ та, науку онъ приобрѣлъ отъ книжнаго высокопарнаго, но сухаго и безжизненнаго слова. Въ XI вѣкѣ мы еще видимъ около князей пѣснотворцевъ, вѣщими перстами на живыхъ струнахъ, прославляющихъ княжескія доблести, поющихъ славу временамъ и старымъ и молодымъ, поющихъ славу народности, исполненной свѣжихъ здоровыхъ силъ и юношеской отваги. Но въ одинъ отъ дней приходитъ къ князю Святославу Ярославичу преп. Θεодосій Печерскій и видитъ: сидитъ князь, а предъ нимъ многіе играютъ, „овы гуслиные гласы испущающе, другіе же органные гласы поюще, инымъ замарныя писки гласящемъ, и тако всѣмъ играющемъ и веселящемся, якоже *обычай есть предъ княземъ*“. Блаженный съль вскрай князя, поникъ долу и скавалъ: то будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ! Князь умилился словамъ преподобнаго, прослезился и повелѣлъ играцамъ перестать. Съ тѣхъ поръ, если когда и начиналась такая игра, то, слышавъ приходъ блаженнаго, князь всегда повелѣвалъ переставать своимъ пѣвцамъ. XI вѣкѣ жилъ еще полною силою народного творчества и мало сознавалъ, что вѣщія пѣсня баяна

¹ Масляничъ, 62.

есть бѣсовское угодіе, есть идольская служба. На это указываетъ даже и самое посѣщеніе кн. Святослава преп. инокомъ во время веселаго пѣснотворства, которое было остановлено не въ тотъ же часъ, какъ пришелъ св. инокъ, а лишь послѣ его умилительнаго поученія; было остановлено лишь изъ особенной любви къ нему и продолжалось по обычаю въ его отсутствіе. Жившій въ томъ же вѣкѣ, послѣ Θεодосія, митрополитъ Іоаннъ, мужъ хитрый кнпгамъ и ученью, точно также въ своихъ наставленіяхъ, не мнитъ нарушить обычаи мірскаго устава и за-прещаетъ только мнихамъ и іерейскому чину присутствовать лишь на такихъ пирахъ, гдѣ начиналось играніе, плясаніе, гуденіе. Онъ совѣтуетъ или отнюдь отиѣтаться тѣхъ пировъ, т. е. не ходить на нихъ, или же, какъ начнется играніе, бѣсовское пѣніе, блудное глумленіе. вставать и уходить, да не оскверняютъ себѣ чувства видѣніемъ и слышаніемъ, по отеческому повѣленію; отходить въ то время, если будетъ соблазнъ великъ и вражда не смирена, ибо можно подумать, что считаешь эти игры и самъ въ нихъ участвуешь. Но то, что вначалѣ предписывалось только иноческому и іерейскому чину, впоследствии стало обязательнымъ и для всего мірскаго чина, стало грѣхомъ для всѣхъ мірянъ, а потому чрезъ сто лѣтъ, въ концѣ XII вѣка, объ этихъ вѣщихъ пѣсняхъ поминается уже какъ о старыхъ, едва памятныхъ словесахъ. Пѣвецъ Игоря едвали не былъ послѣднимъ баяномъ нашей древности, послѣднимъ творцемъ пѣсни, сложенной старыми словесами, или народною поэтическою рѣчью, которую онъ видимо отличаетъ отъ новыхъ словесъ, отъ словесъ входившей тогда въ господство церковной книжности, осудившей старыя словеса или народную рѣчь, а вмѣстѣ съ ней и поэтическое народное творчество, на вѣчное безвозвратное изгнаніе. Въ послѣдующіе вѣка эти старыя словеса, какъ вообще народная поэтическая рѣчь, обзывались уже словесами грѣховнаго глумленія, бѣсовскими пѣснями. Книжное перо уже страшилось изобразить такое слово на бумагѣ, дабы не совершить тѣмъ угодія дьяволу и не уронить въ грязь високаго и святаго достоинства книжной рѣчи. Писаное слово, принеся святое ученіе, само по себѣ стало разсматриваться какъ святыня и простой умъ въ недоумѣніи вопрошалъ еще въ XII в. „нѣстьли въ томъ грѣха, аже по грамотамъ ходити ногами, аже кто изрѣзавъ помечеть, а слова будутъ знати!“¹

¹ Памятн. Рос. Слов XII в. 187.

Понятно, что при такомъ умствованіи невозможны были никакія списки пѣсенъ и всякихъ другихъ памятниковъ народной рѣчи.

Осужденныя проклятію, отверженныя для писанаго слова, эти пѣсни все больше и больше замирали, исчезали, а съ тѣмъ вмѣстѣ понижалась и творческая поэтическая сила народа. Черезъ два—три столѣтія эта сила уже не была способна достойнымъ образомъ воспѣть великія событія народной жизни и, изображая напр. Мамаево побоище, обращалась за поэтическимъ образомъ, какъ и за поэтическою рѣчью все къ тѣмъ же старымъ пѣсеннымъ словесамъ. Таково было вліяніе старой книжности, таковы были послѣдствія ея ученій. Общество было лишено литературнаго своенароднаго развитія, сильные проблески котораго, такъ замѣтны даже въ лѣтописи XI и XII столѣтій, когда аскетическая идея еще только начинала свой подвигъ. Послѣ того съ распространеніемъ господства этой идеи и лѣтопись постепенно понижаетъ свой независимый голосъ, теряетъ самостоятельность лѣтописи, какъ повѣсти временъ и лѣтъ. и становится лишь орудіемъ поученія, средствомъ прославлять и оправдывать дѣла Божіи, какъ и дѣла государевы; поэтому становится или поучительнымъ словомъ (Степенная книга) или дьячьимъ изложеніемъ дѣла (лѣтописи XV и XVI ст.). Такимъ образомъ и литературная производительность общества сохраняетъ только эти двѣ формы словеснаго творчества, поученіе, въ видѣ слова, сказанія, житія, что все равно; или юридическій актъ, дьячью записку изъ дѣла. Пѣсня — повѣсть, былина, старина, а тѣмъ болѣе сказка и простая пѣсня являются недостойными писанаго слова. потому что возвращаются уже въ презрѣнной средѣ бѣсовскихъ угодниковъ. Недостойными являются и всѣ виды мірскихъ веселостей, обыкновенно всегда сопровождаемые пѣсеннымъ же поэтическимъ словомъ. Степенный старческий чинъ жизни утверждаетъ и оправдываетъ лишь одно веселье, — предпоставленную трапезу, мѣрное питіе, и разумѣется строго и безпощадно преслѣдуетъ питіе не въ мѣру, пьянственную напасть. Но общество, въ которомъ были заглушены всѣ умственные и поэтическіе стремленія и инстинкты, у котораго были отняты или по крайней мѣрѣ сильно заподозрѣны въ грѣхѣ, всѣ обычные средства веселости, такому обществу совѣтъ не было возможности устоять на мѣрѣ въ единственной узаконенной веселости, въ питіи. По его понятію именно въ пьянствѣ и заключалось

истинное веселіе. И въ этомъ оно было совершенно справедливо, ибо чтожъ другое могло наполнить пустоту его жизни и мысли, украсить его отдыхъ, удовлетворить природной потребности вознаграждать мѣру труда, мѣрою удовольствія. Честный пиръ потому и былъ честенъ и веселъ, что всѣ тутъ напивались; веселье именно въ томъ и разумѣлось, чтобъ быть пьянымъ: гости не веселы, слѣд. не пьяны и быть навеселѣ и теперь даже значить быть умѣренно пьянымъ.

Судя по многочисленнымъ изображеніямъ этого порока, которыми исполнены старинныя поученія, веселье тогда уже являлось пьянственной напастью, когда человѣкъ допивался, какъ говорится, до положенія ризъ. „И что есть, братъе, скарденѣе пьянчиваго! Сѣдять бо забывый вся и умъ си погубле, яко неистовъ, и не чюется, что творя. Да то ли, братъе, *веселье* и таколи, братъе, въ законъ и во славу Божию есть?... Не чюя ничто, аки мертвъ лежитъ и аще ему что глаголеши, не отвѣщаетъ.... Сliny бо въ немъ согнѣвшесе смрадомъ воняють, и рыганіе, аки скотиное. Помысли убо, како убогая та душа, ави въ ямѣ въ темнѣ, въ тѣлѣ томъ грязить. Аще же и возстанеть, мнящесе изспався, то и еще не здравъ есть, облакъ пьянственный еще мутится ему предъ очима и омрачаетъ.... Братіе трезвы будьте, ибо супостатъ вашъ діаволъ ищетъ пьяныхъ, да пожретъ. О горе! какъ пьянымъ ухорониться, а лежаще, аки мертвымъ! А отъ Бога отбѣгшимъ пьянства ради; и удалшимся отъ Духа Святаго, смрада ради пьянаго; а слова Божія неимущимъ во устѣхъ своихъ, гнилія ради піанственнаго; ангелу хранителю отбѣгшу пьянства ради и плачущися, а бѣсомъ веселящимся о піяницахъ и радующесе, приносятъ жертву ко діаволу отъ піяницы. Діаволъ же радуяся глаголетъ: яко николи же тако радуюся и веселюся о жертвахъ поганыхъ человѣкъ, якоже о пьянствѣ христіанъ; всякія бо дѣла моего хотѣнія суть во піяницахъ; мои суть піяни, а трезви Божія.... Оставайтесь братія окаянна піанства. А питіе бо законно, и въ славу Божию, яко на веселіе намъ Богъ далъ. И то въ подобно время. Еже бо ни отнюдь не быти, (то) не отреченно есть питіе святыми отцы; но сиде вѣщаше: да не упиваетеся въ піанство. Мнози бо невѣгласи глаголють, яко то праздникъ честный есть, да піемъ и веселимся! Уразумейте и сами безумніи, что сіе глаголете, яко оставляете праздники Божія и діаволу угрожаете....“ Домострой XVI вѣка, изобразивши всѣ не

практическія и невыгодныя стороны пьянственной напасти, отрицаетъ: „не реку непити: не буди то! Но реку не упиватися въ пьянство злое. Я дара Божія (вина) не похуляю, но похуляю тѣхъ, которые пьютъ безъ воздержанія. Сказано: пейте мало вина веселія ради, а не пьянства ради, ибо пьяницы царствія Божія не наследятъ“. Но ради какогоже веселья слѣдовало пить? Если въ немъ самомъ, въ одномъ только питіи содержалось веселье, то гдѣже были эти границы, отдѣлявшія веселье отъ пьянства? Питіе, разумѣется, возбуждало къ веселости, которая и должна была удовлетворяться мірскими средствами веселья. Питіе служило наилучшимъ украшеніемъ всякой трапезы и особенно праздничной; какъ даръ Божій оно благословлялось; оно было веселіемъ, удовольствіемъ тѣлеснаго чувства. Но такимъ же веселіемъ, удовольствіемъ нравственнаго чувства была пѣсня, музыка, пляска, вообще игра, равно какъ и сказка—небылица, повѣсть, загадка и т. п., т. е. вообще мірская литература и мірская забава. Положимъ, что во всемъ этомъ въ первое время слишкомъ ярко и слишкомъ прямо отражалось древнее язычество; но запрещенія, одно за другимъ слѣдовали и притомъ еще съ болѣею строгостію даже и въ то время, когда и храмы и идолы были разрушены и народъ, предаваясь такимъ веселостямъ, уже не вѣдалъ самъ, что творилъ, а удовлетворялъ только своей человѣческой потребности веселиться послѣ работы. Положимъ, что эти веселости онъ нерѣдко сопровождалъ буйствомъ и грязнымъ развратомъ; но тѣмъ же самымъ по преимуществу сопровождалось и неумѣренное питіе; оно-то и было основою всякихъ неистовствъ, до которыхъ доходило иной разъ мірское веселье. Оставалось оберегать это веселье именно только отъ пьянственной напасти; оставалось веселью дать тоже мѣсто въ законѣ, каковымъ пользовалось собственно питіе, т. е. не отрицая мірскихъ веселостей въ существѣ, проклинать лишь ихъ языческія или же вообще грубыя, грязно-развратныя, буйныя формы или виды, наравнѣ съ пьянствомъ, какъ съ развратнымъ и грязнымъ видомъ питія. Отвергая всѣ формы мірской веселости, пѣсню, музыку, пляску, учительная философія должна была особенно помогать распространенію въ обществѣ именно одной только пьянственной напасти. Мірская трапеза начиналась степеннымъ питіемъ, а оканчивалась всегда неистовымъ пьянствомъ, по той простой причинѣ, что за отсутствіемъ болѣе тонкихъ формъ удовольствія, оно по необходимости

становилось единственнымъ исключительнымъ удовольствіемъ и весельемъ. Такимъ образомъ пьянственную напасть, какъ потребность веселья, могли остановить не обличенія, а свободное развитіе умственныхъ и эстетическихъ потребностей общества, свободное развитіе его поэтическаго творчества, какъ особенно въ литературѣ, такъ и вообще въ остальной области искусства. Если человѣческое удовольствіе, и слѣд. въ общирномъ понятіи вся область поэзіи находилась подъ осужденіемъ и проклятіемъ, то человѣку ничего другаго не оставалось, какъ предаваться веселью пьянства, и стало быть предаваться не простому веселью, а именно тѣмъ оргіямъ, которыя и подавали главный поводъ изгонять изъ общественной среды всякія удовольствія. Духовные интересы были ограничены, тѣмъ безграничнѣе пробуждались инстинкты животныя. Въ этомъ обнаруживалъ только свою силу неизмѣнный законъ человѣческой нравственной природы. Гоненія и стѣсненія привели общество только еще къ большому огрубѣнію, низвели его до степени прямого животнаго, гдѣ терялось уже сознаніе о нравственномъ и безнравственномъ и гдѣ развратъ происходилъ не столько отъ развращенія нрава, сколько изъ потери этого сознанія. По такой же неизмѣнности и неразрушимости законовъ общественной жизни всѣ усердныя поученія объ изгнаніи изъ человѣческаго міра прирожденныхъ ему общественныхъ утѣхъ и удовольствій, всѣ безпощадныя ихъ обличенія, даже всѣ правительственныя мѣры, время отъ времени поднимаемыя противъ народныхъ увеселеній, оказались безсильными. Многое, дѣйствительно, угасло, исчезло, многое исказилось, потеряло всякій смыслъ не только языческій, но даже и поэтическій; но многое оставалось еще въ первобытной свѣжести даже въ дни петровской реформы, и сохранилось до нашего времени, хотя и въ обломкахъ.

Мы знаемъ, что въ домашнемъ быту государева дворца съ большимъ усердіемъ читались всѣ сказанныя поученія; знаемъ также, что церковный и особенно иноческій чинъ не переставалъ обличать всякія мірскія игрища и веселости и постоянно увѣщевалъ беречися пустошныхъ бесѣдъ и смѣхотворенія неподобнаго, плясанія, скаканія, гудѣнія, пѣсенъ бѣсовскихъ, скормороховъ съ ихъ дѣлами, вообще всякихъ мірскихъ забавъ, къ

была поражена наружностью органовъ и клавикордовъ, которые были раззолочены и украшены финифтью и восхищалась гармонією звуковъ этихъ мусикійныхъ орудій, никогда ею невиданныхъ и неслыханныхъ. Тысячи народа толпились около дворца, чтобы ихъ послушать“. Органы однакожъ въ московскомъ дворцѣ не были такою рѣдкостью, какъ можно было бы заключить изъ словъ Горсея. Мы видѣли (т. I, стр. 173), что часы съ музыкою въ XVI ст. уже украшали этотъ дворецъ, и забавляли царское семейство своею чудною игрою. Въ отношеніи же органовъ упомянемъ, что еще при Иванѣ III, въ 1490 г. въ Москву вызванъ былъ въ числѣ прочихъ художниковъ и *органный игрецъ* капланъ бѣлыхъ чернецовъ Августинова закона Иванъ Спаситель¹. Если необходимъ былъ органный игрецъ, то само собою разумѣется, что органы уже стояли во дворцѣ, или же быть можетъ въ то же время были привезены вмѣстѣ съ игредомъ.

Объ органахъ и другихъ музыкальныхъ инструментахъ, составлявшихъ принадлежность царской Потѣшной Палаты, мы будемъ говорить послѣ, а теперь перейдемъ къ обзорѣнію утѣхъ комнатныхъ и такъ сказать кабинетныхъ.

Самымъ виднымъ, наиболѣе выдающимся предметомъ комнатной забавы былъ дуракъ, шутъ. Это былъ, если можно такъ выразиться, источникъ постоянного спектакля, постоянной вседневной утѣхи для всѣхъ комнатныхъ дворцовыхъ людей. Писаніе обозначало эту сторону домашнихъ увеселеній именемъ глумленія, кощунанія, шпильманской мудрости, а самыхъ дураковъ и шутовъ обозначало шпильманами, глумотворцами, смѣхотворцами, сквернословцами и т. п. именами. Такимъ образомъ штатная обязанность дурака заключалась въ томъ, чтобы возбуждать веселость, смѣхъ. Онъ достигалъ этой цѣли или пошлыми, или острыми, слишкомъ умными или слишкомъ глупыми, но всегда необычайными словами и такими же поступками. Конечно самый грязный цинизмъ здѣсь не только былъ умѣстенъ, но и заслуживалъ общаго одобренія. Въ этомъ, какъ нельзя лучше обрисовывались вкусы общежитія, представлявшаго съ лицевой стороны благочестивую степенность и чинность, постническую

¹ Неправильное чтеніе лѣтописи, по которому этотъ игрецъ выходилъ *изъ комнаты Арианагома*, раскрыто кн. Оболенскимъ во *Временникѣ* Истор. Общества, кн. 16, смѣсь стр. 21 и сл.

выработку поведенія, а внутри исполненнаго неудержимыхъ побужденій животнаго чувства, затѣмъ, что велико было въ этомъ обществѣ пониженіе мысли, а съ нею и всѣхъ изящныхъ, поэтическихъ и эстетическихъ инстинктовъ. Циническое и скандальное нравилось, и очень нравилось, потому, что духовное чувство совѣсти не было воспитано, а было только связано, какъ ребенокъ пеленками, разными, чисто внѣшними, механическими *правилами* и запрещеніями, которые скорѣе всего служили лишь прямыми указателями на сладость грѣха, т. е. въ собственномъ смыслѣ на сладость свободныхъ отношеній человѣка къ своей природѣ. Постнической облигъ обществѣ съ дѣйствительною застѣнчивостію, но съ большою радостью готовъ былъ выслушивать все, что потаенно отъ него сохранялось, лишь бы обличеніе этого потаеннаго происходило изъ устъ человѣка, въ нѣкоторомъ смыслѣ потеряннаго, лишь бы сохранялась такія образомъ стройность постническаго порядка жизни, ибо потерянный для этого порядка человѣкъ, никакъ не могъ, конечно, служить его раззорителемъ. На то и существовалъ въ домѣ дуракъ, чтобы олицетворять дурацкія, а въ сущностивольныя движенія жизни, или вообще волю, свободу, независимость жизни; чтобы ровную, однообразную при томъ постнически однообразную домашнюю жизнь выбивать изъ ея тѣсной колеи, изъ ея постнической неволи.

Необходимость въ домашнемъ дуракѣ являлась сама собою, именно по той причинѣ, что жизнь общества уже слишкомъ стѣснилась, окрѣпла, одеревенѣла отъ этого многаго *правила*, слишкомъ одомостронлась, такъ что дуракъ, въ иносказательномъ смыслѣ, былъ какъ бы проводникомъ свободнаго, свѣжаго воздуха въ спертую и удушливую атмосферу повседнежнаго быта, замкнутаго всевозможными уставами и правилами. Это былъ естественный продуктъ умственного и нравственнаго застоя жизни. Какъ скоро жизнь стала освобождаться, выходить на волю, то постепенно стали уходить со сцены и дураки; и теперь трудно даже и представить себѣ, что такое былъ дуракъ на самомъ дѣлѣ?

Должно полагать, что одни изъ нихъ бывали въ дѣйствительности идиоты, умственные уроды, помѣшанные, безумные, содержимые въ домахъ какъ рѣдкость, какъ игра природы, *забавал* наравнѣ съ карликами, говорящими поугаями или арапами, обезьянами и разными другими чудами и дивами, какихъ

не всякій видалъ. Понятій о чудовищномъ униженіи въ этомъ случаѣ человѣческаго достоинства, въ старомъ обществѣ не существовало. На это не указывали и поученія домостроевъ, отвергавшія только формы безнравственной жизни, а не самыя ея корни, т. е. извращенныя, безчеловѣчныя идеи. Человѣкъ уродъ, какъ невиданный звѣрокъ, становился посмѣшищемъ для обыкновеннаго человѣка, становился его забавою, игрушкою. Брюинъ, замѣчая вообще о нашихъ допетровскихъ увеселеніяхъ говоритъ между прочимъ, что „Русскіе веселятся съ какимъ-то звѣрскимъ довольствомъ зрѣлищемъ людей умалишенныхъ и и разныхъ калѣкъ и уродовъ, особенно когда оныя находятся въ опьянѣломъ положеніи“¹.

Съ такимъ же значеніемъ, какъ умственный уродъ, особенно цѣнился и дуракъ-шутъ, умный острякъ, замысловатый глумлотеоретъ и смѣхотворецъ. Онъ носилъ имя дурака потому, что всякое глумленіе, смѣхотвореніе вообще признавалось степеннымъ и чиннымъ обществомъ чѣмъ-то въ родъ ребячества и глупости. потому что своими словами и дѣлами онъ слишкомъ уродливо выдвигался изъ умнаго уровня на какомъ стояла тогдашняя порядочность поведенія. Въ этомъ отношеніи и очень умныя, какъ и очень глупыя слова и дѣла имѣли равный смыслъ дурачества, почему всегда и прощались какъ дурачество. на которое не стоило обращать умнаго, разсудительнаго вниманія. Дуракъ, какъ и юродивый становились иной разъ суровыми и неумолчными обличителями лжи, коварства, лицемерія и всякихъ другихъ личныхъ и общественныхъ пороковъ, надъ которыми они издѣвались съ полнымъ и самымъ свободнымъ цинизмомъ, находя всегдашнее оправданіе для своихъ безцензурныхъ дѣйствій въ томъ же уродливомъ смыслѣ своей жизненной роли. Это была сатира, комедія, та сторона литературы, которая въ развивающемся обществѣ составляетъ прирожденную силу и за неимѣніемъ письменности, печатнаго слова, обнаруживаетъ свои стремленія устнымъ словомъ, сценическимъ и циническимъ представленіемъ, а въ обычномъ смыслѣ дурачествомъ, ибо, какъ мы замѣтили, все смѣшное и комическое было дѣломъ однихъ только дураковъ. Такимъ образомъ другой разрядъ дураковъ, именно дураки-шуты, бывали вообще люди не глупые, что подтверждаютъ даже и историческія свидѣтельства. *Шуты*

¹ От. Зап. 1830, СХХV.

Гаврила, въ 1537 г., счужьлъ спасти себя отъ московской государевой опалы, измѣнивъ своему личному государю, удѣльному старшцкому князю Андрею Ивановичу. Онъ бѣжалъ отъ него въ Москву въ то время, какъ несчастный князь долженъ былъ попасть въ московскія сѣти и окончить свой вѣкъ „въ нужѣ страдальческою смертію“. Шутъ спасалъ свою жизнь и вѣрно понялъ, что дѣло его князя было проиграно безвозвратно¹. — Изъ этого свидѣтельства мы видимъ, что въ началѣ XVI ст. шуты принадлежать къ необходимымъ домашнимъ людямъ.

Манштейнъ, описывая придворный бытъ императрицы Анны Ивановны, замѣчаетъ между прочимъ, что „по древнѣйшему въ Россіи установленному обычаю, каждый частный человекъ, получающій хорошіе доходы имѣлъ при себѣ покрайней мѣрѣ одного шута. Изъ сего можно судить, что въ нихъ не было недостатка и при дворѣ“, т. е. еще къ началу XVIII ст., ибо въ это время старая русская жизнь держалась еще очень крѣпко и была только снаружи заставлена разными нѣмецкими декораціями, такъ что Анна Ивановна по своему воспитанію, образованію и особенно по своимъ вкусамъ вполне принадлежитъ не XVIII, а XVII столѣтію и въ этомъ отношеніи XVIII ст., въ смыслѣ новой эпохи, должно начинаться собственно съ Елисаветы Петровны. По той же причинѣ и Петръ I, какъ говоритъ Манштейнъ, отменно жаловалъ шутовъ; при немъ часто ихъ бывало человекъ до 12 и болѣе. Петръ былъ родной сынъ и прямой наследникъ XVII ст., а потому и нельзя, чтобы въ его нравственныхъ чертахъ не сохранилось родоваго сходства съ своимъ родителемъ; къ тому же шуты и всякое шутовство ему очень были нужны не столько по домашнимъ, сколько по политическимъ причинамъ. Съ ними вмѣстѣ онъ велъ борьбу съ старымъ порядкомъ жизни, публично его осмѣивалъ, составлялъ на него цѣлыя сатирическіе спектакли....

Шутовъ и шутовство особенно также любилъ и царь Иванъ Васильевичъ Грозный. Одною изъ главныхъ утѣхъ его, говоритъ Карамзинъ, были многочисленныя шуты, коимъ надлежало смѣшить царя прежде и послѣ убійствъ и которые иногда платили жизнью за острое слово. Между ими славился князь Осипъ Гвоздевъ, имѣя знатный санъ придворный. Однажды, недоволь-

¹ Карамз. VIII, пр. 16.

ный какую-то шуткою, царь вылил на него мису горячих шей; бѣдный смѣхотворецъ вопилъ, хотѣлъ бѣжать: Іоаннъ ударилъ его ножомъ.... обливаясь кровью, Гвоздевъ упалъ безъ памяти. Немедленно призвали доктора Арнольфа. Изцѣли слугу моего добраго, сказалъ царь: „я поигралъ съ нимъ неосторожно“. „Такъ неосторожно (отвѣчалъ Арнольфъ), что развѣ Богъ и твое царское величество можетъ воскресить умершаго: въ немъ уже нѣтъ дыханія“. Царь махнулъ рукою, назвалъ мертваго шута псомъ и продолжалъ веселиться“. Въ сопровожденіи шутовъ царь дѣлалъ даже церемоніальные поѣзды. Одинъ итальянецъ, бывшій въ Москвѣ въ 1570 г., рассказываетъ между прочимъ: „царь въѣзжалъ при насъ въ Москву.... впереди ѣхали 3000 стрѣльцовъ, за стрѣльцами шутъ его на быкъ, а другой въ золотой одеждѣ, затѣмъ самъ государь“.... Однажды, издѣваясь надъ поляками въ лицо ихъ посольству, онъ схватилъ соболѣю шапку съ одного изъ ихъ дворянъ, надѣлъ ее на своего шута и заставилъ его кланяться по польски. Когда тотъ отвѣчалъ, что неумѣетъ, то царь сталъ учить его, самъ кланялся и смѣялся. Быть можетъ особенное расположеніе Грознаго къ шутамъ и шутовству условливалось отчасти, подобно какъ и при Петрѣ, причинами замаскированной борьбы съ положеніями своего времени или съ своими личными врагами. Такъ, онъ заставилъ везти къ Москвѣ собранныхъ въ Новгородской области медвѣдей одного опальнаго архимандрита ¹.

На пирахъ Грознаго являлись шутниками и его любимицы изъ опричниковъ — дворянъ, каковъ былъ, напр., Василій Грязной. Когда, въ 1572 г., онъ, вблизи Крыма, на степномъ развѣздѣ, взять былъ въ плѣнъ и писалъ о томъ государю, царь отвѣчалъ ему: „что писалъ еси, что по грѣхамъ взяли тебя въ полонъ: ино было, Васюшка, безъ пути середь крымскихъ улусовъ не заѣзжати; а ужъ заѣхано, ино было не по объѣздному спати. Ты чаялъ, что въ объѣздѣ пріѣхалъ съ собаками за зайцы.... али ты чаялъ, что таковожъ въ Крыму, какъ у меня, стоячи за кушаньемъ, шутити? Крымцы такъ не спятъ, какъ вы, да васъ дрючонъ (нѣженогъ) умѣютъ ловити.... А что сказываешься великой (знатный) человекъ, ино что по грѣхомъ моимъ учинилось, и намъ того какъ утайти. — Что отца на-

¹ П. С. О. Л. III, 167. Въ такомъ смыслѣ, кажется, должно понимать указанный здѣсь текстъ лѣтописи.

шего и наши бояре намъ учали измѣнати, и мы васъ страдниковъ приближали, хотячи отъ васъ службы и правды. А помянулъ бы ты свое величество и отца своего въ Олексинѣ: ино таковы и въ станицахъ ѣзживали; а ты въ станицѣ у Пѣнинскаго былъ, мало что не въ охотнивахъ съ собаками... И мы того незнаемъ, что ты у насъ въ приближенъ былъ, и мы для приближенъ твоего тысячи двѣ рублевъ дадимъ; а доселѣ такіе по 50 рублевъ бывали¹. Въ своемъ отвѣтѣ Грязной писалъ между прочимъ, что „заецъ не укуситъ ни одное собаки, а онъ укусилъ 6 человекъ до смерти да 22 ранилъ; что было въ Крыму собакъ измѣнниковъ, онъ всехъ перекусалъ и т. д. Да еще хочу у Владыки Христа нашего, чтобъ шутити за столомъ у тебя (т. е. возвратиться въ Москву). Мы холопи Бога молимъ, чтобъ намъ за Бога и за тебя голова положить, то наша и надежа... А язъ холопъ твой не у браги увѣчья добылъ, ни съ печи убился²“.

Вообще такой шуточный, сатирический тонъ и такіе шуточные разговоры были, кажется, характерною чертою въ письмахъ Грознаго, а слѣд. и въ его отношеніяхъ къ окружающимъ. Припомнимъ его переписку съ Шведскимъ королемъ, его посланіе въ Кирилловъ монастырь... Очень естественно, что шуты при немъ были въ большомъ ходу.

Сынъ его, царь Ѳеодоръ, также всегда забавлялся шутами и карликами, мужскаго и женскаго пола, которые кувыркались передъ нимъ и пѣли пѣсни. Маскѣвичъ говоритъ, что вообще шуты представляли самую обычную утѣху для нашихъ предковъ, увеселяли ихъ плясками, кривляясь, какъ скоморохи на канатѣ, и пѣснями, большею частію весьма безстыдными. Даже Тушинскій царикъ имѣлъ при себѣ шута, Петра Киселева, съ которымъ и побѣждалъ потомъ изъ Тушина.

Молодаго царя Михаила Ѳеодоровича, въ первое время (съ 1613 г.) потѣшалъ *дуракъ Мосма*, также Мосѣй (Моисей), а въ хоромахъ у матери царя, великой старицы иноки Марѣы Ивановны, въ Вознесенскомъ монастырѣ, жила *дура Манка* (Марья). Въ 1616 г. марта 28, *пятнадцать* человекъ портныхъ шили цѣлый день „государевымъ потѣшникамъ“ дураку Мосѣю одному рядку въ покромахъ, а дурѣ Манкѣ лѣтникъ въ сорочкахъ¹.

¹ Покроми, обрѣзки сукна по кромкѣ, изъ которыхъ, отъ суконъ разныхъ цвѣтовъ, и шили это дурацкое платье. *Сорочкою* назывался

Должно полагать, что эта одежда готовилась на спѣхъ, быть можетъ ко дню Свѣтлаго Воскресенья, которое въ томъ году приходилось 31 марта. Въ 1618 г. апр. 4, слѣд. также къ Свѣтлому дню (5 апр.), государь пожаловалъ дураку Мосѣю однорядку суконную въ разныхъ цвѣтахъ, съ мишурнымъ кованымъ круживомъ, съ шелковыми завязками и образцами (родъ запонъ съ петлями); кафтанъ суконный изъ остатковъ разными цвѣты съ такими же образцами и кружевомъ и съ оловянными пуговицами; а дуркѣ Манкѣ дано государева жалованья шубка киндячная въ трехъ цвѣтахъ съ оловянными пуговицами. Въ 1622 г. марта 18, дуркѣ шита шапка изъ червчатой камки съ мишурнымъ круживомъ. Въ 1624 г. сент. 15 скроенъ лѣтникъ въ желтыхъ дорогахъ гиланскихъ съ бархателными вошвами и съ бобровою опушкою. Въ 1627 г. іюня 9 дуркѣ Манкѣ шить опашень въ два цвѣта, изъ червчатого и желтаго сукна, съ мишурнымъ круживомъ и оловянными пуговицами и къ нему ожерелье накладное — медвѣдокъ молодой.

Въ 1620 г. въ товарищи къ дураку Мосягѣ прибылъ новый дуракъ Симонка, которому 12 іюля государь велѣлъ шить кафтанъ — тердикъ. Затѣмъ въ 1624 г. прибыли еще два дурака, Исачка и Ивашка. Въ 1628 г. у государя является еще новый дуракъ Семейка. Въ 1634 г. упоминается дуракъ *Шамыра*, а въ 1636 г. появляется еще дуракъ Сергѣй. Шамыра быть можетъ только прозвище тогоже Сергѣя или одного изъ упомянутыхъ прежде.

Обыкновенный, можно сказать мундирный, нарядъ всѣхъ этихъ царскихъ дураковъ былъ слѣдующій: однорядка татарскаго покроя, изъ червленнаго (краснаго) сукна съ татарскими завязками, кафтанъ крашенинный лазаревый, опояска изъ покроми червленнаго или зеленаго сукна; шапка черкасская (малороссійская) суконная зеленая съ лисьимъ околomъ, или колпакъ валеный съ нашивкою; сапоги красные, телятинные, бѣлье — рубашка и порты холщевые. Такой нарядъ по большей части они получали къ Святой. Спали на войлокахъ, одѣвались бараньими (овчинными) одѣвальными шубами.

оберточный конецъ сукна, или его обертка изъ другой ткани, на которой бывали тканья и даже писанныя разцвѣченныя изображенія фабричныхъ знаковъ, буквъ, гербовъ и т. п. Изъ писаныхъ суконныхъ сорочекъ шить былъ лѣтникъ дуркѣ Манкѣ 27 марта 1619 года.

Иногда кому либо из дураков шилось и болѣе богатое платье въ другихъ цвѣтахъ. Такъ въ 1629 г. іюня 16 государь приказалъ шить дураку Ивашку однорядку — сукно аглинское вишнево, кафтанъ — дороги гялинскія желты, на хлопчатой бумагѣ съ атласнымъ лазоревымъ золотнымъ ожерельемъ; ферези изъ лазореваго киндяку, шапку — сукно багрець съ соболіею опушкою. Въ 1636 г. апр. 16, государь приказалъ шить тремъ дуракамъ Симону, Исаку, Сергѣю по однорядкѣ, одна брусничная, другая рудожолтая, третья серебряной цвѣтъ, съ круживами и завязками татарскими; кафтаны крашеннныя, сапоги телятнныя. По случаю какой либо особой потѣхи, въ которой должны были участвовать и дураки, имъ шилось и особое платье, изготовленіемъ котораго занимался уже главный потѣшникъ въ Потѣшной Палатѣ нѣмчинъ Иванъ Семеновъ. Въ 1634 г. дек. 11 для государевы потѣхи дуракамъ на платье было отпушено этому потѣшнику 10 арш. сукна аглинскаго червленнаго да 5 арш. зеленого. Разные мелочные предметы ихъ наряда и вообще ихъ содержанія, болшею частію покупались въ городскихъ рядахъ. Въ 1634 г. въ ноябрѣ дуракъ Шамыра женился; свадьбу играли въ селѣ Рубцовѣ—Покровскомъ и безсомнѣнія не безъ особыхъ потѣшныхъ затѣй.

Мы знаемъ только, что ноября 2, въ Рубдово на дуракову Шамырину свадьбу послано изъ царицной казны 6 полотень тройныхъ гладкихъ да 3 полотна тверскихъ, а ноября 6 ему съ невѣстою куплены въ серебряномъ ряду крестъ серебряной золоченый, да 2 перстня серебряныхъ, одинъ ручками, за все рубль; а въ селѣ Рубцовѣ куплено свѣчь на свадьбу на 4 ал. 2 д.

Судя по одному извѣстію, дураки царя Михаила Фед. принадлежали къ разряду идіотовъ. Такъ въ 1632 году 25 марта, въ недѣлю двѣтнюю, по государеву именному приказу эти дураки были отведены въ монастыри, на-страстную недѣлю поститься: въ Богоявленскій монастырь, что у дворца (Троицкое подворье) — дуракъ Мосейка; въ Аонасьевскій монастырь, что у Фроловскихъ воротъ (Кирилловское подворье), дураки Исакъ да Симанко. Такая забота, вѣроятно, была бы излишнею въ отношеніи дурака-шута.

Въ хоромехъ царицы Евдокѣи Лукьяновны жили для потѣхи дурки: Орька (Орютка, Оринка), Дунька-татарка, Дунька-нѣмка, Палагейка, которую въ 1640 г. привезъ изъ Псцова окольникій Василій Ив. Стрешневъ; Мавка (Марья) дѣвка и еще Манка

шутиха слѣпая баба. Эта послѣдняя была взята въ хоромы царицы въ 1632 г. у боярина кн. Ив. Борис. Черкаскаго. Въ томъ году апрѣл. 28 ей купленъ въ рядахъ слѣдующій нарядъ: шапка женская камчатная лазоревая съ пухомъ (околомъ); опашень вдовской черной суконный, тѣлогрѣя киндячная лазоревая на зайцахъ; сапоги женскіе барановые красные, всего на 5 руб. 24 ал. 2 д. Въ 1634 г. апр. 29 ей сдѣлана потѣшная шапка изъ червчатой да изъ жолтой камки съ бобровымъ околомъ. Іюля 16 куплена ей шляпа валеная бѣлая. Въ 1636 г. марта 31, этой *шутихѣ*, жонкѣ Мангѣ *слѣпой*, сдѣланъ сарафанъ крашенинный лазоревой, да *сукня* изъ червленого сукна съ шелковою нашивкою и съ оловянными пуговицами. Октября 29 куплено ей на нарядъ 16 нитей бисеру бѣлаго, причемъ въ запискѣ она названа *дуркою*. Ноября 12 куплено еще 6 нитей бѣлаго бисеру и два листа мѣди *шумихи* на потѣшную кичу, на низанье. Наконецъ въ 1637 г. марта 10 эта баба слѣпая была отправлена въ подмосковное село Ильинское съ царицынымъ боярскимъ сыномъ, причемъ заплачено за провозъ 10 алт. Дурка Палагейка также оставалась не долго въ хоромахъ царицы. Постоянно потѣшали царицу только четыре дурки: Манка, Орька и двѣ Дуньки, татарка и нѣмка. Въ разное время, смотря по надобности, имъ изготовлялись различные предметы ихъ обыкновенной одежды изъ царицыной казны: тафьи, треухи, телогрѣи, сарафаны, сапоги барановые, телятинные, козловые, большею частію красные, иногда зеленые, такіе же башмаки и т. п.

У царевны Ирины была также дурка Катеринка (1643—1654 г.). Въ 1643 г. мая 12 ей куплена за 11 алт. женская *сорока* шитая золотомъ.

Къ числу придворныхъ дурокъ мы можемъ отнести и старицу Марѳу уродливую, которая жила въ Вознесенскомъ монастырѣ и также называлась иногда и дуркою. Вѣроятно она бывала часто и во дворцѣ. Покрайней мѣрѣ изъ дворца на равнѣ со всѣми другими подобными лицами, она получала свою одежду и все содержаніе. Въ запискахъ ея имя появляется съ 1624 г. Въ этомъ году, сент. 15, ей скроена шуба теплая изъ нѣмецкой черной тафты на бѣльемъ мѣху съ бобровою опушкою; въ 1629 г. апр. 4 ей сшита ряска изъ нѣмецкой таусинной камки; 1630 г. окт. 31 сдѣлана шуба крашенинная лазоревая на заячьемъ мѣху съ бобровою опушкою; въ 1631 г. мая 31 ей сдѣ-

ланъ сарафанъ крашенинный лазоревый; іюля 18, наметка чернеческая; ноября 8 опять сарафанъ крашенинный лазоревый; дек. 24 въ монастырномъ ряду купленъ опостольникъ старицкой. Смотри по надобности подобные предметы ея наряда въ разное время изготовлялись во дворцѣ или покупались въ городскихъ рядахъ. Въ 1640 г. генв. 19 старица Марѳа уродливая скончалась; на поминовеніе по ней царица роздала въ церкви, богадѣльни и нищимъ 100 р.

О шутахъ и дуракахъ, состоявшихъ при дворѣ царя Алексѣя Мих., наши свѣдѣнія очень скудны. Можно полагать, что дурачкія потѣхи при благочестивой царицѣ Марѣ Ильичнѣ если не были совсѣмъ оставлены, то стояли далеко на заднемъ планѣ. У государевой сестры царевны Ирины Мих. жила еще въ это время дурка Катеринка. У царицы Наталья Кирилловны встречаемъ въ 1674 г. двухъ дуръ дѣвокъ Аксинью и Авдотью, которымъ 24 іюня скроены двѣ тѣлогрѣи да лѣтникъ изъ выбойки на холстинной подкладкѣ, съ бобровою опушкою; у лѣтника вошвы камка китайская—змѣи; выбойки и холстины пошло по 50 арш. При царѣ Ѳеодорѣ Ал. въ 1679 г. дураки Петръ и Семень живутъ у верховыхъ богомольцовъ. Въ томъ же году въ декабрѣ взятъ былъ во дворецъ изъ Переяславля новый дуракъ, Ѳеодоръ, который вѣроятно тоже помѣщенъ былъ у верховыхъ нищихъ. Въ 1682 г. упоминается дуракъ Тарасъ, которому генв. 8 сдѣланъ кафтанъ суконный на овчинѣ и прочее платье.

При Петрѣ, въ 1700 г., въ дворцовомъ штатѣ состояли два шута, Яковъ Тургеневъ и Филать Шанскій, получавшіе жалованья по 50 р. У императрицы Анны Ивановны было шесть шутовъ, два иностранца Коста и Педрилло и четверо русскихъ, князь Голицынъ, князь Волконскій, Апраксинъ и Балакиревъ. „Способъ, какъ государыня забавлялась сими людьми, говоритъ Манштейнъ, былъ чрезвычайно страненъ. Иногда она приказывала имъ всѣмъ становиться къ стѣнѣ, кромѣ одного, который билъ ихъ по поджилкамъ и чрезъ то принуждалъ ихъ упасть на землю (Это было представленіе стариннаго правежа). Часто заставляли ихъ производить между собою драку и они таскали другъ друга за волосы и царапались даже до крови. Государыня и весь ея дворъ, утѣшаясь симъ зрѣлищемъ, помирали со смѣху“. Какъ памятенъ въ этихъ забавахъ еще древній, допетровскій вѣкъ русской жизни! И эти шуты, хотя и не глупые

люди, носятъ въ своей роли все тотъ же принадлежащій имъ по штату смыслъ дураковъ-идіотовъ. Манштейнъ рассказываетъ, что Педрилло собралъ 10 т. рублей посредствомъ слѣдующаго дурацкаго спектакля. Однажды Биронъ шута обозвалъ его, что онъ женатъ на козѣ. Шутъ воспользовался шуткою временщика, подтвердилъ ее и объявилъ, что какъ скоро его жена разрѣшится отъ бремени, то онъ осмѣливается просить императрицу со всѣмъ дворомъ въ гости къ нему на родину, въ надеждѣ, что высокіе гости по старому русскому обычаю не придутъ къ родильницѣ съ пустыми руками и будутъ класть что либо на зубокъ для новорожденнаго и онъ такимъ образомъ соберетъ денежную сумму, необходимую для воспитанія ребенка. Въ назначенный день кладутъ его на театрѣ въ постель съ козю. Занавѣсъ поднимается и спектакль начался тѣмъ, что первая же императрица поднесла ему родинный подарокъ и сама назначила сколько каждый изъ придворныхъ долженъ былъ дать шутовской родильницѣ. Такіе или подобные домашніе спектакли разыгрывались, безсомнѣнья, и въ допетровскомъ придворномъ быту. Свадьба дурака Шамыры при Михаилѣ Фед. необходимо происходила со всѣми порядками и обрядами, со всѣмъ свадебнымъ чиномъ, какой по старому Домострою требовалось выполнить. Такимъ образомъ петровскія шутовскія свадьбы шутовъ Тургенева, Шанскаго и князь-папъ, Зотова и Бутурлина, равно какъ и свадьба шута Голицына или, какъ его обыкновенно звали, князь Кваснина, происходившая при Аннѣ Ивановнѣ въ Лебяномъ домѣ, не были изобрѣтеніемъ только петровскаго времени, а представляли обычное старинное шутовское увеселеніе, облакавшее въ смѣхъ свои же обычные старинные порядки и разные чины жизни.

Вообще должно замѣтить, что шутовство, иронія, сатира, комическое или карикатурное представленіе всего чиннаго, степеннаго и важнаго въ жизни, составляли въ нашемъ допетровскомъ обществѣ какъ бы особую стихію веселости. Но, разумѣется, этотъ старый допетровский смѣхъ надъ жизнію не заключалъ въ себѣ никакой высшей дѣли и высшей идеи. Онъ являлся простымъ кощуннымъ смѣхомъ надъ тѣми или другими порядками и правилами быта, являлся простою игрою тогдашняго ума, воспитаннаго во всякомъ отрицаніи и потому вообще ума кощуннаго. Никакого чистаго идеала впереди у него не было: никакой борьбы во имя такого идеала онъ не проводилъ.

Это было на самомъ дѣлѣ наивное, бессознательное, или же отчасти лукавое глумленіе жизни, выражавшее лишь другую крайнюю сторону тогоже, глубокаго и широкаго ея отрицанія, на которомъ духовне она развивалась въ теченіи столѣтій. Вотъ почему кощунное шутовство такъ было любимо нашимъ старымъ обществомъ и представляло въ его удовольствіяхъ такую потребную и совершенно неизбежную статью веселости. Когда многовѣковое отрицаніе, на которомъ росла наша старая умственная и нравственная культура, выразилось подконецъ, въ силу неотразимыхъ законовъ жизненной послѣдовательности, безопаднаго и всесторонняго петровскимъ отрицаніемъ самой этой культуры, когда впереди указаны были новые идеалы жизни, тогда и старый *дурацкій* смѣхъ тотчасъ же получилъ смыслъ, даже политическій, и сослужилъ преобразователю великую службу въ перестановкѣ на новую всей старой выработки понятій и представленій общества. При Петрѣ въ глубинѣ этого смѣха уже лежали идеи преобразованія, идеи борьбы съ ветхими порядками. Сознательная мысль этого петровскаго смѣха вскорѣ переходитъ къ соответственной литературной формѣ, къ сатирѣ драматической и дидактической (интерлюдія, интермедія, сатиры Кантемира), т. е. обнаруживаетъ стремленіе возвести его на степень художественнаго созданія. Но за то во дворцѣ Анны Ивановны шутовской смѣхъ является запоздалымъ гостемъ XVII ст. и обнаруживаетъ только особенную живучесть старыхъ началъ и старыхъ порядковъ быта, всегда очень медленно принимающаго въ себя новыя идеи.

Само собою разумѣется, что народное слово, еслибъ пользовалось въ письменности тѣми же правами, какъ и книжное слово, должно было оставить намъ довольно значительную литературу по этому отдѣлу стариннаго шутовства и всякаго глумленія, т. е. вообще по отдѣлу вольнаго смѣха, не стѣсненнаго никакою предвзятою поучительною или моральною указкою, который отъ простой души смѣялся надъ умными дѣлами жизни, облекая ихъ въ шутовской дурацкій нарядъ. Богатство такой литературы условливалось особенною склонностью къ ироніи, къ шутовству всего нашего стараго общества. Нѣтъ сомнѣнія, что случайно уцѣлѣвшіе обрывки этой литературы представляютъ весьма малую долю того, что устно, частію письменно и даже печатно ходило въ народѣ.

Изъ числа сохранившихся памятниковъ, мы можемъ отдѣлить цѣлый особый ихъ разрядъ, который будетъ свидѣтельствовать объ особенной наклонности допетровскаго общества къ шутовымъ рѣчамъ и къ шутивнымъ изображеніямъ разныхъ положеній старой жизни. Къ этому разряду мы отнесли бы всѣ лубочныя картинки съ шутовскими рѣчами и шутовскими изображеніями. Онѣ очень знаменательны въ томъ смыслѣ, что въ нихъ народная письменность сама собою добралась до печатнаго слова и могла бы заявить себя множествомъ своеобразныхъ произведеній, еслибъ и на этомъ пути не встрѣтилась съ запрещеніями и гоненіями, которыя ее преслѣдовали, начиная отъ патріарха Іоакима, запретившаго продавать листы съ иконными изображеніями, и окончивая нашими днями, когда въ Москвѣ были уничтожены ея послѣднія печатныя доски по распоряженію гражданской власти. Между тѣмъ въ половинѣ XVII ст., по свидѣтельству Кильбургера, лубочныя картины или *листы деревянной печати* печатались свободно и въ большомъ количествѣ, и въ Москвѣ, и въ Кіевѣ. Извѣстно, что такими картинками украшались стѣны и въ дворцовыхъ покояхъ и въ хоромлахъ у частныхъ людей. Продавались онѣ въ Москвѣ въ первой половинѣ XVII ст. въ Овощномъ ряду, а въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII ст. на Спасскомъ мосту, у Спасскихъ кремлевскихъ воротъ, слѣд. на самомъ бойкомъ мѣстѣ по многолюдству, по цѣнѣ всѣмъ доступной, по деньгѣ, по копейкѣ и по 2 копейки.

Эти листы сдѣлались теперь величайшею рѣдкостью¹. Принадлежащіе имъ тексты нерѣдко заключаютъ въ себѣ именно тотъ духъ наивнаго и беззащитнаго шутовства, не всегда удобнаго для печати, которымъ долженъ былъ отличаться народный невоспитанный смѣхъ въ старое время. Онъ въ выборѣ предметовъ для своихъ изображеній, мало стѣснялся какими либо рамками дозволеннаго или приличнаго и подвергалъ глу-

¹ Они описаны покойнымъ И. М. Снегиревымъ, но безъ приведенія всѣхъ подлинныхъ текстовъ. Намъ извѣстно, что самое полное и обстоятельное описаніе такихъ листовъ съ полными текстами давно уже составлено Д. А. Ровинскимъ въ его Исторіи русской гравюры, которая, къ великому сожалѣнію, до сихъ поръ остается въ рукописи. Нѣкоторые списки лубочныхъ текстовъ и вообще старинныя шутовскія статьи были изданы особою книжкою съ заглавіемъ: Старичокъ Весельчакъ, рассказывающій давнія Московскія были.

мленію всякій предметъ, доставлявшій необходимую пищу его остроумію. Таковы, напр. его глумотворныя статьи: Списовъ съ челобитной Калязина монастыря, хожденіе Савы Большой Славы, съ смѣшнымъ икосомъ; Повѣсть, а также и Сказаніе о курѣ и лисицѣ и т. п.

Необходимую формою для шутовской или сатирической литературы служила всегда *вирша* или рѣма, такъ что шутить, острить значило между прочимъ и то, чтобы подбирать въ своей рѣчи пригожій складъ или пригожую рѣму. Древнѣйшимъ нашимъ стихотворцемъ и сатирикомъ мы по всей справедливости должны признавать князя Ивана Хворостинина, который въ началѣ XVII ст. прославился своимъ еретичествомъ, а быть можетъ главнымъ образомъ своими „многими укоризнами и хульными словами въ письмахъ про всякихъ людей Московскаго государства“, тѣмъ особенно, „что гордостью и безмѣрствомъ своимъ въ разумъ себѣ въ версту не поставилъ никого и тѣмъ своимъ бездѣльнымъ мнѣніемъ и гордостью всѣхъ людей московскаго государства и *родителей* своихъ, отъ кого онъ родился, обезчестилъ и положилъ на всѣхъ людей московскаго государства хулу и неразумье“. Онъ говорилъ въ разговорахъ, что будто на Москвѣ людей нѣтъ, все людѣ глухой и жити ему не съ кѣмъ и хотѣлъ, чтобъ государь отпустилъ его въ Римъ или въ Литву.... а въ *книжкахъ своего слога* писалъ про всякихъ людей московскаго государства многія укоризны, что будто московскій народъ вланиются святымъ иконамъ по подписи, хотя и не прямой образъ; а которой образъ написанъ хотя и прямо, а не подписанъ и тѣмъ не вланиются; да московскіежъ люди *свѣютъ землю рожью, а живутъ будто все ложью* и приобщенъя ему нѣтъ съ ними никотораго; и составлялъ инныя многія укоризненныя слова, *писаны на виршь*: и то знатно, что такіе слова говорилъ и писалъ гордостью и безмѣрствомъ своимъ.... У него же въ письмѣ было сыскано: написано государево (царя Михаила Фед.) именованье не по достоинству — *деспотомъ русскимъ, а деспота* слово греческою рѣчью владыка или владѣтель, а не царь и самодержецъ; а онъ, князь Иванъ, не иноземецъ, и такъ было про государское именованье писать не пристойно, т. е. умалять государевъ титулъ и государево достоинство, сводить его съ недостигаемой высоты самодержца къ простому деспоту, къ простому владѣтелю.

Вся эта исторія съ княземъ Хворостининымъ представляетъ самую характерную и типическую черту нашей старины, имен-

но въ отношеніи ея понятій о независимомъ литературномъ призваніи кого либо изъ ея современниковъ. Еслибъ Хворостиня въ званіи дурака-шута, старина простила бы ему его литературные грѣхи. За дерзкое слово онъ вытерпѣлъ бы нѣсколько батоговъ, его поучили бы тоже какимъ либо потѣшнымъ, хотя и жестокимъ способомъ, и тѣмъ бы все окончилось. Но князь не былъ шутомъ, поэтому его сатирическія многія укоризны тогдашнему московскому обществу иначе и не могли быть поняты, какъ измѣнными ругательными поношеніями честныхъ людей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что князь лично никого не упоминалъ, а писалъ вообще, какъ истинный сатирикъ; въ противномъ случаѣ онъ пострадалъ бы и по суду за чье либо безчестье. Таково было положеніе литератора въ нашемъ древнемъ обществѣ, т. е. положеніе всякаго самостоятельнаго знанія или самостоятельной и независимой мысли. Сатирика, а къ таму же еретика, который поколебался мыслию и сомнѣвался въ воскресеніи мертвыхъ, сослали подъ началъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь, съ крѣпкимъ наказомъ, чтобъ, кромѣ церковныхъ, безъ которыхъ быть нельзя, иныхъ бы книгъ никакихъ у него не было, для того, что *„высокоуміемъ вознесся и высокословія возжелавъ, да не впадетъ въ берегъ погибели, какъ и другіе самоумители, о истинѣ погрѣшившіе и самоуміемъ поибшіе“*¹.

Какъ бы нибыло, но для насъ въ настоящемъ случаѣ любопытно то, что писаное слово на виршь или рямованное слово было употребительно еще въ первые годы XVII ст. Оно-то, по нашему мнѣнію, и составляло главнѣйшую стихію стариннаго шутовства, и пользовалось наиболѣе широкими правами гражданства лишь въ устахъ шутовъ дураковъ, въ устахъ потѣшниковъ, какъ въ царскомъ дворцѣ, такъ и въ боярскихъ хоромахъ. Въ обыкновенномъ быту, т. е. въ устахъ рядоваго человека, не штатнаго потѣшника, смѣхотворныя шутовскія рѣчи иной разъ приводили къ суду и, разумѣется, даромъ съ рукъ не сходили, доставляя хорошія выгоды сутяжникамъ и всякой приказной строкѣ. Такъ въ 1733 г. въ Духовную Дикастерію была подана на Высочайшее имя слѣдующая жалоба служителя лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитана поручика Сергѣя Автам. Головина Алексѣемъ Граниковскимъ. „Сего іюня

¹ А. А. Э. III, 212. С. Г. Г. III, 331.

17 дня настоящаго 733 года, писалъ этотъ служитель, случились быть у меня нижеайшаго въ домъ гостя, и безъ призыву моего пришелъ ко мнѣ въ домъ мой, церкви Николая чудотворца, что на Хлыновъ, викарій попъ Василей и принесъ съ собою некакую *проказу*, роспись смѣхотворную, якобы кому надлежитъ къ женитьбѣ, у которой онъ попъ своею рукою и подписался, и тѣмъ при гостяхъ учинилъ мнѣ нижеайшему не малой afrontъ и безчестье, понеже оные гости вмѣняли меня нижеайшаго въ непостоянство; а я нижеайшій о той росписи и не свѣдомъ, и гдѣ онъ попъ тое роспись взялъ и кто писалъ, не знаю, только узналъ подъ тою росписью рука его попа, отчего и весьма опасенъ; а оное неточію бѣ попу, но и мірянину того дѣлать не пристойно; а онъ попъ чинитъ въ томъ соблазнъ не малой, а мнѣ нижеайшему навесъ безчестье, а для подлиннаго безсомнительнаго разнимательства со онаго смѣхотворнаго якобы приданаго реэстра, которое за рукою его поповою, при семъ приобщаю точную копію. Всемилостивѣйшая Государыня Императрица! прошу Вашего Императорскаго Величества да повелитъ державство Ваше сіе мое прошеніе съ приобщеніемъ съ смѣхотворнаго реэстра копією, принявъ, записать, а онаго попа, сыскавъ, въ томъ реэстрѣ и въ безчестьи меня нижеайшаго, допроситъ и по произведеніи дѣла по силѣ Вашего Императорскаго Величества указовъ и правилъ Святыхъ Отецъ учинить ему попу, чему онъ будетъ достоинъ, а за безчестье мое по Уложенію на немъ взыскавъ, отдать мнѣ нижеайшему, дабы впредь оной попъ, ходя по домамъ, такихъ проказъ и незаконныхъ поступокъ чинить пересталъ“.

„Роспись о приданомъ: вначалѣ восемь дворовъ крестьянскихъ, промежъ Лебедни, на Старой Резани, недоѣзжая Казани, гдѣ пьанныхъ вязали, межъ неба и земли, поверхъ лѣсу и воды; да 8 дворовъ бобыльскихъ, въ нихъ полтора человекъ съ четвертью, 3 человекъ дѣловыхъ людей, 4 человекъ въ бѣгахъ да 2 человекъ въ бѣдахъ, одинъ въ тюрьмѣ, а другой въ водѣ; да въ тѣхъ же дворахъ стоитъ горница о трехъ углахъ, надъ жилимъ подклѣтомъ.... третій московской дворъ загородной на Воронцовскомъ полѣ, позади Тверской дороги. Во ономъ дворѣ хороннаго строенія: два столба вбиты въ землю, третьимъ покрыто.... — Да съ тѣхъ же дворовъ сходитца на всякой годъ насыпнаго хлѣба восемь анбаровъ безъ заднихъ стѣнъ; въ ономъ анбарѣ 10 окороковъ капусты, 8 полтей тараканьихъ да

8 стяговъ комарьихъ, 4 пуда каменнаго масла. Да въ тѣхъ же дворехъ сдѣлано: конюшня, въ ней 4 журавля стоялыхъ, одинъ конь гнѣдъ, а шерсти на немъ нѣтъ, передомъ сѣчетъ, а задомъ волочетъ: да 2 кошки дойныхъ, 8 ульевъ недѣланныхъ пчель, а кто меду изопьетъ.... 2 ворона гончихъ, 8 сафьяновъ турецкихъ; 2 пустоши поверхъ лѣсу и воды. Да съ тѣхъ же дворовъ сходится на всякой годъ всякаго запасу по 40 шестовъ собачьихъ хвостовъ, да по 40 кадушекъ соленыхъ лягушекъ, киса штей, да заходъ сухарей да дубовой чекмень рубцовъ, да маленькая поточка молочка да овинъ киселя; а какъ хозяинъ станетъ ѣсть, такъ не зачѣмъ сѣсть, жена въ столъ, а мужъ подь столъ; жена не ѣла, а мужъ не обѣдалъ“.

„Да о приданомъ платьѣ: шуба соболя, а другая сомовья, крыто сосновою корою, кора снимана въ межень, въ Филиповъ постъ, подыма хвостъ. Три опашня сукна мимозеленаго, драпо по три напасти локоть; да однорядка не тѣмъ двѣтомъ, калита вязовыхъ лыкъ, драпо на Брынскомъ лѣсу, въ шестомъ часу; крашеняные сапоги, ежевая шапка.... 400 зеренъ зеленаго жемчугу, да ожерелье пристяжное въ три молота стегано, серпуховскаго дѣла; 7 кокошниковъ шитые заяузкимъ золотомъ.... 8 перстней желѣзныхъ золоченые укладомъ, каменя въ нихъ лалы, на Неглинной браны; тѣлогрѣя мимокамчатая, круживо берестеное, 300 искръ изъ Москвы рѣки браны.... И всего приданаго будетъ на 300 пусто, на 500 ни кола. А у записи сидѣли с. Еремей да женихъ Тимофей, котъ да кошка да п. Тимошка, да сторожъ Филимошка. А записъ писали въ сѣрую субботу, въ рябой четвертокъ, въ соловую пятницу; тому честь и слава, а попу каравай сала, да обратина пива, прочитальщику чарка вина, а слушальщикамъ бадья меду да 100 рублей въ мошну; а которые добрые люди, сидя при бесѣдѣ и вышеписанной росписи не слушали тѣмъ всѣмъ по головнѣ....“

Не смотря на то, что дѣло относится къ третьему десятилѣттю XVIII вѣка, эта роспись носить на себѣ всѣ признаки XVII ст., когда, вѣроятно, она и была составлена, а въ это время ходила уже въ спискахъ. Мы приводимъ ее какъ болѣе или мене подходящую характеристику шутовскихъ смѣхотворныхъ рѣчей, какими шуты-дураки потѣшали нѣкогда своихъ слушателей. Мы видѣли, что шутовскія статьи являлись на письмѣ и въ XVII ст.; но всѣ подобныя памятники, не имѣя дѣловаго канцелярскаго значенія, быстро исчезали съ самою жизнью ста-

раго общества и только немногіе изъ нихъ попали въ общій литературный оборотъ, переходя въ какіе либо сборники или въ разрядъ листовъ деревянной печати. Не говоримъ о литературѣ скомороховъ, которая по особенному свойству своихъ произведеній должна была исчезать постоянно вмѣстѣ съ живымъ словомъ этихъ потѣшниковъ. Случайно записанныя, эти произведенія уже въ романтическое время нашего вѣка, даже въ рукахъ ученыхъ издателей, тоже были отвергнуты за „пренебреженіе умѣренностью и правилами благопристойности, а также и за насмѣшливый тонъ“; какъ былъ отвергнутъ ими и знаменитый стихъ о голубиной книгѣ, неприличный будто бы по смѣшенію духовныхъ вещей съ простонароднымъ разговоромъ ¹.

Одною изъ любимыхъ русскихъ комнатныхъ утѣхъ въ долгіе осенніе и зимніе вечера и особенно для грядущихъ ко сну была сказка и по всему вѣроятію не въ специальномъ ея значеніи, какое опредѣлила ей наука, а вообще въ значеніи всякой повѣсти, какъ небылицы, такъ и дѣйствительной были, обставленной только поэтическими образами и сказываемой поэтическимъ словомъ. Предки очень любили поминать прошлыя событія, и берегли „память“ о дѣлахъ минувшихъ. Лучшимъ доказательствомъ и лучшимъ выраженіемъ ихъ любви и уваженія къ памяти о прошломъ служатъ лѣтописи, разумѣется первоначальныя, когда народныя литературныя начала не были еще стѣснены односторонними книжными вліяніями. Съ какою заботливостью первые лѣтописцы стараются изобразить не свои личныя фантазіи и умствованія, а самое *дѣло жизни*; съ какою правдою стараются они описать событіе, становясь всегда въ сторону отъ своихъ личныхъ стремленій или тутъ же ихъ и объясняя, какъ такое же дѣло жизни, достойное памяти потомства, съ цѣлю возстановить одну правду. Все это обнаруживаетъ здоровое и полное силъ литературное направленіе. Любовь и особое вниманіе къ памяти о минувшихъ дѣлахъ и людяхъ проходятъ черезъ всю нашу исторію и впоследствии получаютъ только иное направленіе, когда память о дѣлахъ люд-

¹ К. Калайдовичъ, въ предисловіи къ Древнимъ Россійскимъ стихотвореніямъ, М. 1818.

скихъ смѣняется памятью о дѣлахъ Божьихъ, сказаніями о чудотвореніяхъ, о богоугодныхъ людяхъ, о подвижникахъ жизни ивоческой. Письменная литература отдается по преимуществу этому направленію; но за-то словесная устная остается вѣрно своему первоначальному призванію и очень долго, даже до нашихъ дней, безъ средства письма, сохраняетъ въ памяти народа, конечно уже не историческую, лѣтописную, а только поэтическую правду о людяхъ и событіяхъ. Она лучше помнитъ народныхъ героевъ и вѣрнѣе изображаетъ истину ихъ жизни, чѣмъ литература письменная, вполнѣ утратившая въ своихъ изображеніяхъ жизненное чутье, если можно такъ выразиться. На томъ основаніи, что устное слово столь долго и при великомъ множествѣ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, умѣло сберечь память о герояхъ народной исторіи, каковы бы ни были ихъ дѣла, мы имѣемъ полное и во всѣхъ отношеніяхъ основательное право заключать, что въ то время, когда обстоятельства не были еще столько неблагопріятны, устное слово работало во всей силѣ и представляло, не смотря на гоненія со стороны писанаго слова, живую область народнаго творчества, гдѣ русскій человѣкъ всегда находилъ истинное удовлетвореніе эстетическимъ потребностямъ своей мысли и чувства. Очень естественно, поэтому, что сказочникъ, *бахарь*, какъ и *домрачей* и *гусельникъ*—гусляръ, смѣнившіе древнихъ пѣвцовъ и баяновъ, сдѣлались, какъ теперь книга, домашнею необходимостью, безъ которой не полна была бы жизнь всякаго, кому не чужды были человѣческія удовольствія. Ихъ могло вытѣснить, какъ и въ дѣйствительности вытѣснило, только писанное, т. е. печатное слово, и то тогда только, когда съ половины XVIII ст. и оно поставило себѣ цѣлью творчество художественное. У старозавѣтныхъ людей и въ началѣ нашего столѣтія бахарь-сказочникъ бывалъ еще необходимымъ членомъ домашняго препровожденія времени. Такимъ образомъ стараго бахара, домрачей и гусельника мы должны разсматривать, какъ представителей художественной литературы, свойственной потребностямъ и вкусамъ вѣка. Это были поэты, если и не творцы, за то хранители народнаго поэтическаго творчества. Но не можемъ сказать, что они не были и творцами, ибо есть положительные свидѣтельства, что народная мысль не только свято хранила поэтическую память о минувшемъ, но съ живостію воспринимала и поэтическіе образы современныхъ событій. Въ этомъ

отношеніи для насъ неотъемлемы пѣсни, записанныя у одного англичанина въ 1619 г. Онѣ воспѣваютъ событіе, только что совершившееся въ томъ году, пріѣздъ въ Москву изъ плѣна государева отца Филарета Никитича; онѣ поютъ смерть недавняго народнаго героя Скопина Шуйскаго (1610 г.); онѣ поютъ участь царевны Ксеніи Годуновой, участь вполне достойную поэтической памяти; онѣ поютъ *весновую* службу и набѣгъ крымскаго царя, для береженья отъ котораго назначалась служба и въ этомъ 1619 г. марта 12. Имѣя въ виду эти пѣсни и случайность ихъ записи, мы можемъ основательно полагать, что это только незначительныя крохи того, чѣмъ обладало наше старинное пѣснотворство; что не было событія и жизненнаго народнаго дѣла, которое небыло бы пропѣто, прожито не одною матеріальною нуждою, но и поэтическимъ чувствомъ; что поэтическое народное чувство было очень впечатлительно и отзывалось на всякій звукъ жизни, и что, слѣд., въ настоящее время, собранныя нами старинныя пѣсни представляютъ весьма незначительную часть того богатаго наслѣдства, какое нашъ народъ скоплялъ намъ въ теченіи вѣковъ въ своемъ пѣсенномъ творчествѣ. Онѣ до сихъ поръ въ устахъ сохранили напр. пѣсенную память о томъ, какъ „царь сослалъ царицу въ монастырь“. Эта пѣсня по всему вѣроятію слѣдѣтъ про царицу Евдокію Лопухинныхъ, супругу Петра; но по содержанію, или лучше сказать по поэтическому образу царицыной участи она можетъ быть отнесена и къ Соломоніи Сабуровыхъ, т. е. почти за 200 лѣтъ раньше Петровскаго времени. Народъ пропѣлъ и сохранилъ въ устахъ и горькую участь молодой царицы — вдовы, безсომнѣнія Марѣы Матвѣевны Апраксинныхъ, едва успѣвшей вступить въ бракъ и оставшейся послѣ царя Федора сиротою въ 15 лѣтнемъ возрастѣ ¹.

Стало бытъ народъ никогда не былъ безучастнымъ свидѣтелемъ событій своей исторіи и не только событій государственныхъ, общенародныхъ, но и государевыхъ, домашнихъ. Именно эти пѣсни о царевнѣ Ксеніи и о царицахъ, равно какъ и о домашнихъ отношеніяхъ Грознаго, лучше всего и подтверждаютъ ту истину, что народное поэтическое творчество вовсе не было такъ бѣдно, какъ оно представляется теперешнему наблюдателю. Мы должны много сожалѣть о вліяніи той аскетской мысли, по

¹ Кирзевскій, вып. VI, 202, 207.

которой мірская пѣсня получила значеніе грѣха и благочестивое книжное перо не осмѣливалось начертить ее на бумагѣ и передать писанную на память потомству; по которой на томъ же основаніи во имя святости и подъ покровомъ словъ писанія, взамѣнъ народныхъ пѣсень, распространялись самыя темныя апокрифическія басни, содержавшія въ себѣ дѣйствительныя ереси, и притомъ, по происхожденію, совсѣмъ намъ чужія. Записать на бумагу пѣсню еще возможно было въ концѣ XII вѣка, какъ это сдѣлалъ творецъ Слова о Полку Игоревомъ, но и онъ уже, или его позднѣйшій переписчикъ не посмѣлъ назвать этотъ рассказъ прямымъ именемъ — пѣснію; онъ озаглавилъ его *словомъ*, т. е. придалъ ему значеніе обычной въ то время книжно-литературной формы — т. е. слова книжноучительнаго, или книжно-повѣствовательнаго. Въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ писать на бумагѣ пѣсни, значило кощунствовать, развратничать, прямо обречать свою душу адской безднѣ, а свое земное существованіе вести по меньшей мѣрѣ подъ багоги, а за тѣмъ *подъ началъ*, т. е. къ монастырскому строгому и суровому исправленію: сидѣть на цѣпи, работать всякую трудную монастырскую работу и непрестанно замаливать свой неразумный грѣхъ. Страшно было совершить такое преступленіе особенно потому, что одному грѣху обыкновенно всегда приписывали и всякіе другіе грѣхи, ему сродственные и свойственные. Точно также, какъ человекъ не былъ мыслимъ безъ своего рода и всегда и терялъ и приобрѣталъ, возвышался и подвергался опалѣ и гоненію за одно съ своимъ родомъ; такъ и грѣхъ писанія, какъ грѣхъ мысли, коль скоро выходилъ изъ круга понятій книжности, тотчасъ подвергался осужденію и гоненію за одно со всѣмъ своимъ родомъ своевольной или независимой и самостоятельной мысли. Поэтому записанныя пустошныя рѣчи и пѣсни равнялись еретичеству, невѣрію, и грамотныя тетради не церковнаго да и не дѣловаго содержанія были непременно заподозрѣваемы, какъ тетради еретическія, богопротивныя, кощунныя; а былины съ ихъ мѣстическими образами прямо бы осуждены были на сожженіе. Книжное слово зорко и неустанно берегло свою чистоту и тотчасъ изгоняло изъ своей сферы не только памятники явно богомерзскіе, но и простую живую народную рѣчь, которая всегда способна была высокую книжную фразу низвести въ грязь просторѣчія, или отверженнаго шутовства. Вообще старая книжность была на-

шимъ строгимъ и суровымъ дидаскаломъ, строгимъ и суровымъ классицизмомъ, который презиралъ и почиталъ подлымъ, низменнымъ и низкимъ все романтическое, т. е. народное, и постоянно стремился изгнать изъ своей сферы не только духъ этого романтизма, но и самыя его формы. Вотъ почему никакой Котошихинъ и не осмѣливался записать старыя наши былинны, повѣсти и пѣсни, и никакой бояринъ, а тѣмъ больше самъ государь не могъ и подумать о томъ, чтобы собрать въ книгу народныя пѣснопѣнья. Вотъ почему и Слово о Полку Игоревомъ не могло распространиться въ достаточномъ количествѣ списковъ, хотя книжность знала о его существованіи и тайкомъ воспользовалась имъ, сочинивъ по его образцу и его же рѣчами одно изъ своихъ повѣствованій о Донской битвѣ. Должно замѣтить, что отвергая народное слово, книжность, гдѣ было ей нужно, всетаки пользовалась пѣснями, какъ необходимымъ матеріаломъ. Она нерѣдко по нимъ составляла свои лѣтописныя статьи, свои историческія повѣсти и сказанья въ родѣ повѣданія о Мамаевомъ Полюшѣ; она вносила пѣсни въ хронографы (напр. пѣсню о Скопинѣ), она по всему вѣроятію по такимъ же пѣснямъ въ XVI—XVII ст. составляла свои сказанья о зачатѣ Москвы-города и т. п. Но пользуясь поэтическимъ матеріаломъ отъ нашихъ древнихъ баяновъ, отъ старинныхъ бахарей, домрачеевъ и гусельниковъ, она только искажала ихъ пѣсни, стирала живые ихъ образы, всегда усердно передѣлывала ихъ народную складную рѣчь на свое книжное сухое и чопорное слово. Подражая народному поэтическому слову, книжность иной разъ доводила свою фантазію до образовъ неимоვნно грубыхъ и чудовищныхъ. Таковы, напр., ея подражанія народнымъ загадкамъ, эти „богословскіе вопросы и отвѣты“, гдѣ, по образцу игривой двусмысленности загадокъ народнаго слова, облекались въ циническія загадки священные предметы, напр.: Что есть четыре орлы едино яйцо снесли... Что есть волъ корову роди... Кто есть внукъ, рѣче бабѣ... Что есть отрокъ, рѣче: дѣвица, дѣвица... и т. п. Словомъ сказать, пригнетеніе народной поэзіи, ея отверженіе отъ писанаго слова, низвело и самую книжность до пошлыхъ и циническихъ литературныхъ приемовъ, въ которыхъ обнаруживалось только всеобщее помраченіе ума и всеобщее огрубленіе и огрязненіе чувства. Между тѣмъ для народной поэзіи, чтобы вывести ее изъ предѣловъ первобытной непосредственности, и именно изъ предѣловъ всего грубаго, циническаго,

сальнаго и грязнаго, для народной поэзіи въ этомъ ея положеніи только и недоставало свободной письменности. Только свободная письменность могла очистить, возвысить, облагородить народное словесное творчество, поднять его изъ грубой матеріальной среды на высоту созданій идеальныхъ, художественныхъ въ полномъ смыслѣ. Писаное слово есть зеркало, въ которомъ народное сознаніе успѣло бы повѣрить себя, высмотрѣть свои безобразныя формы, еслибъ такія и накопились въ немъ; успѣло бы произнести надъ ними достойное осужденіе и выйти на чистый возвышенный путь. Устное слово этого сдѣлать не могло уже по той причинѣ, что оно все таки жило въ загонѣ и въ презрѣніи, какъ орудіе отверженной потѣхи, а главное потому, что было неуловимо для сознательной повѣрки и его грѣхи или циническій развратъ всегда теряли общій смыслъ и оставались грѣхами и развратомъ самаго связателя или пѣвца, той личности, которая являлась выразителемъ этого слова. Для сознательной повѣрки или критики, для силы очищенія отъ грѣховъ цинизма и разврата въ рукахъ народа не было точки опоры, для всѣхъ общей точки, какую способна была представить только свободная письменность.

Какъ бы ни было, но многое насъ убѣждаетъ, что въ эпоху о которой ведемъ рѣчь, народная поэзія жила еще довольно полною жизнію и устное поэтическое слово постоянно оглашало и дворцовыя палаты, и хоромы бояръ, и народные празднества и игрища, что пѣвцы и сказатели были людьми необходимыми въ тогдашней и общественной и домашней жизни. Извѣстно, что царь Иванъ Васильевичъ не могъ даже и засыпать безъ бахарей. Нѣмцы, описывая его монашескую жизнь въ Александровой Слободѣ, говорятъ между прочимъ, что послѣ вечерняго богослуженія, царь уходилъ въ свою спальню, гдѣ его дожидались трое слѣпыхъ старцевъ; когда онъ ложился въ постель одинъ изъ старцевъ начиналъ говорить сказки и небылицы и когда уставалъ, то его смѣнялъ другой, и т. д. Царь отъ того скорѣе и крѣпче засыпалъ. Мы полагаемъ, что это была общая привычка старинныхъ русскихъ людей и царь Иванъ Васильевичъ является въ этомъ отношеніи только сыномъ своего вѣка. Онъ точно также любилъ и *веселыя*, т. е. скомороховъ, любилъ медвѣжью травлю и тому подобныя удовольствія, которыя хотя и были гонимы, но тѣмъ не менѣе представляли обычный репертуаръ царскаго и народнаго уве-

Съ бахарями рядомъ по своему занятію стояли въ Потѣшной Палатѣ домрачей. Мы видѣли, что бахарь Богданъ Путята отиѣченъ также и домрачеемъ. По всему вѣроятію занятія бахаря и домрачей очень часто соединялись въ одномъ лицѣ, ибо бахарь былъ повѣствователь, сказочникъ, а домрачей меннезингеръ, пѣсельникъ, воспѣвавшій дѣянья прежнихъ людей, т. е. былины и старины про богатырей, и вмѣстѣ съ тѣмъ и духовные стихи. Домрачеемъ онъ назывался по имени музыкальнаго инструмента, на которомъ подыгрывалъ свой пѣсенный ладъ, и который у славянъ западной Европы употребляется и теперъ съ именемъ *мюмры*; это была *домра*, струнный инструментъ, на которомъ играли пальцами, какъ на гитарѣ. Очень вѣроятно, что это имя мандоры, образовавшееся отъ перестановки звуковъ, къ которой такъ расположенъ русскій языкъ, особенно въ отношеніи словъ иностранныхъ, какъ напр. и изъ другаго слова: маскара, образовалось наше *скоморохъ* или *скомрахъ*.

Послѣ домрачей Путяты, когда государь въ 1626 г. женился, на свадьбѣ его тѣшили домрачей Андрюшка Федоровъ да Васька Степановъ. Затѣмъ въ Потѣшной Палатѣ являются уже домрачей *слыные*. Такъ было необходимо, если эти потѣшники должны были увеселять и молодую царицу, не только въ Потѣшной Палатѣ, но, какъ вѣроятно, и въ ея хоромахъ. Что дѣйствительно они главнымъ образомъ воспѣвали свои пѣсни на царицыной половинѣ, на это указываютъ награды имъ отъ лица государыни и довольно частая выдача имъ изъ царицыной казны денегъ на домерныя струны. Такъ 9 іюня 1632 г. царица Евдокія Лукьян. жалуетъ рубль потѣшнику домрачею Гаврилку слѣпому, а *слынымъ иречамъ* домрачегимъ Якову (онъ же Янка, Якушъ, Якунка, 1635—1643 г.) Лукьяну Никиѣорову (онъ же Лука, Лукашъ, 1635—1639 г.), Науму и Петру приказываетъ въ разное время выдавать по гривнѣ и по двѣ гривны на домерныя струны. Государь неоднократно жаловалъ ихъ платьемъ. Напр. въ 1635 г. мая 31 Науму слѣпому сдѣлано: однорядка, ферези, кафтанъ, шапка и сапоги, всего на 7 р. 30 к. Августа 29 такое же платье шито слѣпымъ Якову и Петру.

Такими же пѣвцами народныхъ пѣсенъ были *гусельники*. Но неизвѣстно, находились ли они при дворцѣ постоянно, подобно домрачегимъ, или только призывались временно, какъ напр. въ 1626 г. по случаю царской свадьбы тѣшили царя гусельники:

селенія, до самыхъ дней реформы, а у народа отчасти и до нашихъ дней (медвѣжья травля). Царь Иванъ Васильевичъ собиралъ веселыхъ и медвѣдей по всей землѣ. Въ 1571 г. съ этою цѣлью прѣвѣжалъ въ Новгородъ нѣкій Субота Осетръ, вѣрно царскій потѣшникъ, и въ Новгородѣ и по всѣмъ городамъ и волостямъ новгородской области бралъ на государя веселыхъ людей да и медвѣди описывалъ на государя, у кого скажутъ. Субота занимался этимъ дѣломъ все лѣто съ весны, и 21 сентября поѣхалъ на подводахъ къ Москвѣ съ собранными скomoroxами, и медвѣдей повезли съ собою на подводахъ къ Москвѣ. — Можно полагать, что и въ другихъ областяхъ бывали подобныя же сборы скomoroxовъ, въ числѣ которыхъ пѣвцы - гуслиры непремѣнно занимали самое видное мѣсто. Остается не одинъ разъ сожалѣть, что царскіе архивы погорѣли и мы вообще не имѣемъ достаточныхъ подробностей объ этой, какъ и о многихъ другихъ статьяхъ тогдашняго быта. Встрѣчается извѣстіе, что у царя Василья Шуйскаго былъ бахарь Иванъ.

У царя Михаила мы находимъ тѣже старыя русскія комнатныя утѣхи. Его увеселяютъ бахары, домрачей, гусельники. Въ первые года ему *баютъ басни* бахары Климъ Орефинъ, Петръ Сапоговъ, Богданъ Путята или Путятинъ. Царь каждый годъ жалуетъ имъ платье; такъ 9 февр. 1614 года *юсударевъ бахарь* Климъ Орефинъ получилъ 4 арш. сукна англійскаго зеленого, кафтанъ зедеинный темнозеленый, однорядку суконную вишневою. Въ томъ же году мая 7 выдано государева жалованья другому *юсудареву бахарю*, Петрушкѣ Тарасьеву Сапогову 4 арш. сукна англійскаго вишневаго, кафтанъ-зедеиъ лазорева, сапоги телятинныя, причемъ и Климъ Орефинъ, названный Орефьевымъ тоже получилъ телятинныя сапоги. Въ 1617 г. мая 6 тремъ бахарямъ Петрушкѣ, Богдашку и Климашкѣ пожаловано по 4 арш. сукна настрафлю лазореваго, да по 5 арш. сукна лятчины червчатой. Въ 1618 г. апрѣля 15 государь пожаловалъ *домрачю* Богдана Путятина да бахарей Петра Сапогова и Клима Орефьева по 4 арш. сукна лазореваго. Въ 1620 г. апр. 29 такое же жалованье получили бахарь Климъ и домрачей Путята; въ 1622 г. марта 27 бахарь Богданъ Путятинъ получаетъ опять такое же сукно. Всѣ эти пожалованія произведены по „именному приказу“, слѣд. въ награду за потѣшенье.

Съ бахарями рядомъ по своему занятію стояли въ Потѣшной Палатѣ домрачей. Мы видѣли, что бахарь Богданъ Путята отмѣченъ также и домрачеемъ. По всему вѣроятію занятія бахаря и домрачей очень часто соединялись въ одномъ лицѣ, ибо бахарь былъ повѣствователь, сказочникъ, а домрачей меннезингеръ, пѣсельникъ, воспѣвавшій дѣянья прежнихъ людей, т. е. былины и старины про богатырей, и вмѣстѣ съ тѣмъ и духовные стихи. Домрачеемъ онъ назывался по имени музыкальнаго инструмента, на которомъ подыгрывалъ свой пѣсенный ладъ, и который у славянъ западной Европы употребляется и теперь съ именемъ *момры*; это была *домра*, струнный инструментъ, на которомъ играли пальцами, какъ на гитарѣ. Очень вѣроятно, что это имя мандоры, образовавшееся отъ перестановки звуковъ, къ которой такъ расположенъ русскій языкъ, особенно въ отношеніи словъ иностранныхъ, какъ напр. и изъ другаго слова: маскара, образовалось наше скоморохъ или скомрачъ.

Послѣ домрачей Путяты, когда государь въ 1626 г. женился, на свадьбѣ его тѣшили домрачей Андрюшка Ѳедоровъ да Васья Степановъ. Затѣмъ въ Потѣшной Палатѣ являются уже домрачей *слѣные*. Такъ было необходимо, если эти потѣшники должны были увеселять и молодую царицу, не только въ Потѣшной Палатѣ, но, какъ вѣроятно, и въ ея хоромахъ. Что дѣйствительно они главнымъ образомъ воспѣвали свои пѣсни на царицыной половинѣ, на это указываютъ награды имъ отъ лица государыни и довольно частая выдача имъ изъ царицыной казны денегъ на домерныя струны. Такъ 9 іюня 1632 г. царица Евдокія Лукьян. жалуетъ рубль потѣшнику домрачею Гаврилку слѣпому, а *слѣнымъ ирещамъ* домрачєямъ Якову (онъ же Янка, Якушъ, Якунка, 1635—1643 г.) Лукьяну Никиѳорову (онъ же Лука, Лукашъ, 1635—1639 г.), Науму и Петру призываетъ въ разное время выдавать по гривнѣ и по двѣ гривны на домерныя струны. Государь неоднократно жаловалъ ихъ платьемъ. Напр. въ 1635 г. мая 31 Науму Слѣпому сдѣлано: однорядка, ферези, кафтанъ, шапка и сапоги, всего на 7 р. 30 к. Августа 29 такое же платье шито Слѣпымъ Якову и Петру.

Такими же пѣвцами народныхъ пѣсенъ были *гусельники*. Но неизвѣстно, находились ли они при дворцѣ постоянно, подобно домрачєямъ, или только призывались временно, какъ напр. въ 1626 г. по случаю царской свадьбы тѣшили царя гусельники:

Узда и Богдашка Власевъ. Въ 1629 г. іюля 18 государь жалуетъ гусельнику Любиму Иванову полный нарядъ платья: однорядку, кафтанъ, ферези, штаны, шапку, колпакъ и сапоги всего на 16 р. 38 к., сумма довольно значительная, вдвое бѣльшая противъ такого же жалованья домрачеймъ, которая должна обозначить и мѣру утѣхи, какую доставилъ государю этотъ гусельникъ.

Къ числу *веселыхъ* принадлежали также и *скрыпотчики*, изъ которыхъ Богдашка Окатьевъ, Ивашка Ивановъ, Онашка, да нѣмчинъ новокрещеный Арманка тѣшили государя на свадьбѣ въ 1626 г.; но въ послѣдующее время свѣдѣній объ нихъ не встрѣчается и намъ неизвѣстно состояли ли при Потѣшной Палатѣ музыканты этого рода.

Иногда въ Потѣшной Палатѣ появлялись и другіе потѣшники, о которыхъ неизвѣстно, чѣмъ они забавляли государя. Такъ въ 1638 г. на святкахъ былъ взятъ съ Тулы крестьянинъ Іевка Григорьевъ, которому дек. 30 сдѣланъ суконный лазоревый кафтанъ.

Музыка конечно была одною изъ первыхъ статей государственной домашней комнатной потѣхи, а особенно на женской половинѣ, увеселенія которой ограничивались по преимуществу только домашними утѣхами. Заморскіе органы, какъ и всякія другія, русскія, статьи старинныхъ дворцовыхъ увеселеній, были по всему вѣроятію и въ то время помѣщены въ одной изъ дворцовыхъ палатъ, которая по этой причинѣ и должна была называться *потѣшною палатою*. Хотя встрѣтившееся намъ свидѣтельство о существованіи Потѣшной Палаты относится ко времени Годунова и Шуйскаго, однако возможно безъ ошибки полагать, что она существовала и въ началѣ XVI ст., существовала безъ всякаго сомнѣнія, какъ отдѣльное помѣщеніе для потѣхъ и въ болѣе раннее время, если не съ названіемъ палаты, то съ названіемъ какой либо потѣшной хоромны. Въ годъ вступленія на царство Михаила, въ 1613 г. ноября 10, устроены были также и *потѣшныя хоромы*; тогда въ нихъ было отпущено къ четыремъ дверямъ да къ семи окнамъ на обивку красное сукно. Въ первой половинѣ XVII ст. Потѣшная Палата занимала нѣсколько отдѣльныхъ комнатъ въ старомъ зда-

ни дворца, гдѣ находилась и царицына Золотая Палата и надъ которымъ потомъ выстроены были каменные покои теремнаго дворца (т. I, стр. 60, 72, 176), послѣ чего она именовалась иногда *потѣшнымъ подклѣтомъ*, ибо находилась уже въ подклѣтномъ этажѣ терема. Въ этомъ помѣщеніи и сосредоточены были тогда почти всѣ дворцовыя комнатныя забавы, начиная съ органовъ и оканчивая бахарями, домрачами, карлами и попугаями. Здѣсь хранилась и всякая потѣшная утварь и рухлядь, т. е. платье, разныя вещи и разныя музыкальныя и другіе потѣшныя стременты. При палатѣ находились особые сторожа, носившіе названіе *потѣшныхъ сторожей* и получавшіе соотвѣтственное своей службѣ жалованье. Она представляла въ нѣкоторомъ отношеніи какъ бы особое вѣдомство, къ которому принадлежали всѣ потѣшники и всѣ лица, имѣвшіе во дворцѣ потѣшное значеніе. Потѣшные сторожа были наблюдателями и такъ сказать надзирателями всего этого потѣшнаго чина, ибо черезъ нихъ производились всякія хозяйственныя его дѣла. Главное завѣдываніе надъ Потѣшною Палатою принадлежало царскому постельничему, а впоследствии перешло въ Приказъ Тайныхъ дѣлъ, такъ что въ палатѣ и въ этомъ приказѣ находились одни и тѣже сторожа, 4 человѣка.

Въ XVII ст., съ первыхъ же лѣтъ царствованія Михаила Фед., органы и цымбалы составляли уже необходимую принадлежность дворцовой Потѣшной Палаты (т. I, стр. 176), при которой находились и постоянныя игрецы на этихъ инструментахъ, цымбальники и органныя мастера. Подъ именемъ цымбаль должно разумѣть по всему вѣроятію старинный нѣмецкій народный инструментъ (гакебретъ), грубое подражаніе фортепіанамъ, въ родѣ русскихъ гуслей, съ металлическими струнами, на которомъ играли, ударяя по струнамъ двумя деревянными молоточками, обтянутыми сукномъ. Тѣмъ же именемъ могли обозначаться и клавишныя или клавикорды, старинныя фортепьяны, такъ что цымбальникъ могъ обозначать и цимбалиста или піаниста. Въ 1614 г. цымбальникомъ Потѣшной Палаты былъ Томпо Михайловъ *Блсовъ*, котораго и самое прозваніе указываетъ, что это былъ артистъ своего дѣла. Послѣ него упоминаются цымбальники Мелентій Степановъ (1626—1632 г.) и Андрей Андреевъ (1631 г.). Они, безсомнѣнія, устроивали не одну игру на цымбалахъ, но завѣдывали и органною игрою. Органная игра видимо очень нравилась домашнему государеву обществу

и потому были приняты мѣры устроить ее еще лучше, для чего и вызваны были, конечно, нѣмцы. Въ 1630 г. октября 14, „выѣхали къ государю послужить ремесломъ своимъ органнаго дѣла мастера, а главнымъ образомъ мастера часовыхъ дѣлъ, Ансъ Лунъ да Мелхартъ Лунъ; а привезли они съ собою изъ голандской земли ~~стремелныя~~ на органное дѣло, и тотъ они стрементъ на Москвѣ додѣлали и около того стремента станокъ сдѣлали съ рѣзью и раздѣтили краскою и золотомъ; и на томъ стрементѣ сдѣлали соловья и кукушку съ ихъ голоса; а какъ играютъ тѣ органы и обѣ птицы поютъ собою безъ человѣческихъ рукъ. За то мудрое дѣло государь пожаловалъ имъ изъ своей казны 2676 рублей, вѣроятно по одѣлкѣ матеріаловъ и работы. Но кромѣ того, когда работа была окончена и государь того ихъ дѣла смотрѣлъ и игры слушалъ дважды, имъ дано было по сороку соболей да въ стола мѣсто, т. е. вмѣсто приглашенія къ царскому столу, кормъ и питье, что было очень почетною наградою. Въ 1637 г. Ансъ или Яганъ Лунъ померъ, а братъ его въ 1638 г. былъ отпущенъ въ свою землю по собственному желанію, при чемъ ему дано 100 р. денегъ, сорокъ соболей въ 40 р. и шесть подводъ. Государь приказалъ ему, чтобъ онъ опять возвратился въ Москву и вывезъ бы съ собою двухъ часовыхъ мастеровъ съ условіемъ научить въ Москвѣ учениковъ¹. Нѣмцы Луневы также выучили къ своимъ органамъ мастера изъ московскихъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти нѣмцы въ теченіи восьми лѣтъ своей службы при царскомъ дворцѣ устроили музыкальную потѣшную статью самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Кромѣ большихъ органовъ, которые были сдѣланы еще въ первый годъ ихъ службы, и стояли, въ Грановитой Палатѣ, они вѣроятно устроили нѣсколько подобныхъ же инструментовъ въ меньшемъ размѣрѣ и для Потѣшной Палаты. Такимъ образомъ съ этого времени нѣмецкая органная игра является уже не случайною гостею въ царскомъ дворцѣ, а становится вседневною потѣхою въ домашнемъ быту государя, служить постояннымъ увеселеніемъ для его семейства, для царицы и для дѣтей и для всѣхъ ея комнатныхъ людей. Къ сожалѣнію ничего нельзя сказать, какія пѣсни разыгрывались на этихъ органахъ и были ли поставлены на нихъ и русскія пѣсни. Впослѣдствіи органное дѣло стало обыкновеннымъ

¹ Временникъ, кн. 16, Слѣзь, 23. Арх. Ор. Пал. Расх. кн. № 756.

дѣломъ и для московскихъ дворцовыхъ мастеровъ, такъ что государь посылалъ уже органы, какъ диковину, въ подарокъ къ персидскому шаху. Въ первый разъ органы московской работы были туда посланы въ маѣ 1662 г.; они описаны такимъ образомъ: „органы большіе въ деревѣ черномъ нѣмецкомъ съ рѣзью о трехъ голосахъ, четвертый голосъ заводной самоигральной; а въ нихъ 18 ящиковъ, а на ящикахъ и на органахъ 38 травокъ (зачеркн. личинъ мѣдныхъ) позолоченыхъ. У 2 затворовъ 4 петли (желѣзныя) позолочены; 2 замки мѣдные позолочены. Напередѣ органовъ большихъ и среднихъ и меньшихъ 27 трубъ оловянныхъ, около трубъ 2 рѣшотки рѣзные вызолочены; по сторонамъ органъ 2 крыла рѣзные вызолочены; подъ органами 2 дѣвки стоячіе деревянные рѣзные вызолочены; 4 скобы (желѣзныя) пріемные съ пробоями и съ гайками вызолочены; 4 шурупы пріемные отъ голосовъ (мѣдные) позолочены; поверху органовъ часы боевые, съ лица доска золочена, указъ посеребрень; поверху часовъ яблоко (мѣдное) половина позолочена; кругъ часовъ по мѣстамъ рѣзъ вызолочена; 5 ключей желѣзныхъ золоченыхъ; позади (органы) оклеены краснымъ сукномъ“.

Очень понятно, что въ царской Потѣшной Палатѣ музыкальные инструменты, цымбалы, органы и т. п. существовали не для одного лишь гуденья, а представляли необходимую и весьма важную статью и для другихъ разнообразныхъ увеселеній. При ихъ посредствѣ устраивалось вѣроятно всякое *скомрашное* дѣло и всякая *смѣхотворная хитрость* разными *веселыми* людьми или скоморохами въ исключительномъ смыслѣ, какъ творцаи походячихъ народныхъ спектаклей, начиная съ кукольныхъ комедій и оканчивая небольшими сценическими представленіями, какія впоследствии стали обозначаться иноземными именами, интермедій, интерлюдій. Известно, что кукольная комедія и въ старину принадлежала къ числу потѣхъ общенародныхъ, обычныхъ, и нѣтъ сомнѣнія, что ея происхожденіе относится къ очень давнимъ временамъ. „Вмѣстѣ съ вожатыми медвѣдей, замѣчаетъ Олеарій; у русскихъ можно встрѣтить и комедіантовъ, которые, между прочимъ, представляютъ разныя шутки посредствомъ куколъ; для этого устраиваютъ они изъ холста, обвязаннаго вокругъ тѣла, родъ сцены, помѣщающейся надъ ихъ головами, на которой куклы представляютъ разнаго рода фарсы. Съ такими подвижными театрами ходятъ русскіе комедіанты по улицамъ“. Конечно, для царскихъ дѣтей подобныя потѣхи

представляли одно изъ любимѣйшихъ увеселеній, поэтому въ Потѣшной Палатѣ, судя по нѣкоторымъ, хотя и скуднымъ, свидѣтельствамъ, шли постоянныя представленія даже нѣмецкихъ фигляровъ, балансеровъ, фокусниковъ и т. п., которые непремѣнно разыгрывали и какія либо дѣйства, арлекинады, небольшія шуточные пьески, на что вообще хитры были странствующіе нѣмецкіе и польскіе артисты, стоявшіе конечно въ этомъ отношеніи выше нашихъ скомороховъ. Такимъ артистомъ былъ, какъ кажется, полякъ Юшка Проскура, которому въ 1626 г. февр. 28, государь приказалъ сшить особое платье, бархатную черную чугу съ серебряною нашивкою, атласный алыи кафтанъ съ золоченою нашивкою и суконные красные (багрецовые) штаны съ мѣдными застежками (40 гвоздѣ), всего слишкомъ на 18 руб. — деньги большія и пожалованіе сдѣлано вѣроятно за увеселенія, какими потѣшалъ этотъ Проскура государевъ дворъ во время царской свадьбы (съ 5 февраля). Онъ завѣдывалъ органною потѣхою. Въ 1629 г. является уже настоящій канатный плясунъ, потѣшникъ нѣмчинъ Иванъ Семеновъ Лодыгинъ, вѣрно перекрещенецъ. Юня 16 ему шьютъ также особое потѣшничье платье: темносинюю суконную епанчу и темновишневый суконный зипунъ. Онъ также состоитъ при Потѣшной Палатѣ (болѣе 10 лѣтъ) и постоянно увеселяетъ царское семейство всякими потѣхами. Время отъ времени для такихъ потѣхъ онъ получаетъ изъ царской казны готовое платье или же весь матеріалъ, изъ котораго онъ самъ уже готовилъ себѣ костюмъ, какъ было надобно. Такъ въ 1630 г. сент. 21 ему шить *юмурлукъ*, особаго покроя кафтанъ, суконный темновишневый, цѣною около 6 р. Въ 1632 г. окт. 16 ему изготовляютъ потѣшничье нѣмецкое платье: *плащъ*, *кабатъ*, *пукиши*, роскошно обшитое мишурнымъ кружевомъ, цѣною болѣе 13 р., также сапоги нѣмецкіе бѣлые и шляпу черную съ мишурною *исткою*. Какими именно потѣхами онъ забавлялъ царское семейство мы не знаемъ; но не только въ дворцовой кремлевской Потѣшной Палатѣ, — онъ давалъ иногда свои представленія и въ загородныхъ дворцахъ, именно въ любимой тогдашней царской дачѣ, въ селѣ Покровскомъ — Рубцовѣ. Такъ въ 1635 г. мая 29, вмѣстѣ съ такимъ же потѣшникомъ нѣмчиномъ Юрьемъ Войнь-Брантомъ онъ тѣшилъ тамъ государя и шестилѣтняго царевича Алексѣя Мих. Въ томъ же году и тамъ же (7 сентября) онъ опять тѣшилъ государеву семью всякими по-

тѣхами. Въ это время упоминается и еще нѣмчинъ-потѣшникъ *Ермисъ*, которому выдаютъ (7 мая) для потѣшнаго дѣла 4 арш. тафты винницей зеленой да аршинъ тафты рудожелтой и (13 мая) на шитье на нѣмецкое платье шолку зеленого да желтаго по 5 зол. Повидимому этотъ Ермисъ или Юрмисъ тотъ же Юрій Воинъ-Брантъ, дѣйствовавшій на потѣхъ 29 мая. Надо замѣтить также, что къ этому дню сшито было нѣмецкое платье три юпы, три пукши, три шапки и тремъ молодымъ накрачеямъ царевича Алексѣя, которые, слѣд., также дѣйствовали на потѣхъ.

Въ числѣ упомянутыхъ всякихъ потѣхъ было и танцованье по канатамъ. По обычному правилу Московскаго Двора требовать отъ каждаго завѣжаго искусника нѣмца, чтобы онъ выучилъ учениковъ своему художеству, и потѣшникъ Иванъ Семеновъ тоже училъ русскихъ людей своей бѣсовской мудрости. Въ 1637 г. іюня 27 государь пожаловалъ ему 10 арш. камки двоеличной шелкъ алъ-желтъ, цѣною въ 9 р., да за сукно деньгами 6 р., „за то что онъ выучилъ по канатамъ ходить и танцовать и всякимъ потѣхамъ, чему онъ самъ умѣетъ, пять человекъ да по барабанамъ выучилъ бить 24 человекъ“. Его ученики *метальники* и *накрачи* забавляли съ тѣхъ поръ царевича Алексѣя и находились въ его штатѣ. Для потѣхъ имъ тоже изготовлялось нѣмецкое платье, какъ напр. тремъ накрачеямъ, о чемъ мы сказали выше. Въ 1638 г. іюня 26 царевичевымъ метальникамъ Макарку да Ивашку Андреевымъ сшиты двѣ *курты* да двои штаны изъ краснаго (червленаго) сукна, а вмѣсто шапокъ, *аракчины* (ермолки), тоже изъ сукна-багреца. Въ томъ же году сент. 12 потѣшникамъ Ивану Семенову съ товарищи для государевыхъ потѣхъ на потѣшное платье было отпущено изъ царской казны 10 арш. камки зеленой мелко-травной, 5 арш. тафты зеленой, 1 арш. тафты рудожелтой, 1 арш. тафты алой, 10 арш. сукна червленаго, 5 арш. зеленого, 1½ арш. бѣлаго да желтаго, и деньгамъ на 11½ арш. холста, на 10 арш. стамеду, на 156 арш. снурковъ шелковыхъ, на 36 портищъ пуговицъ нѣмецкихъ шолковыхъ, на 33 зол. шолку сканаго, 9 р. 27 ал. 4 д. Все взялъ самъ потѣшникъ Лодыгинъ, вѣроятно готовившій въ это время какія либо новыя увеселенія для государя. Должно полагать, что въ этихъ нѣмецкихъ потѣхахъ участвовали и женщины, ибо въ 1635 г. генваря 9 и 31 по именному приказу царицы Евдокѣи Лук. для потѣхи

были сшиты четыре портища нѣмецкаго женскаго платья, изъ коихъ на два употребленъ бархатъ, тафта, сукно и золотное круживо, а на другія два бархатель, мухойръ и мишурное круживо. 31 мая къ тому же или уже къ другому потѣшному нѣмецкому платью куплено 37 золотныхъ пуговиць.

Потѣшникъ Иванъ Семеновъ видимо былъ артистъ на всѣ руки; онъ тѣшилъ государя и соколами и въ домашнихъ забавахъ возился съ государевыми дураками или шутами. 19 марта 1632 г. онъ подалъ царю слѣдующую челобитную: „государю царю и в. к. Михаилу Ѳедоровичу всеа Русіи бьетъ челомъ холопъ твой Ивашка Семеновъ сынъ Лодыгинъ: въ нынѣшнемъ, царь, во 140 (1631) годѣ до зимняго Николина дни пожаловалъ ты, государь, меня холопа своего, какъ я холопъ твой тебя, государя, тѣшилъ и г. царевича князя Алексѣя Мих. соколами; рекася ты, государь, пожаловать мнѣ холопу своему шубу; и я холопъ твой съ тѣхъ мѣстъ и по сю пору, ожидаючи твоего государева жалованья къ себѣ, не бивалъ челомъ. Милосердый государь! пожалуй меня холопа своего въ то мѣсто къ Свѣтлому Воскресенью фerezцами да кафтаномъ. А дураки, государь, тѣша тебя, государя, изодрали на мнѣ однорядку да шапку; и однорядочка у меня, холопа твоего къ Свѣтлому Воскресенью съ пугвицы серебряными — твое царское жалованье — есть. Царь государь смилуйся!“ На челобитной отмѣчено: государь пожаловалъ, велѣлъ дать фerezы — дороги гиланскія, кафтанъ — тафту виницейку да шапку, въ приказъ (т. е. сверхъ годоваго оклада, по которому вѣроятно потѣшникъ получалъ и годовое платье).

Дальнѣйшая исторія нѣмецкихъ потѣхъ у царя Михаила Ѳед. намъ неизвѣстна. Можно догадываться, что къ концу его царствованія онѣ едва ли и совсѣмъ не прекратились, или по крайней мѣрѣ были очень рѣдки вслѣдствіе разныхъ домашнихъ причинъ тогдашняго царскаго быта. Царь съ царицею прожили уже молодые годы и стали оба часто недомогать, а потомъ и со стороны духовной власти были подняты, какъ увидимъ, старыя поученія о душевной погибели отъ всякихъ бѣсовскихъ потѣхъ. Потѣшникъ Иванъ Семеновъ сходитъ со сцены, по крайней мѣрѣ его имени уже не поминается въ это время; остается потѣшникъ Иванъ Ермисъ, который въ 1642 г. апр 3 получаетъ отъ государя 10 арш. камки, 5 арш. сукна и сорокъ

соболей „за трубничье ученье“, которому онъ могъ обучать вовсе не съ потѣшною дѣлюю однихъ военныхъ людей.

Въ первые 20 лѣтъ царствованія Алексѣя Михайловича точно также почти вовсе не упоминается о потѣхахъ этого рода. Знаемъ только, что во время моровой язвы, опустошавшей Москву въ 1654 г., когда оставленный дворецъ былъ пустъ и зимою того года „отъ Грановитой къ переградѣ и на постельномъ и на красномъ крыльцѣ, и за переградю къ мастерской палатѣ и отъ Стрѣтеня и къ набережнымъ хоромамъ и на дворцахъ“, т. е. повсюду лежали сугробы самыя большіе и пройти было невозможно, — въ это время у государя въ Верху, во дворцѣ, въ потѣшномъ подклѣтѣ оставался какой то князь Ямъ (вѣрно потѣшное прозванье, быть можетъ тотъ же Иванъ Семеновъ), и карла съ царскими попугаями, которыхъ онъ съумѣлъ сберечь до возвращенія царя въ Москву.

Видимо, что молодой царь мало былъ расположенъ къ утѣхамъ домашней Потѣшной Палаты. Его въ первые годы исключительно занимала охота псовая и соколиная, медвѣжьи бои, медвѣжьи и волчьи осои, походы на лосей и вообще на лѣснаго и полеваго всякаго звѣря. Отвлекать такимъ образомъ молодого царя по дальше отъ государственныхъ дѣлъ было также въ видахъ боярина Морозова, его дядьки и соправителя, тогдашняго временщика. Кромѣ того въ первые же годы царь обнаружилъ стремленіе обновить распущенную жизнь, внести въ нее строй и порядокъ, обнаружилъ, словомъ сказать, стремленіе къ реформѣ, хотя еще вовсе и не сознавалъ, въ чемъ она должна состоять, чтобы принести народу дѣйствительное благо. Былъ возстановленъ идеалъ хорошей жизни по старому Домострою. Стремленіямъ царя тотчасъ отвѣтила духовная власть, которая въ эту эпоху находилась подъ вліяніемъ многихъ старовѣровъ и изувѣровъ и закладывала вмѣстѣ съ ними по поводу исправленія и новаго изданія церковныхъ книгъ основаніе для раскола.

Вспомнаны были нѣкоторыя рѣшенія Стоглава и поученія его роднаго брата — Домостроя объ искорененіи бѣсовскихъ мирскихъ игръ, сатанинскихъ пѣсенъ и позорищъ, вообще о томъ, чтобы живымъ мирскимъ людямъ устроить свое житіе по старческому началу, т. е. въ домахъ, на улицахъ и въ поляхъ пѣсенъ не пѣть, по вечерамъ на позорища не сходиться, не плясать, руками не плескать, въ ладони не бить, т. е. въ хоровахъ не играть, и игръ не слушать; на свадьбахъ пѣсенъ не

пѣть и не играть глумотворцамъ, органикамъ, смѣхотворцамъ, гусельникамъ, пѣсельникамъ; на святкахъ въ бѣсовское сонмище не сходиться, игръ бѣсовскихъ не играть, пѣсенъ не пѣть, загадокъ не загадывать, сказки не сказывать, празднословіемъ, смѣхотвореніемъ и кощунаніемъ, такими помраченными и беззаконными дѣлами душъ своихъ не губить, личины (хари, маски) и платье скоморошеское на себя не накладывать, олова и воску не лить; зерню, въ карты и въ шахматы не играть; на святой на доскахъ не свакать, на качеляхъ не качаться; скоморохомъ не быть; съ гусями, съ бубнами, сурнами, домрами, волынками, гудками не ходить; медвѣдей не водить, съ собаками не плясать; кулачныхъ боевъ не дѣлать, въ лодыги (въ бабки) не играть; не говоря уже о ворожбѣ, чародѣйствѣ и вообще о мірскомъ суевѣріи.

Всѣ эти народныя общественныя и домашнія удовольствія, всю эту мірскую радость девятнадцатилѣтній государь, внушаемый по всему вѣроятію патріархомъ Іосифомъ, и поддерживаемый въ томъ своимъ дядькою Морозовымъ, рѣшился искоренить во всей землѣ. Въ 1648 г. по всѣмъ городамъ разосланы были царскія грамоты съ крѣпкимъ подтвержденіемъ читать ихъ въ соборахъ по воскресеньямъ и по торжнамъ въ городахъ, въ волостяхъ, въ станахъ, погостахъ, не по одиножды всѣмъ въ слухъ ¹. Въ этихъ грамотахъ, царь, жалѣя о православныхъ крестьянахъ, подробно и строго наказывалъ всему православному міру унять отъ неистовства и всякое мятежное бѣсовское дѣйство, глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми прекратить, такъ что по грамотѣ вся земля должна была превратиться въ одинъ огромный, безмолвный монастырь съ монашескимъ житіемъ и старческимъ поведеніемъ. Ослушниковъ на первый и второй разъ велѣно бить батогами, а въ третій или четвертый ссылать въ ссылку въ украинные города, а гусли, домры, сурны, гудки, маски и всѣ музыкальныя, гудебныя бѣсовскіе сосуды велѣно отбирать, ломать и *жечь* безъ остатку. Скомороховъ же на первый разъ бить батогами, въ другой кнутомъ и брать пѣню по 5 руб. съ человѣка. Такія же грамоты разосланы были повсюду и отъ митрополитовъ, которые грозили ослушникамъ наказаніемъ безъ пощады и отлуче-

¹ Описаніе Госуд. архива, г. Иванова, 296. Акты истор. IV, № 35. Акты А. Э. IV, № 59, 98.

ніемъ отъ церкви Божіей (1657 г.). Замѣчательно, что охота (псовая, ловчія птицы), столь любимая царемъ, хотя также отвергнутая отеческими поученіями, какъ видѣли выше, была въ этихъ грамотахъ обойдена молчаніемъ. Такое аскетическое нашествіе на народныя домашнія и общественныя игры и всякія веселости, не сѣмѣвшее сдѣлать различія между оргіею и обыкновеннымъ увеселеніемъ, нѣсколько времени дѣйствительно торжествовало. Олеарій рассказываетъ объ этомъ времени слѣдующее: „Дома, въ особенности же на пирахъ русскіе очень любятъ музыку и уважаютъ это искусство. Нынѣшній патріархъ (Іосифъ?), замѣтивъ, что они начинаютъ злоупотреблять ею, распѣвая разнаго рода скандальныя пѣсни по кабакамъ, шинкамъ и на улицахъ, приказалъ сначала разбивать находимые въ такихъ мѣстахъ инструменты и также у всѣхъ тѣхъ, кои попадались съ ними на улицахъ, а потомъ совершенно запретилъ инструментальную музыку. По его приказанію немедленно собрали всѣ инструменты, какіе только можно было найти, въ Москву, нагрузили ими пять возовъ, свезли все это за Москву рѣку (на Болото—мѣсто казни преступниковъ) и сожгли. Только однимъ нѣмцамъ позволено было у себя въ домахъ заниматься музыкою, да еще боярину Никитѣ Ивановичу, другу нѣмцевъ, который держитъ у себя *positivus* (*positiv*, маленький органъ) и разнаго рода другіе инструменты, такъ какъ патріархъ ему одному только не можетъ запретить этого удовольствія“. Читая рассказъ Олеарія, сначала можно было бы подумать, что патріархъ попалъ только на развратныя оргіи народа которымъ музыка служила подспорьемъ и потому запретилъ тамъ музыкальные инструменты. Такъ, безсомнѣнія Олеарію объясняли дѣло благочестивые современники. Но вскорѣ изъ его же словъ мы узнаемъ, что не оргіи были причиною такого запрещенія, а бѣсовство самыхъ инструментовъ, этихъ отреченныхъ церковью гудебныхъ сосудовъ, которые сами по себѣ изгонялись изъ міра, какъ сатанинскій соблазнъ благочестивыхъ душъ. Торжество старческихъ ученій объ этихъ сатанинскихъ прелестяхъ сего міра воодушевляло и молодого царя, который вообще былъ очень приверженъ къ авторитету священства и монашества. Играя свою первую свадьбу, въ томъ же 1648 году, онъ устроилъ такъ: на прежнихъ государскихъ радостяхъ бывало, что въ то время, какъ государь пойдетъ въ мыленку, во весь день до вечера и въ ночи на дворцѣ играли

въ сурны, и въ трубы и били по накрамъ... Мы знаемъ, что на свадьбѣ его отца Михаила Фед. въ Грановитой Палатѣ стояли и играли варганы и цымбалы и сверхъ того гостей увеселяли такъ называемые *веселые*, по просту скоморохи, гусельники, домрачеп и даже скрыпотчиен. „А нынѣ в. государь на своей государевой радости, накромъ и трубамъ быти не изволилъ; а велѣлъ государь во свои государскіе столы, вмѣсто трубъ и органовъ и *всякихъ свадебныхъ потѣхъ*, пѣти пѣвчимъ дьякамъ всѣмъ станцамъ (хорамъ), перемѣняясь, *строчные* и демественные большіе стихи изъ праздниковъ и изъ тріодей драгія вещи со всякимъ благочиніемъ. И по его государеву мудрому и благочестному разсмотрѣнію *бысть тишина* и радость и благочиніе веліе, яко и всѣмъ тутъ бывшимъ дивитися и возсылати славу превеликому въ Троицѣ славимому Богу, и хвалити и удивлятися о премудромъ его царскаго величества разумѣ и благочиніи“. Убѣжденія царя въ этомъ отношеніи были довольно тверды и онъ долго не измѣнялъ тѣхъ распоряженій, какія сдѣланы были его грамотами. Покрайней мѣрѣ, спустя почти 29 лѣтъ, въ его Приказѣ Тайныхъ дѣлъ поступали на приходъ *пенныя деньги съ качелей*, которыхъ, напр. въ 1665 г. апр. 29, слѣд. за все время святой недѣли, когда именно и начались на качеляхъ, было собрано въ Суздаль и на посадѣ со *всякихъ чиновъ людей 121 р. 5 алт.*

Въ сущности въ этомъ постыическомъ поворотѣ общественной жизни обнаруживался иной ея поворотъ, неудержимый поворотъ къ петровской реформѣ. Здѣсь высказывалась главнымъ образомъ настоятельная потребность всенароднаго нравственнаго очищенія, такая же потребность, каковая была заявлена ровно за сто лѣтъ предъ тѣмъ, изданіемъ Стоглава и Домостроя. Но какъ тогда, такъ и въ эту минуту руководители народной потребности смотрѣли не впередъ, а назадъ, стремились найти источникъ нравственнаго обновленія на старомъ, уже пройденномъ пути, въ старыхъ преданіяхъ, въ старыхъ отеческихъ обычаяхъ и поученіяхъ. Отсюда и въ настоящую эпоху, въ половинѣ XVII ст., новое торжество тогоже Стоглава и тогоже Домостроя, т. е. торжество старой вѣры въ смыслъ старой культуры, стараго развитія, старой нравственной выработки. Но съ этимъ торжествомъ для старой культуры наставалъ уже послѣдній часъ, ибо въ немъ, при его помощи, для выросставшаго государства, съ большею ясностію предстали односторон-

нія начала старой жизни; лучшимъ людямъ вѣва при новой постановкѣ Домостроя стало несравненно виднѣе, осязательнѣе, что съ такими началами, если и необходимо жить всякому человеку, то государству съ ними жить невозможно. Оно должно было неизмѣнно и преждевременно погибнуть. Лучшие люди усматривали новый путь и по немного направляли туда свои шаги. Въ такихъ попыткахъ прошла вторая половина XVII ст. Между тѣмъ приверженцы Домостроя и его культуры оставались на старомъ и всѣ силы употребляли остановить движеніе къ новинѣ. Отсюда распадѣніе русскаго общества, *расколъ*, церковный и нравственный, общественный, котораго исторія еще не совсѣмъ прожита и до нашихъ дней. Если уже не форма, то духъ стараго Домостроя еще господствуетъ и теперь. Онъ вселился только въ новую европейскую форму и этой формой производитъ въ иныхъ случаяхъ лишь оптическій обманъ, выставляя на показъ новыя общечеловѣческія идеи и порядки и въ тоже время съ особенною заботливостію и всѣми силами удерживая жизнь въ старыхъ началахъ малаго глупаго ребячества.

Такимъ образомъ обычныя при царѣ Михаилѣ домашнія утѣхи дворцовой Потѣшной Палаты при его сынѣ были оставлены. Молодой царь промѣнялъ ихъ на отъѣздное поле, на псовую и особенно на соколиную охоту, которая замѣняла для него всѣ роды другихъ увеселеній. Въ Потѣшной Палатѣ онъ не покинулъ лишь одной утѣхи, именно бахарей, но вѣрныи тѣмъ мыслямъ, которыя отвергали бахарство, какъ бѣсовское угодіе и которыя заставили его всенародно запретить эту утѣху наравнѣ со всѣми другими, онъ придалъ дворцовымъ бахарямъ иной смыслъ, соотвѣтственный стариннымъ отеческимъ ученіямъ. Въ государевыхъ потѣшныхъ хоромахъ вмѣсто бахарей съ этой поры живутъ уже *нищіе*, называемые верховыми, т. е. придворными нищими, а впослѣдствіи, съ 1660 г., а быть можетъ и раньше, получившіе официальное названіе *богомольцовъ*, *верховыхъ богомольцовъ*. Англичанинъ Коллинсъ (1659—1666 г.) между прочимъ говоритъ, что царь содержитъ во дворцѣ стариковъ, имѣющихъ по 100 лѣтъ отъ роду и очень любитъ слушать ихъ рассказы о старинѣ. Названіе этихъ стариковъ верховыми нищими, богомольцами, даетъ намъ основаніе заключать, что это были убогіе пѣвцы, калѣки переходящіе, какъ искони обозначалъ ихъ народъ. Въ старину слово *нищій* было синонимомъ слову пѣвецъ, ибо нищенствовать, просить мило-

стыню значило воспѣвать о милостынѣ. Иностранцы—очевидцы единогласно свидѣтельствуютъ, что нищіе, какъ увѣчные, такъ и простые колодники (тюремные сидѣльцы), всегда пѣли, когда просили милостыни. Коллинсъ при этомъ рассказываетъ, что когда царскій тесть, Илья Милославскій, былъ посланникомъ въ Голландію, то голландцы хотѣли угостить его самой лучшей инструментальной и вокальной музыкой, какая была въ Голландію и спросили потомъ, какъ она ему понравилась: „очень хороша! отвѣчалъ онъ: точно также поютъ наши нищіе, когда просятъ милостыни“. Не знаю, что именно играли ему, прибавляетъ Коллинсъ, удивляясь такому сравненію и замѣчая вообще о грубости русской музыки и русскихъ напѣвовъ. Какъ бы ни было, но старинные наши нищіе составляли особый разрядъ пѣвцовъ, отличный отъ пѣвцовъ домрачеевъ и гусельниковъ тѣмъ, что нищіе пѣли свои пѣсни только отъ божественнаго, пѣли такъ называемые духовные *стихи*, что требовалось ихъ прямымъ занятіемъ и ихъ ролью въ обществѣ. Разрядъ такихъ пѣвцовъ, конечно моложе гусельниковъ. Они появились въ одно время съ распространеніемъ Христовой Вѣры и заимствовали содержаніе своихъ пѣсней, какъ и самые напѣвы, отъ церкви; они долгое время почитались людьми церковными, даже и жили при церквахъ, такъ свазать у церковныхъ дверей, изъ которыхъ доносились къ нимъ основные мотивы ихъ пѣсеннаго творчества. Въ послѣдующее время съ усиленнымъ развитіемъ ученій Домостроя они изъ церковныхъ людей становятся людьми необходимыми въ общественной организаціи, безъ которыхъ невозможно идти путемъ спасенія; они становятся стольже надобными благочестивому обществу, какъ и самый церковный чинъ; поэтому число ихъ увеличивается неимоверно и они сидятъ, лежатъ не только у дверей храма, но и повсюду на торжищахъ, на путяхъ, особенно на перекрестныхъ мигонародныхъ мѣстахъ, каковы городскіе ворота, мосты и т. п.; они, какъ мы видѣли, живутъ въ каждомъ благочестивомъ достаточномъ домѣ, какъ всегдашніе его усердные богомольцы и вѣрныя орудія для добрыхъ богоугодныхъ и богобоязненныхъ дѣлъ. Очень естественно, что въ то время (въ половинѣ XVII вѣка), когда ученія Домостроя стремились стать на послѣднюю свою высоту, и царскій дворецъ долженъ былъ растворить свои двери для постоянного пребыванія въ немъ этихъ убогихъ пѣвцовъ, различныхъ калѣвъ переходящихъ, т. е. калѣвъ странниковъ. Благоче-

стивый царь Алексѣй Михайловичъ еще маленькимъ пятилѣтнимъ ребенкомъ слушалъ пѣсни нищихъ старцевъ, воспѣвавшихъ ему о Лазарѣ. Юношею вступивъ на престолъ, онъ строго слѣдуетъ правиламъ домостроевскаго благочинія, отмечаетъ домашнія утѣхи прежняго времени и взаимно домрачеевъ и гусельниковъ поселяетъ въ своемъ дворцѣ нищихъ съ ихъ духовными стихами.

Вотъ такія-то пѣсни и рассказы, вмѣстѣ съ историческими былинами и повѣстями, вообще пѣснопѣнія и сказанія о герояхъ дѣйствительной исторіи или о герояхъ благочестиваго подвижничества должны были теперь исключительно одни только занимать государя. Гудебные сосуды, т. е. музыкальные инструменты въ родѣ домры также были оставлены; объ нихъ вовсе не поминается въ тѣхъ расходахъ, которые шли на этихъ нищихъ. Знаемъ только, что сначала въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ они жили въ потѣшныхъ хоромахъ, и ходили за ними потѣшные сторожи. Это то и показываетъ, что своею ролью они замѣнили прежнихъ бахарей и домрачеевъ, перемѣнивъ и мирское содержаніе пѣсенъ и сказаній на церковное. Въ 1656 г. мая 13 этимъ „нищимъ, что живутъ у государя въ потѣшныхъ хоромахъ, Антипѣ съ товарищи“ выдано государева жалованья 12 р. — При царѣ Алексѣѣ въ разное время, смотря по надобности, въ потѣшныя хоромы нищимъ изготовлялись кожаныя барановыя тюфяки и подушки и носильное платье: рубашки, порты, чулки. Въ 1660 г. іюня 21 были куплены имъ двои чулки, взаимно другихъ, коихъ „они не взяли, потому, показали имъ худы“. Любопытная замѣтка объясняющая отношеніе государевыхъ нищихъ къ его дворцовому хозяйству. Обыкновенный ихъ нарядъ составляли кафтаны и рясы, теплые стамедные на овчинѣ, или холодные дорогильные, киндячныя, кумачныя, крашенинныя, вообще изъ недорогихъ матерій и большею частію *смирныхъ*, т. е. темныхъ цвѣтовъ; также овчинныя *кошули* (легкія шубы), шапки суконныя съ бобровымъ пухомъ или съ собольимъ небольшимъ околomъ; дорогильные кушаки, шелковые пояса, сафьянныя зеленые или лазоревые башмаки и простые сапоги; на рубахи, порты, простыни, платки, полотенца давался имъ холстъ, иногда полотно. Спали они на кожаныхъ тюфякахъ, набитыхъ оленью шерстью, на подушкахъ изъ гусинаго перья или изъ пуха, крытыхъ киндякомъ или кожей; покрывались одѣялами киндячными, стегаными

на хлопчатой бумагѣ, или же одѣвальными овчинными шубами. Весь такой нарядъ они получали черезъ два года въ третій, готовымъ платьемъ или матеріаломъ, а нерѣдко и деньгами. Но въ послѣдствіи, когда ихъ роль стала терять свой смыслъ и значеніе, дворцовое хозяйство стало ихъ забывать; въ 1689 г. они били челомъ, что носятъ платье уже шестой годъ, всё обносились. На разные мелкіе, необходимые для нихъ расходы, имъ также выдавались деньги изъ царской казны. Такъ, въ 1666 г. марта 22, богомольцамъ пяти человекамъ, во время ихъ говѣнья, выдано изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ по полтинѣ, чтобъ „отдать тѣ денѣги отцамъ своимъ духовнымъ отъ поновленья“, т. е. за исповѣдь. На тотъ же предметъ выдано пол-полтины и жившему при нихъ карлику Тимофею Семенову. Такая же выдача повторилась и въ 1668 г. марта 18.

При царѣ Алексѣѣ (1666—1676 г.) они получали годоваго жалованья на рубахи, порты, сапоги и на мытье бѣлья и платья по 4 р. съ полтиною, на каждого. Когда умиралъ кто либо изъ нихъ, то царь собственными деньгами очень щедрою рукою „строилъ душу“ покойнаго. Такъ въ 1665 г. мая 19 по указу государя выдано изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ, иначе изъ его кабинета, на погребеніе богомольца Давыда: за отпѣваніе архитандриту Новоспасскому 5 р., Успенскаго собора протопопу 3 р., дьякону 1½ р., 2 чернымъ священникамъ по 1½ р., 2 бѣлымъ по 1 р.; отцу духовному 2 р., 2 чернымъ дьяконамъ по 40 алт., 2 бѣлымъ по 20 алт.; уставщику пѣвчихъ Федору Коверину 1½ р.; государевымъ пѣвчимъ первой станицѣ 6 р., другой станицѣ 5 р., да которые не пѣли 2 чел. по полтинѣ. Отпѣванье происходило всегда на Троицкомъ Сергіевомъ подворьѣ, а потому дано его строителю 2 р., рядовой братьѣ, которые были на отпѣваньи, 8 чел. по 1 р., а которые небыли, 7 чел. по 10 алт. Пономарямъ, дьячкамъ и трудникамъ за копанье могилы 1 р.; на гробъ и на выносъ 3 р. Кромѣ того раздавалась милостыня на помянъ души. Такъ въ 1670 г. мая 18, по нищемъ Павлѣ Алексѣевѣ роздано колодникамъ на тюремномъ дворѣ 941 чел. и въ Земскомъ Приказѣ 54 чел. по 6 денегъ; да на Никольскомъ мосту нищимъ 5 алт., всего 30 р.

На отпѣваньи всегда присутствовалъ и самъ государь и послѣ отпѣванья раздавалъ духовенству поминальныя деньги. Верховыхъ нищихъ хоронили въ Екатерининской рошѣ (нынѣ

Екатерининская пустынь, 25 вер. отъ Москвы); на погребеніе государь жаловалъ туда 5 р.

Въ первое время, когда эти верховые нищіе имѣли еще значеніе бахарей и жили въ потѣшныхъ хоромахъ, число ихъ было невелико, кажется, не болѣе пяти человѣкъ. Вотъ ихъ имена за 1665 г.: Никифоръ Андреевъ, Мелетій Васильевъ, Иванъ Никоновъ, Евдокимъ Ивановъ, Венедиктъ Тимофеевъ. Въ 1668 г. ихъ было уже 13 человѣкъ. Вскорѣ по смерти царицы Маріи Ильичны къ тому прибавилось еще трое; въ 1670 г. ихъ числится 20; въ 1676 г. — 14 чел.: въ 1677 г. — 13 чел.; въ 1685 г. — 33 чел., а въ 1689 г. — 35 чел. — Впрочемъ, вѣрнаго, штатнаго ихъ числа мы не имѣли возможности открыть. Какія были поводы увеличивать ихъ число, намъ тоже неизвѣстно: но можно предполагать, что это дѣлалось по какимъ либо благочестивымъ соображеніямъ царской семьи. Такъ число 13 появляется въ то время, когда наследнику престола царевичу Алексѣю Алексѣевичу исполнилось 13 лѣтъ¹. Трое къ тому причислены почти въ день смерти царицы.

Съ увеличеніемъ ихъ числа, изъ нихъ уже прямо образовалось нѣчто въ родѣ придворной богадѣльни, по этому и ихъ содержаніе приведено было во всѣхъ частяхъ въ годовой штатный порядокъ. Сверхъ того имъ выстроена была даже особая баня внѣ Кремля, у Боровицкихъ воротъ. Какъ скоро это общество царскихъ бахарей получило такое благочестивое значеніе, то, конечно, въ него избирались и поступали старики уже не съ достоинствами бахаря, а по преимуществу люди убогіе. Дѣйствительно въ числѣ ихъ мы находимъ: разслабленныхъ, нѣмыхъ, глухихъ, слѣпыхъ, горбатыхъ, безрукихъ, безногихъ; такъ обозначаются они при своихъ именахъ въ видѣ прозвищъ. Между прочимъ одинъ изъ нихъ Еуфимъ безногій въ 1675 г. учился иконному письму, за что и былъ пожалованъ кафтаномъ². Другой — Полуехтъ Никифоровъ безрукій выучился

¹ Припомнимъ, что при дворѣ шотландскихъ королей въ XVI и XVII ст. тоже находились королевскіе моельщики (King's Bedesman), которые, получая отъ двора милостыню и содержаніе, должны были за то молиться о благоденствіи короля и государства. Число ихъ равнялось числу лѣтъ, прожитыхъ королемъ; поэтому каждый годъ, въ день рожденія государя, прибавлялся къ штатному, числу новый богомолецъ. Они носили пожалованные синіе плащи, отчего назывались также Синими плащами. Предисловіе къ Антикварію Вальтера Скотта.

² Книга памятная деньгамъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ подъячаго Фед. Шаповаловаго 184 г.

писать иконы устами и до сихъ поръ еще сохраняются иконы его письма, одна даже съ подписью: „лѣта 7191 сентября въ 3 день писалъ сей образъ изографъ Полиевкъ Никпоровъ, отъ рожденія рукъ немѣлъ и писалъ устами“¹.

При царѣ Ѳеодорѣ Ал. верховые богомольцы живутъ уже въ особыхъ хоромахъ подлѣ царскаго каменнаго терема. Но старое ихъ значеніе государевыхъ бахарей все еще сохранялось и въ это время, и очень вѣроятно, если не всѣ, то нѣкоторые изъ нихъ все еще потѣшали государя своими разсказами. Въ нѣкоторомъ смыслѣ потѣшное ихъ значеніе обнаруживается въ томъ, что у нихъ живутъ царскіе *дураки*; въ 1679 г. у нихъ жили дураки: Петръ, Семень² и кажется Ѳеодоръ, вывезенный тогда изъ Переяславля. Дураки, какъ извѣстно, носили оффиціальное значеніе государевыхъ потѣшниковъ.

Къ концу XVII ст. и на женской половинѣ дворца при комнатахъ царицы и царевенъ появились такія же свои нишія *верховныя богомолницы*, вдовы старухи и дѣвицы. Они жили въ поддѣлкахъ у царицы Прасковьи Ѳеодоровны, у царевны Екатерины Алексѣевны и у царевенъ *меньшихъ*, подлѣ ихъ хоромъ. Здѣсь безъ сомнѣнія онѣ исполняли должность *бахарокъ* или сазочницъ. Въ 1687 г. у царевны Екатерины Алексѣевны живутъ въ ея верхней комнатѣ богомолницы, одна старуха и семь дѣвицъ, въ томъ числѣ одна слѣпая, которымъ царевна 28 окт. сшила новыя рясы и тѣлогреби. Въ 1674 г. у царевны Марѣи Алексѣевны жила *двочка безногая*.

Намъ слѣдуетъ упомянуть еще о карликахъ. Карлы и карлицы по своему значенію принадлежали тоже къ необходимымъ

¹ Исторія Русскихъ Школъ иконописанія, г. Ровинскаго, стр. 167. Его училъ извѣстный въ свое время жалованный иконописецъ Оружейной Палаты Никита Павловецъ. Въ 1674 г. авг. 29, онъ купилъ своему ученику: 6 ставушечекъ нѣмецкихъ, 2 размѣрца нѣмецкихъ (циркули) и дубовый приголовашекъ, окованный желѣзомъ, всего на 2 р. 8 алт. Въ запискѣ при этомъ обозначено, что „по указу в. государя тѣ ставушечки и размѣрцы и приголовашекъ взялъ къ в. государю въ Верху онъ же Никита ученику своему Полиехту, котораго онъ учитъ по имманному указу въ Верху иконному своему художеству“. А. О. П.

² Въ 1679 г. ноября 6 куплены сапоги телятинные за 16 ал. 4 д. и отданы дураку Петру, который живетъ у нищихъ въ Верху. Ноября 27, дураку Семену, который живетъ у нищихъ, куплена шапка суконная съ соболемъ. Столбцы А. О. П.

членамъ дворцоваго потѣшнаго общества. Вмѣстѣ съ арапами, ихъ держали, какъ живую рѣдкость, какъ игру природы, необычайную, несообразную и потому возбуждавшую особенное любопытство, наивное подвѣленіе и ребяческій напвный смѣхъ. Подобными предметами красилось тогдашнее тщеславіе, обличавшее тѣмъ свои грубые и нечеловѣчные вкусы. Поэтому карликъ являлся всегда сопутникомъ царской и боярской жизни, т. е. вообще жизни богатой, широкой и просторной, которая въ его фигурѣ находила особую красоту для своей роскошной обстановки. И здѣсь, какъ въ отношеніи дураковъ, высказывались тѣже низменные понятія о человѣческомъ достоинствѣ, которое низводилось до степени простой повседневной частію потѣшной обстановки быта. Какъ живыя куклы, карлики, имѣя декоративное придворное значеніе, очень часто служили также и для потѣхи, вмѣстѣ съ шутами. Флетчеръ говоритъ, что царь Ѳеодоръ Ів. вечернее время до ужина проводилъ съ царицею въ увеселеніяхъ, на которыхъ шуты и карлы, мужскаго и женскаго пола, кувыркались передъ нимъ и пѣли пѣсни и это была самая любимая его забава между обѣдомъ и ужиномъ.

О томъ, что иногда бывало въ хоромѣхъ царскихъ и боярскихъхъ въ допетровской Руси, мы можемъ судить также по нѣкоторымъ чертамъ княжескаго литовско-русскаго быта, который во многомъ и долго сохранялъ культуру старинной Руси, кievской и галицкой, а слѣд. по прямому наслѣдству и московской, ибо московская бытовая культура была только наиболѣе полнымъ развитіемъ общей русскаго княжескаго культуры. Англичанинъ Горсей, при царѣ Ѳеодорѣ Ів., попалъ въ Вильнѣ на обѣдъ къ литовскому князю Христофору Радзивиллу, и описываетъ его слѣдующимъ образомъ: „обѣдъ начался при звукѣ трубъ и при рокотаніи барабановъ. Послѣ первыхъ кушаній явились *шуты* и *поэты* для увеселенія гостей; потомъ толпа разряженныхъ *карловъ* и *карлицъ* вошла въ залу, при пѣніи, сопровождаемомъ заунывными звуками свирѣлей“. Радзивиллъ сравнивалъ Горсею эту музыку съ кимвалами Давида и колокольчиками Аарона. Послѣ обѣда Горсей смотрѣлъ разныя странныя потѣхи со львами, съ медвѣдями и быками. Все это, даже кушанья, именно, сдѣланныя изъ сахарнаго тѣста подобія львовъ, еднороговъ, парящихъ орловъ, лебедей и пр. — столько же обрисовываетъ какъ литовско-русскій, такъ и московско-русскій дворцовый бытъ.

У царя Михаила Фед., еще въ первые годы царствованія мы встрѣчаемъ карлика Ивашку Григорьева, съ 1616 г.: а у матери царя, великой старицы яюки Марѣы Ив., карлицу Аѳимью, 1619 г.¹ Затѣмъ упоминаются: Васька Григорьевъ, 1622 г.; Гришка Михайловъ Ключаревъ, 1625 г.: Петрушка Хомяковъ, съ 1625 г., котораго въ 1632 г. женили Федька Игнатъевъ, 1630 г.; Филька Игнатъевъ, 1631 г.; Степанка, Стенька Наумовъ, 1631 г.; Демка Софоновъ и Сидорка, 1632 г.; Сенька, 1633 г.; Зинювка, Зинка Павловъ, 1634 г.; Ивашка Тимоѣевъ, Стенька Ивановъ, Оеонька Семеновъ, Михайка Павловъ, жившіе въ хоромахъ у царевича Алексѣя Мих., 1638—1640 г.; Ивашка Псковитинъ, карла Потѣшной Палаты, 1640 г.; быть можетъ тотъ же Тимоѣевъ: Ивашка Федотовъ, 1643 г.

Въ комнатахъ царицы Евдокьи Лук. жили карлицы: дѣвка Анютка, 1627 г.; Офушка, 1629 г.; Софья, 1630 г.; Федорка съ 1632 г.; Марѣутка, 1633 г.; Соболяка, Парашка, Анютка Быкъ, 1642—1648 г.; Манка, 1644 г. Въ комнатахъ у царевны Ирины Катъка и Палагейка, 1642 г.; у царевны Анны Мих. — Оекла, Оеколка 1648—1653 г.; у маленькой царевны Евдокьи Ал. — Акплина, Прасковья, съ 1651 г.; Аксинья, 1652 г.

При царѣ Алексѣѣ Мих. поминаются: Ивашка да Ортюшка, 1648 г.; Иванъ Федотовъ Горбунъ, 1654 г. Карлы у царевича Алексѣя Алексѣевича: Иванъ Зуевъ, 1660 г.; Тимошка Маленькій, 1661 г.; Петръ Семеновъ. 1664 г.: Карпъ Рѣткинъ, 1664 г.; Дмитрій Верхоценскій, 1668 г.; Петръ Бисеревъ, 1669 г. — У царевича Федора Ал.: Карпъ Рѣткинъ, Петръ Бисеревъ, 1672—1686 г.; Климъ Андреевъ, 1668 г.; Ивашка Юдинъ, 1671—1690 г.: Янка Ивановъ Ветчинка и Ветчинкинъ, 1671—1686 г.: Василій Хомяковъ, 1674—1686 г.; Петрушка Шимшинъ, Петръ Гавриловъ, Петрушка Клопокъ. 1674—1686 г. — У царевича Ивана Ал.: Дмитрій Верхоценскій, 1677—1690 г. — У царевича Петра Ал. съ перваго времени его возраста: Никита Гавриловъ Комаръ (умре 1690 г.), Ивашка Комаръ и Климка Комаръ: Ивашка и Емелька, Спиридонъ, Игнатій и Михайла — Кондратьевы: Васька Родіоновъ, а также и другіе изъ поименованныхъ ниже. Должно замѣтить, что эти карлики у маленькаго Петра составляли его первое потѣшное общество. Въ 1684 г.

¹ Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, обозначаются тѣ года, при которыхъ имена встрѣчаются въ документахъ.

для потѣхи имъ были сшиты нѣмецкіе кафтаны и нѣмецкіе платна. Въ 1685 г. апр. 30 карла Никита Комаръ на 5 телѣгахъ перевезъ въ село Преображенское *всякіе хоромины потѣхи и ружье*, а іюля 1 ему же Комару да Спиридону, Ивану и Игнатю Кондратьевымъ выдано по полтинѣ на починку потѣшнаго ружья или оружія.

Въ 1686 г. и позднѣе упоминаются: Антипа Ларионовъ Пятово, обозначенный даже комнатнымъ стольникомъ; Матвѣй Филипповъ, Алексѣй Ивановскій, Емельянъ Хомякъ и Хомяковъ, Романъ Васильевъ, Яковъ Ильинъ, Ермолай Мишуковъ, Михайло Щеголевъ, Никита и Спиридонъ Муратовы, Денисъ и Ѳедоръ Еремеевы, Артемій и Василій Ѳедоровы, Лука Тимоѣевъ, Никифоръ Нагаецъ и др. Вѣроятно, въ числѣ этихъ именъ, есть нѣкоторые изъ упомянутыхъ прежде.

У царицы Натальи Кир. въ 1672 г. показано карлицъ 14 челов., а въ 1673 г. 22 челов., но въ томъ же числѣ, быть можетъ, должно считать и дѣвицъ боярышенъ.

Карлики и карлицы ходили въ обыкновенномъ тогдашнемъ нарядѣ, но всегда свѣтлаго цвѣта, преимущественно лазореваго и червчатаго, также зеленаго и желтаго. Тѣ и другія носили красные или желтые сапоги. Карламъ сверхъ того иногда шли курты и епанчи и нѣмецкіе кафтаны, а вмѣсто шапокъ, арачкины — ермолки.

Въ хоромахъ особенная комнатная должность ихъ заключалась, кажется въ томъ, чтобы ходить за попугаями, а слѣдъ: исполнять и другія подобныя заботы. Когда, при царѣ Алексѣѣ, во время мора, весь дворъ выѣхалъ изъ Москвы и во дворцѣ; въ Потѣшной Палатѣ остался жить карла Ивашка, ему были отданы на сохраненіе и всѣ комнатные попугаи. Въ 1659 г. онъ рассказывалъ объ этомъ въ слѣдующей челобитной, поданной царю съ просьбою вознаградить его расходы: „бьетъ челомъ холопишко твой Ивашко карла: какъ ты, государь, пошелъ на другую службу и государыня царица пошла съ Москвы въ походъ, и мнѣ холопишку твоему выдали отъ г. царицы изъ хоромахъ четырехъ попугаевъ, а пятаго стараго; и азъ тѣхъ попугаевъ кормилъ; а про то мое терпѣніе и кормленіе твоихъ государевыхъ птицъ вѣдомо истопнику Александру Боркову, потому, государь, что онъ Александръ меня на всякъ день навѣщалъ и твоихъ государевыхъ птицъ осматривалъ и о птицахъ мнѣ приказывалъ, велѣлъ кормить; и я въ 20 недѣль

скормилъ, покупаячи съ торгу, 8 ф. миндаальныхъ ядеръ; да имъ же на всякъ день покупалъ колачей по двѣ денги и самъ, съ торгужъ покупаячи, ѣлъ, потому, государь, что мнѣ съ *Низу* тогда съ Хлѣбннаго и съ Кормоваго дворца твоего государева корму указнаго не было; а кормъ птицамъ и мнѣ покупалъ Дементей сторожъ, что у тебя, государя въ комнату пожаловалъ; а 20 недѣль и до вашего государскаго пришествія кормилъ (я) тѣхъ попугаевъ и отдалъ здравыхъ. Милосердый государь (титულъ) пожалуй меня холопишка своего своимъ государевымъ жалованіемъ за птичей кормъ и за мое терпѣніе, какъ тебѣ в. г. обо мнѣ убогомъ Богъ извѣститъ. Царь государь смилуйся! *помыта*: 167 г. марта 31 государева жалованья дать ему въ приказъ 10 руб.; приказалъ записать и денги дать стряпчей съ ключемъ Фед. Алекс. Полтевъ.

Вмѣстѣ съ карликами, такое же потѣшное и декоративное придворное значеніе имѣли *арапы*. У царя Михаила, еще въ молодыхъ его лѣтахъ, въ 1614 г., жилъ, вмѣстѣ съ дуракомъ Мосягою, *арапъ Мурамка*, которому генв. 12 были куплены за 9 алт. какіе то особые сапоги *притачки*. Въ 1616 г. упоминается другой арапокъ Давыдка Салтановъ, которому іюля 5 государь пожаловалъ однорядку червчатую съ мишурнымъ круживомъ и образцами и съ завязками, а въ 1618 г. февр. 8, такую-же однорядку и аракинъ бархатный (ермолку). У царицы Евдокѣи жила въ 1630 г. арапка Степанида, которая потомъ отдана была въ Свѣтлицу въ ученицы, вѣроятно по достиженіи возраста. Въ 1632 г. въ ноябрѣ былъ крещенъ въ православную вѣру арапъ Берекеть; поступилъ ли онъ потомъ во дворецъ, неизвѣстно. Въ 1668 г. у царя Алексѣя живетъ арапъ Савелій, который тогда былъ отданъ учиться грамотѣ подьячему Земскаго Приказа Василью Коверину. Черезъ годъ подьячій, прося награды за ученье, писалъ въ своей челобитной государю, что „онъ Савелій часовникъ и псалтырь у него выучилъ, и выучась, давно отшелъ, а за ученье ничего не давано“. Упомянемъ также, что при Петрѣ, во дворцѣ находились три арапа: Томось, Свѣкъ, Аврамъ.

Подъ стать арапамъ и арапкамъ нерѣдко являлись при дворѣ маленькіе *калмыченки* и *калмычки*, обыкновенно привозимые плѣномъ. Послѣднія, какъ мы говорили, окрещенныя въ православную вѣру, воспитывались до возраста въ хоромахъ царицы, потомъ обучались рукодѣлю въ царицыной Свѣтлицѣ и выда-

вались изъ дворца замужъ. На государевой половинѣ, особенно при комнатахъ царевичей воспитывались тогоже рода мальчики: у царя Ѳедора Ал., въ 1679 г., жили два калмыченка, Петрушка Аверкиевъ и Ромашка Васильевъ.

Другія дворцовыя увеселенія, которыя не входили въ кругъ увеселеній Потѣшной Палаты, заключались въ разныхъ зрѣлищахъ. Изъ нихъ первое, самое старое и обычное — была *медвѣжья потѣха*. Если дуракъ былъ необходимымъ и самымъ обычнымъ предметомъ домашней утѣхи, то въ такой же мѣрѣ необходимымъ и самымъ обычнымъ предметомъ общественной утѣхи былъ медвѣдь. Онъ, выученый и нашколенный различными людскимъ ухваткамъ и людскому поведенію, бродилъ съ своимъ поводырями по всей русской землѣ, изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, потѣшая и забавляя добрыхъ людей каррикатурнымъ, а отчасти и сатирическимъ представленіемъ ихъ же нравовъ и обычаевъ. Во дворцѣ, конечно, собиралось все самое замысловатое и самое искусное въ этомъ родѣ. Мы упоминали, что при царѣ Иванѣ Грозномъ, медвѣди на государеву потѣху отыскивались по всѣмъ областямъ и лучшіе отбирались, разумѣется, силою въ силу царскаго указа. Это, однако, не было исключительнымъ дѣломъ грознаго владыки; это было простымъ обычаемъ царскаго Двора, вмѣстѣ со многими другими такими же обычными порядками царской жизни, которые иногда, какъ особыя исключительныя краски, идутъ не совсѣмъ справедливо на изображеніе только личности Грознаго. Есть грамота о томъ же (1619 г.) молодого царя Михаила, только вступившаго на престолъ. Успокоивая и устроивая разшатавшееся и разоренное царство, молодой государь немало заботился и объ устройствѣ своей дворцовой жизни, разумѣется, по старымъ уставамъ и порядкамъ. Такимъ образомъ не была забыта и медвѣжья потѣха. Чтобъ собрать вновь для этой потѣхи медвѣдей и собакъ, государь послалъ на сѣверъ, въ медвѣжью сторону, слѣдующую грамоту: Отъ царя и в. к. Михаила Федоровича всеа русіи въ Галичь губному старостѣ Петру Перелешину. По нашему указу посланы съ Москвы въ Галичь и въ Галитцкіе пригороды на Чюхлomu, къ Солнгалитцкой,

въ Судай, на Унжу, въ Кологривъ, въ Парфеньевъ ¹, и тѣхъ городовъ въ уѣзды ловчево пути охотники Богданъ Опочининъ да Наумъ Усовъ да конные псарь Петръ Молчановъ, Олферъ Воракинъ, Костянтинъ Олтуфьевъ, въ наши дворцовыя села и въ княженецкіе и въ дворянскіе, и дѣтей боярскихъ и всякихъ людей въ помѣстья и въ вотчины, и въ патриарши и въ митрополичь и во владычьи и въ монастырскіе вотчины; и въ тѣ волости, которые вѣдаютъ на обиходъ матери наше государыни великой старицы иноки Марфы Ивановны; а вельно имъ въ Галичѣ и въ галицкихъ пригородѣхъ, на осадѣ и въ уѣздахъ и у всякихъ людей имать на нашу псарню собаки борзые и гончіе и меделянскіе и медвѣди. И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ, а ловчего пути охотники Богданъ Опочининъ съ товарищи въ Галичъ и въ галицкіе пригороды прїѣдетъ и вы имъ давали (бы) на ослушниковъ стрѣлцовъ и пушкарей и рассыльщиковъ, сколько человекъ пригожь; и кормъ тѣмъ собакамъ и медвѣдемъ и провожатыхъ, и подъ медвѣди и подъ меделянскіе собаки подводы, вѣляли давать отъ города до города, и кормъ собакамъ и медвѣдямъ вѣляли давать, чѣмъ имъ мочно сытымъ быть, отъ города до городажъ; а поводчиковъ за медвѣди, гдѣ возмутъ медвѣди, вѣляли давать до Москвы. А прочетъ сю нашу грамоту и списавъ съ нее противень слово въ слово, оставливалибъ есте у себя; а сю нашу грамоту отсылалибъ есте въ галицкіе пригороды къ приказнымъ людямъ. Писанъ на Москвѣ лѣта 7127 года марта въ 14 день.

Такъ собиралось по всей землѣ все, что только надобилось для государева двора, такъ собирались всякіе художники (напр. иконописцы), ремесленники и разные искусные мастера, когда ихъ искусство и работа требовалась для государева обихода. Государь былъ вотчинникомъ своей земли и потому, какъ вотчинникъ-помѣщикъ, почиталъ своею собственностью всякій надобный ему предметъ.

Въ Москвѣ для медвѣжьей, какъ и вообще для звѣриной потѣхи и охоты былъ устроенъ обширный псаренный дворъ, гдѣ

¹ На Чухлому Пятому Свиныну, къ Солигалицкой городовому приказнику Федору Мичурину, въ Парфеньевъ Семену Дмитріевичу Опухтину, на Унжу Ивану Яковлевичу Блохину, въ Судай да въ Кологривъ суднымъ цѣловальникамъ.

кромѣ медвѣдей содержались и другіе звѣри и разнаго рода охотничьи собаки. Медвѣди, постоянно жившіе во дворѣ, вѣроятно ученые, назывались *дворными*; другіе были *юнкіе*, также *сступные*, *спускные* и наконецъ *дикіе*, которыхъ поставляли на потѣху прямо изъ лѣсу. Зимой 1664 г. привезены были изъ Мезени даже и *бѣлые* медвѣди. Медвѣжья потѣха была разнообразна, но вся она распредѣлялась собственно на три статьи: медвѣжья травля, медвѣжий бой и медвѣжья комедія, если правильно будетъ такъ назвать медвѣжьи представленія съ поводчиками, т. е. съ неизмѣнною его сопутницею ряженою бозою. Должно полагать, что всѣ эти три статьи входили въ составъ, вѣждаго зрѣлища медвѣжьей потѣхи, которое могло начинаться комедіею или драмою—травлею и оканчиваться трагедіею—боемъ или единоборствомъ. Во всякомъ случаѣ это былъ довольно разнообразный и очень занимательный спектакль для тогдашняго общества, вполне замѣнявшій ему наши театральныя зрѣлища. Медвѣжьи увеселенія давались обыкновенно въ Кремлѣ *на дворѣ*, т. е. гдѣ либо на нижнемъ подъ горою или на заднемъ государевомъ дворѣ, на особо устроенномъ для того мѣстѣ. Въ XVII ст. нерѣдко они давались и на старомъ Цареборисовскомъ дворѣ, близъ палатъ патриарха. Иногда государь тѣшился на псаренномъ дворѣ на старомъ Ваганьковѣ, гдѣ теперь публичный Музей и на Новомъ Ваганьковѣ, на Трехъ Горахъ. Кромѣ того эта потѣха справлялась временемъ и въ загородныхъ дворцахъ, при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ довольно часто въ Покровскомъ Рубцовѣ, въ Хорошовѣ, въ Танинскомъ. На масляной недѣлѣ эта государева потѣха устраивалась обыкновенно на Москвѣ рѣкѣ для всенароднаго зрѣлища и увеселенія. Такъ въ 1675 г. февр. 13 былъ указъ ловчему Матюшкину „со всею потѣхою быть готову, противъ прежняго, на Москвѣ рѣкѣ съ медвѣди съ гонцами и которыхъ колоть рогатинами и съ вилами ходить охотникамъ и псарямъ; и съ волки и съ лисицы и съ собаки борзыми и съ меделянскими; а указано ему быть готову послѣ ранняго кушанья совсѣмъ и ждать его великаго государя указу“. Потѣхи однакожъ въ то число почему-то не было. По разсказу Рейтенфельса однажды въ субботу на масляницѣ на Москвѣ рѣкѣ на льду была травля бѣлыхъ самоѣдскихъ медвѣдей британами и другиму собаками страшныхъ породъ. Эта сцена порядочно позабавила, потому что и медвѣди и собаки не могли крѣпко держаться на ногахъ и скользили по льду“. Во

дворцъ медвѣжій спектакль давался во всякое время года, но, разумѣется, чаще осенью и зимою, чѣмъ лѣтомъ, и при томъ здѣсь представлялись только комедіи и трагедіи, травля же происходила чаще всего на царномъ дворѣ и только по праздникамъ.

Въ 1585 г. февр. 20 у царя Федора Ивановича такая комедія началась тѣмъ, что нѣкій Федоръ Пучокъ Молвениновъ привелъ на потѣхъ государю „медвѣдя съ хлѣбомъ да съ солью въ саадакъ“, т. е. вооруженнаго лукомъ и стрѣлами; и потомъ „спущалъ“ своего ученаго медвѣдя на бой съ дикимъ медвѣдемъ. Спектакль вѣроятно очень полюбился государю, потому что поводчикъ получилъ довольно значительную награду: камку добрую въ 5 р., зуфъ костоманскую въ 3 р., сукно доброе въ 2 р.; да человекъ его получилъ суконце въ 4 гривны¹. Извѣстно, что медвѣдники — поводчики забавляли публику и своими присказами и приговорками, которыя объясняли медвѣжьи дѣйства и служили какъ бы текстомъ къ этому медвѣжьему балету. Вѣрно и здѣсь старинный шутливый пролическій умъ русскаго человека не ходилъ въ карманъ за словомъ, и беззащитливо и остроумно выставлялъ всякія смѣшныя стороны тогдашней жизни. О томъ, что когда-то представляли ученые медвѣди, мы можемъ составить понятіе изъ одного газетнаго объявленія, относящагося къ половинѣ XVIII ст. Оно тѣмъ болѣе теперь любопытно, что медвѣдники по распоряженію правительства вмѣстѣ съ послѣдними учеными медвѣдями должны скоро совсѣмъ исчезнуть изъ деревенскаго общества. Въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1771 г. отъ 8 іюля было напечатано: *Для извѣстія*: Города Курмыша Нижегородской губерніи крестьяне привели въ здѣшней городъ двухъ большихъ медвѣдей, а особливо одного отъменной величины, которыхъ они искусствомъ своимъ сдѣлали столь ручными и послушными, что многія вещи, къ немалому удивленію зрителей, по ихъ приказанію исполняютъ, а именно: 1) вставши на дыбы присутствующимъ въ землю кланяются, и до тѣхъ поръ не встаютъ, пока имъ приказано не будетъ; 2) показываютъ, какъ хвѣль вьется; 3) на заднихъ ногахъ танцуютъ; 4) подражаютъ судьямъ, какъ они сидятъ за судейскимъ столомъ;

¹ Дополн. къ Актамъ Истор. I, № 131. Обыкновенная награда даже за медвѣжій бой, т. е. за то, что бойца медвѣдь възъ или ободралъ, — бывала въ это время — сукно доброе цѣною въ 2 рубли.

5) натягиваютъ и стрѣляютъ, употребляя палку, будто бы изъ лука; 6) борются; 7) вставши на заднія ноги и воткнувши между оныхъ палку вѣдятъ такъ, какъ малые робята; 8) берутъ палку на плечо, и съ оною маршируютъ, подражая учащимся ружьемъ солдатамъ; 9) задними ногами перебрасываются черезъ цѣпь; 10) ходятъ какъ карлы и престарѣлая, и какъ хромяя ногу таскаютъ; 11) какъ леженка безъ рукъ и безъ ногъ лежитъ и одну голову показываетъ; 12) какъ сельскіѣ дѣвки смотрятся въ зеркало и прикрываются отъ своихъ жениховъ; 13) какъ малыя робята горохъ крадутъ и ползаютъ, гдѣ сухо, на брюхѣ, а гдѣ мокро, на колѣняхъ, выкравши же валяются; 14) показываетъ, какъ мать дѣтей родныхъ холить, и какъ мачиха пасынковъ убираетъ; 15) какъ жена милова мужа приголубливаетъ; 16) порохъ изъ глазу вычищаютъ съ удивительною бережливостію; 17) съ небольшою осторожностію и табакъ у хозяина изъ за губы вынимаютъ; 18) какъ теща зятя подчивала, блины пекла и угорѣвши повалилась; 19) допускаютъ каждого на себя садиться и вѣдятъ безъ малѣйшаго супротивленія; 20) кто похочетъ, подають тотчасъ лапу; 21) подають шляпу хозяину, и барабанъ, когда козой играетъ; 22) кто поднесетъ пиво или вино съ учтивостію принимаютъ и выпивши посуду назадъ отдавая кланяются. Хозяинъ при каждомъ изъ выше помянутыхъ дѣйствій сказываетъ замысловатыя и смѣшныя приговорки, которыя тѣмъ пріятнѣе, чѣмъ больше сельской простоты въ себѣ заключаютъ. Не столько бы вещь сія была смотрѣнія достойна, ежелибъ сія дикіе и въ прочемъ необуздаемые звѣри были лишены тѣхъ природныхъ своихъ орудій. коими они людямъ страхъ и вредъ наносятъ; напротиву того не обрублены у нихъ лапы, также и зубы не выбиты, какъ то обыкновенно при таковыхъ случаяхъ бываетъ. Все вышепомянутое показывано быть имѣетъ въ праздничные дни въ карусельномъ мѣстѣ противу церкви Николая чудотворца по полудни въ 6 часу. Первые мѣста по 25 коп., вторыя по 15 коп., а послѣднія по 5 коп. съ человѣка. Смотрители впускаемы будутъ за заплату наличныхъ денегъ“.

Для насъ неоднѣнно были бы дороги исполненныя сельской простоты эти замысловатыя и смѣшныя приговорки, еслибъ онѣ дошли къ намъ прямо отъ того медвѣди въ саадакъ, которымъ потѣшался царь Ѳедоръ Ивановичъ. Но что говорить о старинѣ, когда и современный намъ медвѣдь, сохраняющій

еще довольно стараго, скоро совсѣмъ уйдетъ со сцены, никому не рассказавши своей любопытной исторіи.

Медвѣжій бой представлялъ также самое обычное зрѣлище во дворцѣ, которое такъ и называлось *дворцовой потѣхою* и устраивалось, конечно, не исключительно для одного только государя, или для одного мужскаго чина, но вѣроятно и для всѣхъ любопытныхъ и изъ женскаго чина. На этомъ зрѣлищѣ бывали даже малолѣтныя дѣти; напр. въ 1634 г., въ субботу на масляницѣ пѣшій царь Герасимъ Степановъ тѣшилъ пятилѣтняго царевича Алексѣя Мих. дворовыми медвѣдами и на той потѣхѣ медвѣди на немъ царѣ кафтанъ пзодрали. Это зрѣлище было самымъ любимымъ и у самаго добраго и богомольнаго царя Федора Ивановича. Именно по поводу его потѣхъ Флетчеръ описываетъ подробно и это зрѣлище... „Бой съ медвѣдемъ, говоритъ онъ, происходитъ слѣдующимъ образомъ: въ кругъ, обнесенный стѣною, ставятъ человѣка, который долженъ возиться съ медвѣдемъ какъ умѣетъ, потому что бѣжать некуда. Когда спустятъ медвѣда, то онъ прямо идетъ на своего противника съ отверстою пастью. Если человѣкъ съ перваго раза дастъ промахъ и подпуститъ къ себѣ медвѣда, то подвергается большой опасности; но какъ дикій медвѣдъ весьма свирѣпъ, то это свойство даетъ перевѣсъ надъ нимъ охотнику. Нападая на человѣка медвѣдъ поднимается обыкновенно на заднія лапы и идетъ къ нему съ ревомъ и разинutoю пастью. Въ это время если охотникъ успѣетъ всадить ему рогатину въ грудь между двумя передними лапами (въ чемъ, обыкновенно, успѣваетъ) и утвердить другой конецъ ея у ноги такъ, чтобы держать его по направленію къ рылу медвѣда, то, обыкновенно, съ одного разу спшибаетъ его. Но часто случается, что охотникъ даетъ промахъ и тогда лютый звѣрь или убиваетъ или раздираетъ его зубами и когтями на части. Если охотникъ хорошо выдержитъ бой съ медвѣдемъ, его ведутъ къ царскому погребу, гдѣ онъ напивается до пьяна въ честь государя, и въ этомъ вся его награда за то, что онъ жертвовалъ жизнію для потѣхи царской“. Напротивъ, мы имѣемъ официальные свидетельства отъ того же времени, что бойцы всегда получали въ награду портище хорошаго сукна на кафтанъ, цѣною въ 2 р.; это было обычнымъ государевымъ жалованьемъ за такую потѣху не только въ XVI, но и въ теченіи всего XVII ст. Въ особенныхъ случаяхъ бойцы получали и большую награду. Разумѣется и

эта награда по нашимъ понятіямъ не соответствуетъ подвигу. Но должно замѣтить, что подвигъ ходить одному на дикаго медвѣдя въ то время едвали почтался дѣломъ необычайнымъ, рѣдкимъ; судя по множеству такихъ случаевъ, на одной только царской потѣхѣ, онъ былъ простымъ рядовымъ явленіемъ охотничьей жизни, а потому и цѣнился въ мѣру своей такъ сказать повседневной цѣнности. Большею частью бойцы принадлежали къ дворцовому же государеву чину и состояли въ вѣдомствѣ конюшеннаго двора при „Ловчемъ пути“ или при царской охотѣ. Это были псовники, конные и пѣшіе псаря и собственно *охотники*, или ловцы звѣрей — первые люди Ловчаго пути. Изъ нихъ при царѣ Михаилѣ особенно знаменитъ былъ пѣшій псарь Кондратій Корчминъ. Въ 1616 г. въ ноябрѣ на большой потѣхѣ на дворцѣ вмѣстѣ съ семью товарищами, такими же псарями, на немъ медвѣди изодрали зпунъ; а въ декабрѣ на потѣхѣ его медвѣдь измялъ и платье на немъ ободралъ. Черезъ годъ, 1618 г. въ январѣ, онъ опять потѣшалъ царя медвѣжьимъ боемъ; въ февралѣ 1620 г. опять на потѣхѣ бился съ медвѣдемъ. Въ томъ же году сентября 11-го вмѣстѣ съ товарищемъ, тоже псаремъ, Сенькою Омельяновымъ, тѣшилъ государя на Старомъ Царевѣборисовѣ дворѣ дворными медвѣди-гонцами. На этой потѣхѣ медвѣдь ему изъялъ руку, а товарищу его Сенькѣ изъялъ голову. Въ январѣ слѣдующаго 1621 г. онъ снова на потѣхѣ съ четырьмя товарищами — псарями; всѣ онъ бились съ дикими медвѣдими вилами. Въ февралѣ тогоже года, на мясной недѣлѣ въ среду, какъ государь тѣшился гончими и дикими медвѣди, былъ на потѣхѣ и Корчминъ въ девятеромъ съ товарищами; медвѣди драли на нихъ кафтаны. Въ 1622 г. февр. 28, на масляной недѣлѣ въ четверкъ, Корчминъ опять съ братомъ Иваномъ и тремя товарищами псарями былъ на потѣхѣ, бился съ дикими медвѣди вилами. Въ іюнѣ 1625 г. онъ тѣшилъ царя тоюже потѣхою въ селѣ Рубцовѣ. Въ ноябрѣ 1626 г. бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами и медвѣдя вилами поставилъ, да онъ же въ селѣ Рубцовѣ предъ государемъ на потѣхѣ медвѣдя убилъ рогатиною, за что и получилъ награду съ прибавкою, 5 арш. тафты и 4 арш. сукна. Такимъ образомъ Корчминъ увеселяетъ государя, т. е. ходитъ на медвѣдя въ теченіи десяти лѣтъ, а быть можетъ и больше, ибо мы не имѣемъ полныхъ погодныхъ записокъ объ этой потѣхѣ.

Другой герой медвѣжьей потѣхи, конный псарь Алексѣй Меркульевъ, ходитъ на медвѣдя въ продолженіи двадцати лѣтъ слишкомъ. Въ 1631 г. въ ноябрѣ онъ получаетъ обычное жалованье, портище сукна въ 2 р., за то что на потѣхѣ его медвѣдь дралъ. Въ 1632 г. февраля 9, на потѣхѣ онъ бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами добро, какъ и товарищъ его Петръ Молчановъ. Въ 1635 г. въ ноябрѣ самъ-четверть съ товарищами онъ опять бился съ дикими медвѣдями добро, въ селѣ Рубцовѣ. Въ 1636 г. февр. 28, на масляницѣ на дворцѣ опять въ двоємъ съ товарищемъ бился вилами добро. Въ 1646 г. вмѣстѣ съ другими онъ бился на медвѣжьей потѣхѣ въ с. Павловскомъ и въ с. Покровскомъ. Въ февралѣ 1648 г. онъ со многими другими бился съ дикими медвѣдями на Псареннымъ дворѣ. Затѣмъ упоминается въ чину псарей въ 1631 г. Въ это время онъ названъ уже охотникомъ. Третій псарь Петръ Молчановъ стѣивалъ на потѣхѣ больше тридцати лѣтъ 1620—1651 г., четвертый Осипъ Молчановъ около 25 лѣтъ.

Не поразу также хаживали на медвѣдя на государевой потѣхѣ и многіе другіе товарищи Корчмина, Меркульева и Молчановыхъ, напр. Сенька Омельяновъ, 1620—1626 г.; Ивашка Санинъ, 1620—1626 г.; Аѳонасій Дмитріевъ, 1616—1620 г.; Олферъ Варакинъ 1620; Марко Юрьевъ, 1621—1627 г.; Степанъ Ябединъ, который въ февралѣ 1620 и 1621 г. передъ государемъ кололѣ дикаго медвѣдя рогатиною, а въ 1622 г. декабря 31 на потѣхѣ медвѣдь изодралъ на немъ платье; охотникъ Еремей Теряевъ, 1646—1650 г.; Семень Головцынъ 1646—1648 г.; Тимофей Невѣровъ въ 1649 г. и т. д.

Все это показываетъ, что служители царскаго *Ловчаго пути*, охотники, псаря, псовники едвали не всѣ были истыми героями медвѣжьяго поля, и почитали для себя весьма обычнымъ дѣломъ выходить по надобности и на государеву потѣху. Изъ нѣкоторыхъ указаній видно, что подвигъ медвѣжьяго поля становился достояніемъ цѣлаго рода; таковы были псаря Молчановы при царѣ Михаилѣ, упомянутые выше Петръ и Осипъ, послѣдній если не сынъ, то вѣроятно, братъ перваго, передашіе въ наслѣдство свою силу и отвагу и своимъ дѣтямъ, изъ которыхъ при царѣ Алексѣѣ были извѣстны сыновья Осипа, Матвѣй да Иванъ, 1646—1651 г.; также Михайло, Любимъ, Фадей, тоже родичи, если не дѣти первыхъ. Славна была и семья Озорныхъ: отецъ Богданъ Озорной потѣшалъ царя Миха-

ила, съ 1621 г., а сыновья Никифоръ и Яковъ царя Алексѣя, съ 1647, и т. п. Нерѣдко сыновья ходили на бой за одно съ отцами. Такъ въ 1646 г. человекъ боярина Б. И. Морозова, Иванъ Брылкинъ съ сыномъ Аеонаською имались съ медвѣдемъ въ селѣ Павловскомъ 31 генв.; потомъ блись съ медвѣдемъ въ генварѣ 1648 г.

Это свидѣтельство указываетъ также, что на дворцовую потѣху вызывались или призывались иной разъ охотники и изъ другихъ сословій или чиновъ. Въ декабрь 1614 г. царя потѣшали трое стрѣльцовъ, въ томъ числѣ Семыка Ѳедоровъ; у нихъ на потѣхѣ медвѣдь изодралъ кафтаны. Въ мартѣ 1618 г. на потѣхѣ драгъ медвѣдь задворнаго конюха Ив. Столешникова. Въ 1615—1619 г. въ царскихъ потѣхахъ участвовалъ человекъ боярина Ѳ. И. Мстиславскаго, Матвѣй Паховъ, поставлявшій на государеву псарню къ потѣхѣ дивихъ медвѣдей. Въ ноябрѣ 1627 г. въ Тонинскомъ на потѣхѣ медвѣдь драгъ истопника Илью Севрюкова. Въ 1622 г. генв. 2, на потѣхѣ на дворцѣ постельный сторожъ Петрушка Мекотинъ передъ государемъ дворныхъ медвѣдей дразнилъ и съ дикимъ медвѣдемъ бился вилами и его дикій медвѣдь ѣлъ. Въ 1626 г. на святкахъ и въ 1627 г. на масляницѣ тотъ же Мекотинъ выходилъ на бой вилами съ дикими же медвѣдями и въ оба раза остался невредимъ. Въ 1623 г. февр. 18, на масляницѣ во вторникъ на дворцѣ на государевѣ потѣхѣ бился съ дикимъ медвѣдемъ, Канинскіе земли Самоѣдинъ Семейка. Въ октябрѣ 1626 г. бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами постельный истопникъ Панка Гигишвинъ въ селѣ Покровскомъ. Въ 1628, въ субботу на масляницѣ на государевой потѣхѣ на дворцѣ тѣшилъ государя, бился съ дикимъ медвѣдемъ князь Иванъ Гундуоровъ, за что и получилъ 9 арш. камки адамант лазоревой (на 2 р. 75 к.). Въ октябрѣ 1631 г. въ Покровскомъ на потѣхѣ гончій медвѣдь драгъ подключника Тимофея Ѳедотьева. Тогда же и тамъ же тѣшилъ государя и человекъ боярина кн. И. Б. Черкаскаго Андр. Слѣпой, которому выдано въ награду по 4 арш, тафты и сукна, всего на 8 р., тогда какъ обыкновенная награда бывала въ 2 р. Быть можетъ онъ не прозвищемъ только, а на самомъ дѣлѣ былъ слѣпой, тогда потѣха, конечно представляла еще больше занимательнаго. Въ томъ же октябрѣ стряпчій конюхъ Степанъ Карповъ тѣшилъ государя въ селѣ Тонинскомъ, билъ въ барабанъ и медвѣди дразнилъ и медвѣдь его драгъ.

Въ февраль 1632 г. на потѣхъ медвѣдь дралъ сына болгарскаго Галиченина Федора Сытна, который получилъ за потѣху сукно на однорядку, дороги глянскія на фезези, да на кафтанъ и на приклады къ платью деньгами 5½ р. всего на весь нарядъ 14 р. Въ томъ же году на масляной медвѣдь дралъ на потѣхъ *жилица* Бориса Ушакова, которому дано на платье больше 6 р. Въ ноябрь 1634 г. потѣшалъ государя ивоземець птичій стрѣлокъ Исакъ Быковской — какъ государь тѣшился медвѣдемъ гонцомъ и его Исаа медвѣдь изломалъ и платье на немъ изодралъ. Въ декабрь въ селѣ Рубцовѣ бился съ дикимъ медвѣдемъ вилами человекъ б. кн. Б. И. Черкаскаго Гаврила Жуковъ. — Въ январь 1636 г. на дворцѣ бился съ медвѣдемъ стрѣлецъ Гавр. Савельевъ, и медвѣдь его дралъ и кафтанъ изодралъ и голову испробилъ. — Въ ноябрь того же года въ селѣ Покровскомъ бился черкашеничъ (малоросецъ) Лукашъ Григорьевъ и медвѣдь гонецъ изодралъ на немъ зипунъ да помялъ руку. — Въ маѣ 1637 г. *жилицъ* Алексѣй Зеленой въ селѣ Рубцовѣ боролся съ дворнымъ медвѣдемъ и получилъ за то 4 арш. сукна на 4 р., да на шапку 2 р. Въ сентябрь 1641 г. упомянутый выше конюхъ Степанъ Карповъ снова тѣшилъ государя въ селѣ Коломенскомъ медвѣдями гонцами, передъ тѣмъ медвѣди бѣгали, и платье на немъ однорядку и штаны медвѣди изодрали. Конечно, то былъ счастливый бой, когда оканчивался только драньемъ платья; но иногда, какъ мы и выше видѣли, бойцы подвергались разнымъ увѣчьямъ, что обыкновенно обозначалось: медвѣдь его ѣлъ. Такъ въ январь 1619 г. дикій медвѣдь ѣлъ коннаго псаля Петрушку, прозвище Горностай. Въ январь же 1626 г. былъ изувѣченъ охотникъ Алексѣй Титовъ — на дворцѣ дикой медвѣдь ѣлъ его за голову и зубы выломалъ. Въ декабрь 1636 г. въ с. Рубцовѣ медвѣдь гонецъ изломалъ псовника Вас. Усова и платье на немъ ободралъ.

Изъ этого перечня медвѣжьихъ боевъ видимъ, что ихъ героями нерѣдко бывали жильцы, т. е. люди среднего дворянства, не говоря уже о дѣтяхъ боярскихъ, подлючникахъ и другихъ придворныхъ чиновникахъ, принадлежавшихъ къ дворянству мелкой сошки.

Была еще потѣха львиная. Мы видѣли, что львы были привезены въ Москву еще при царѣ Федорѣ Ив. Быть можетъ съ того времени устроенъ и особый львиный дворъ, находившійся у Китайгородской стѣны, гдѣ теперь губерскія присут-

ственные мѣста. Можно догадываться, что такъ называемая *Яма* (долговая тюрьма) есть именно старое помѣщеніе львовъ или старинный львиный дворъ. При царѣ Михаилѣ въ 1619 году (февр. 8) какой то рязанецъ Гришка Ивановъ вышелъ къ государю съ звѣремъ со львомъ изъ Кизылбашъ, т. е. изъ Персіи; онъ или самъ его привезъ или только сопутствовалъ привезенному оттуда льву, неизвѣстно. Этому льву ноября 3 отпущено на ошейникъ 4½ арш. зеленыхъ суконныхъ покроей. Одно смотрѣнье на такого рѣдкаго звѣря уже доставляло не малую потѣху для государя и его семейства, какъ и для всего общества Москвы. Но левъ участвовалъ иногда и на обыкновенной медвѣжьей потѣхѣ. Въ 1648 г. февр. 29 на государевой потѣхѣ на псаренномъ дворѣ былъ со львомъ звѣремъ ловчаго пути звѣровщикъ Сила Зердаловъ, и на той потѣхѣ дикой медвѣдь на немъ однорядку изодралъ.

При царѣ Михаилѣ въ Москвѣ появилась и другая рѣдкая потѣха—приведены были слоны. Въ 1625 г. іюня 12 въ селѣ Рубцовѣ—Покровскомъ тѣшили государя на слонѣхъ слоновщики Чанъ Ивранмовъ и Фотуль Мамутовъ. Въ 1626 г. окт. 31 вѣроятно тотъ же слоновщикъ арапъ Тчанъ и въ томъ же селѣ опять тѣшилъ государя слонѣмъ.

Съ сѣвера нерѣдко самоѣды пригоняли въ Москву оленей, которые также потѣшали царское семейство. Въ 1617 г. олени были пригнаны изъ Кольскаго острогу; въ 1620 г. съ оленями пріѣхала изъ Кольскаго же острогу Канинская и Тиунская Самоѣды; въ 1643 г. дек. 16 съ живыми оленями пріѣзжалъ Мезенскій самоѣдинъ Вакъ Пургинъ. Можно полагать, что пригонъ оленей былъ чѣмъ-то въ родѣ обычной дани, или обычныхъ даровъ государю отъ самоѣдскаго населенія. Въ 1666 г. самоѣды, которые были присланы съ Кевроли и съ Мезени съ государевыми оленями, Тренка Иншинъ, Былка Марчиковъ, Ядовкъ Соболковъ, Обленисковъ Нодекирповъ, Якунка Облесовъ, на сырной недѣлѣ по указу в. государя ѣздили на оленяхъ на дворцѣ.

Упомянемъ о нѣкоторыхъ особенныхъ зрѣлищахъ, какія изрѣдка служили также увеселеніемъ для государева семейства. Въ 1633 г. іюля 18 поручикъ Анцъ Зандерсонъ и золотого дѣла мастеръ Яковъ Гастъ тѣшили государя на дворцѣ долгою пиною да прапоромъ и шпагами *поединкомъ*, за что были хорошо награждены, первый, вѣроятно побѣдитель, получилъ 10 арш. ками и сорокъ соболей; второй сорокъ соболей.

Въ 1634 г. осенью (ноября 23) стрѣлецъ Петрушка Иване-городецъ тѣшилъ государя въ селѣ Рубцовѣ, носилъ на зубахъ бревно. Въ 1645 г. марта 28 царицынъ свѣной сторожъ Микулка Остафьевъ тѣшилъ государя и царевича, — бился съ дуракомъ Исаемъ, за что по приказу царевича (Алексѣя Мих.) ему выдано 4 арш. сукна въ 2 р.

Наконецъ при царѣ Алексѣѣ во дворцѣ явились зрѣлища театральныя. Изгоняя отовсюду скомороховъ и скоморошество, это наше родное или на своей родной почвѣ выращенное произведеніе народной веселости, изгоняя кощунныя смѣхи и разныя глумотворные спектакли этихъ веселыхъ людей, наша старина, противъ всякаго чаянія со стороны древнихъ домостроровъ, совсѣмъ неожиданно попала на комидійное дѣйство, въ сонмъ такого же глумотворенія, только иначе, по царски, устроеннаго, притомъ по происхожденію нѣмецкаго. которому, слѣдовательно, было какъ-то позволительнѣе явиться передъ глазами стараго благочестія. Нѣмцы дѣйствовали свои дѣйства изъ библии. Казалось, это было дѣломъ невозможнымъ для понятій старины. Но такова была сила общаго движенія нашей жизни, увлекавшая насъ все ближе и ближе къ европейскому міру. ко всѣмъ сатанинскимъ прелестямъ и обаяніямъ, отъ которыхъ столь долго оберегали древнюю Русь ея добродушные домострои. Невозможное, отверженное въ одномъ видѣ, являлось возможнымъ и признаннымъ въ другомъ; и въ то самое время, когда шли горячіе споры даже только о буквахъ Писанія, на дворцовой сценѣ дѣйствовали комически библию. Однакожъ, дѣло не показалось особенно чудовищнымъ, главнымъ образомъ именно потому, что тутъ дѣйствовали нѣмцы, значитъ люди чужіе, иновѣрные, тоже отверженные. Самому русскому какъ-то неестественно было начать такое небывалое дѣло. Да и какъ было осмѣлиться: чтобы сказали и чтобы надѣлали тогда нововводителю крѣпкія власти Домостроя.

Въ силу постоянного и неутомимаго отрицанія, господствовавшаго въ нашей старой жизни, отрицанія всѣхъ свободныхъ, самостоятельныхъ и самобытныхъ движеній жизни, говоря разумѣется лишь о сферѣ мысли и о сферѣ искусства, — ничто, конечно, общечеловѣческое, не должно было развиваться въ ней изъ самобытныхъ источниковъ; ничто не должно было органически

пройти всё степени возраста съ зародыша до возмужалости. Страшная изувѣрная опека мысли, какъ и не менѣе страшная, • изувѣрная опека чувства, вообще нрава, обычая, опека воли, держала русское общество цѣлые вѣка въ томъ старовѣрческомъ умственномъ и нравственномъ гнетѣ, въ которомъ не возможны были никакіе свободные самостоятельные шаги впередъ. Такіе шаги могли являться отъ всякаго другаго, только не отъ воспитанника и ученика Домостроевъ. Поэтому самую свободу такихъ шаговъ мы должны были пріобрѣтать у нѣмцовъ, выписывать изъ-за границы; для русскихъ убѣжденій она была развратомъ и потому на русской землѣ могла являться только въ иноземномъ образѣ, который служилъ оправданіемъ всякому явленію, выходящему изъ круга домостроевскихъ понятій, или изъ уровня извѣстной низменности и тѣсноты старинныхъ представленій вообще о свободныхъ и независимыхъ положеніяхъ жизни.

Такъ, въ старое время, у насъ находились въ рукахъ всё средства для того, чтобы простымъ, естественнымъ путемъ дойти до своенародной обработки театральнаго зрѣлища. Въ народѣ „скомрашное дѣло“ процвѣтало, въ народѣ жили походящія кукольныя комедіи; дураки-шуты господствовали своими играми во всякомъ зажиточномъ домѣ, самый медвѣдь являлся актеромъ; не говоримъ о разныхъ бытовыхъ чинныхъ дѣйствахъ, гдѣ всякій сколько нибудь важный шагъ превращался въ спектакль, въ зрѣлище. Словомъ сказать, народъ былъ очень расположенъ къ сценическому художеству и въ своей жизни имѣлъ весьма достаточные матеріалы для его устройства по собственному плану, по крайней мѣрѣ по собственному характеру. Недоставало одного, свободы дѣйствія, свободы литературнаго слова, хотя бы и не полной, но только освященной закономъ, чтобъ не казалась эта свобода грѣхомъ и беззаконіемъ. Какъ можетъ что либо правильно вырастать и развиваться, если это что-либо находится подъ вліяніемъ сознанія, что самое его существованіе есть грѣхъ и беззаконіе; а именно такимъ сознаніемъ и бичевалось старинное наше сценическое дѣло въ народѣ. Оно поэтому и оставалось все время безъ движенія, въ своей первой порѣ, безъ руководящей мысли, которую среди поденнаго низменнаго и презираемаго труда, конечно, выработать не могло. Вотъ почему мы должны были принять комидію, какъ называлось тогда вообще драматическое пред-

не изъ рукъ нѣмцовъ. Мы такимъ же путемъ должны
 стѣ у нѣмцовъ и живопись, талантъ который какъ
 амъ въ руки, такъ и оставался не тронутымъ цѣлые
 отданъ онъ былъ съ строжайшимъ запрещеніемъ
 его въ свободной и независимой обработкѣ. Византія
 и амъ въ этомъ отношеніи духъ политѣшаго и всесто-
 няго отрицанія всякихъ свободныхъ дѣйствій въ ходѣ народ-
 го развитія. Она завѣщала намъ именно борьбу съ свободою
 зывая эту свободу однимъ общимъ, весьма страшнымъ
 ересью. Опасаясь ереси, мы, малолѣтныя и потому
 не смѣли, съ особеннымъ усердіемъ и зарывали
 на всѣхъ путяхъ. Учителя послѣ и сами
 ть это усердіе; но здѣсь виноватымъ
 ыли уже народный умъ, неумолимо послѣ-
 ный въ своихъ выводахъ, которые онъ по необходи-
 и довелъ до своей крайности, до послѣдней черты, т. е.
 членій, приготовившихъ и вызвавшихъ петровскую ре-
 у, или петровское освобожденіе народныхъ силъ отъ ихъ
 пощенія. Каковы были великія послѣдствія этого осво-
 кденія, когда сидѣвшій тридцать лѣтъ сиднемъ русскій бога-
 тырь наконецъ всталъ, порасправилъ члены и началъ дѣйстви-
 вать, — объ этомъ тотчасъ же стала рассказывать русская
 исторія; неперестаетъ рассказывать и до сего дня, дождавшись
 новаго великаго послѣдствія той же свободы.

Въ половинѣ XVII ст. во дворцѣ, какъ и во всемъ высшемъ
 обществѣ Москвы хорошо было извѣстно, что такое *комедія*
 и какъ весело потѣшаются ею въ далекихъ земляхъ Европы и
 даже въ близкой Польшѣ. Въ 1635 г. московскіе послы были
 на такой потѣхѣ у польскаго короля, а потѣха была: какъ при-
 ходилъ къ Іерусалиму ассирійскаго царя воевода Алафернъ, и
 какъ Юдиѣ спасла Іерусалимъ¹. Въ другой разъ въ 1637 г.,
 наши послы отказались было идти въ такую комедію, потому
 что былъ тамъ папскій легатъ, а они съ нимъ вмѣстѣ, въ ра-
 венствѣ, сидѣть не хотѣли. Послы, возвращаясь въ Москву,
 конечно, въ подробности рассказывали и объясняли, въ чемъ
 состояли эти комидійныя дѣйства. При царѣ Алексѣѣ одни раз-
 сказы дворянина Лихачова и его товарищей о своемъ Флорен-
 тинскимъ посольствѣ 1660 г. должны были приводить въ не-

¹ Исторія Россіи, г. Соловьева, IX, 248.

сказанное изумленіе и подивленіе всѣхъ, кому только удавалось ихъ послушать; а первымъ изъ такихъ любопытныхъ былъ самъ царь Алексѣй, впечатлительный и пытливый, который нисколько не былъ чуждъ интересамъ европейскаго быта. Ребенкомъ, онъ самъ уже хаживалъ въ нѣмецкомъ платьѣ и къ нѣмцамъ, полезнымъ для отечества, всегда былъ милостивъ и щедръ.

Во Флоренціи посланникъ Лихачовъ пробылъ слишкомъ мѣсяцъ; видѣлъ тамъ европейскую жизнь лицомъ къ лицу со всякими ея диковинами и дивами, видѣлъ великолѣпныя палаты, роскошные сады, фонтаны, гдѣ безпрестанно вода прыгаетъ на дробныя капли, а къ солнцу, что камень хрусталь; осмотрѣлъ тамъ все; по потѣшнымъ дворамъ и по палатамъ ѣздилъ 8 дней, въ садахъ пробылъ цѣлую недѣлю; а въ садахъ красота и благоуханіе ароматное; а красоту въ садахъ нельзя описать; да и вообще сознавался, что „иного описать неумѣть, потому, кто чего не видалъ, тому и въ умъ не прійдетъ. Удивлялся тамошнимъ жарамъ великимъ: каково тамъ о Крещеніи, у насъ на Руси таково и о Ивановѣ дни. Вообще провелъ тамъ время совершенно по европейски и очень весело: былъ на публичномъ рыцарскомъ игрищѣ въ мячъ, былъ даже на балу у Флоренскаго князя, гдѣ было собрано большихъ думныхъ людей съ женами съ 400 челов., и ночь всю танцовали, самъ князь и сынъ и братья и княгиня. Представлялся не разъ княгинѣ и на посѣдяхъ — торжественно, въ присутствіи дѣвицъ и сѣнныхъ боярынь, которыхъ было ста съ два. По просьбѣ княгини для подарка ея новобрачной невѣсткѣ сдѣлалъ ей по русскому обычаю двѣ шубки, одна подъ камкою, другая подъ тaftою, у одной исподъ горностайной, а у другой бѣлій; и вздѣла княгиня на себя и дивилася, что урядно выдѣлали. Замѣтилъ, что тамошнія женщины ходятъ — сосцы голы и на головахъ нѣтъ ничего; между тѣмъ, какъ русскія женщины закутывали себя и почитали великимъ стыдомъ и грѣхомъ опростоволоситься, т. е. вообще носить волосы открытыми.

Къ довершенію многочисленныхъ удовольствій, какія почти каждый день долженъ былъ испытывать нашъ посланникъ, его три раза приглашали въ театръ, въ комедію. Объ одной комедіи онъ оставилъ небольшую записку, въ которой говоритъ: „объявилися палаты, и бывъ палата и въ низъ уйдетъ; и того было шесть перемѣнъ. Да въ тѣхъ же палатахъ объявилося море колеблемо волнами, въ морѣ рыбы, а на рыбахъ люди

вздять; и въ верху палаты небо, а на облакахъ сидятъ люди; и почали облака и съ людьми на низъ опущаться; подхвати съ земли челоуѣка подъ руки, опять въ верхъ же пошли; а тѣ люди которые сидѣли на рыбахъ, туда же поднялися въ верхъ, за тѣми, на небо. Да спушчался съ неба же на облакъ сѣдъ челоуѣкъ въ каретѣ; да противъ его въ другой каретѣ—прекрасная дѣвица; а аргамачи (кони) подъ каретами, какъ быть живы, ногами подрагиваютъ. А князь сказалъ, что одно солнце, а другое мѣсяць.—А въ иной перемѣнѣ, въ палатѣ, объявилоса поле, полно костей челоуѣческихъ; и враны прилетѣли и почали влевать кости. Да море же объявилоса въ палатѣ, а на морѣ корабли небольшие и люди въ нихъ плаваютъ.—А въ иной перемѣнѣ объявилоса челоуѣкъ съ 50 въ латахъ, и почали саблями и шпагами рубитися, и изъ пищалей стрѣляти, и челоуѣка съ три какъ будто и убили. И многіе предивныя молодцы и дѣвицы выходять изъ-за занавѣса въ золотѣ и танцуютъ. И многія диковинки дѣлали. Да вышедъ малый, почалъ промать ѣсть, и много ему хлѣбовъ пшеничныхъ опрѣсочныхъ давали, а наворить его не могли“.

Кромѣ удивленія, изумленія, восторженной похвалы, посланикъ не высказываетъ никакого сужденія обо всѣхъ этихъ заморскихъ диковинкахъ, не высказываетъ о нихъ своей русской мысли, т. е. насколько все это погибельно съ точки зрѣнія древняго благочестія. Онъ ставитъ только факты и свое простодушное изумленіе предъ ними, полное дѣтской наивности. Конечно его описаніе, какъ и самъ онъ говорилъ, представляло только весьма блѣдный очеркъ того, что онъ видѣлъ на самомъ дѣлѣ. Зато, нѣтъ сомнѣнія, его рассказы были полнѣе, изобразительнѣе и возбуждали большое любопытство въ молодомъ царѣ Алексѣѣ, который по своему уму и по своимъ наклонностямъ не могъ, слушая ихъ, оставаться съ однимъ только подивленіемъ. Мы не говоримъ о другихъ подобныхъ рассказахъ другихъ путешественниковъ или знакомыхъ царю иностранцевъ, каковъ напр. былъ Ив. Гебдонъ, игравшій весьма значительную роль по части знакомства съ западомъ. Извѣстно, что вскорѣ, по возвращеніи въ Москву Лихачова, въ шестидесятыхъ же годахъ XVII ст., царь принялся устроить въ своихъ загородныхъ дачахъ роскошныя дворцы (въ Коломенскомъ) и роскошныя сады (въ Измайловѣ) со всякими европейскими затѣями. Не могла остаться совсѣмъ по-

кинутою и мысль о театрѣ. Конечно, для исполненія такой мысли требовалось прежде всего живое сочувствіе со стороны семьи; именно отъ самой царицы; но, кажется, первая супруга царя, Марья Ильична, не совсѣмъ благоволила къ подобнымъ иноземнымъ затѣямъ. Другое дѣло дворцы и сады, какъ бы они не были роскошны и великолѣпны; объ нихъ никакого запрещенія въ старомъ Домостроѣ небыло. Напротивъ тамъ очень выхвалялась заботливость о хорошемъ хозяйствѣ. Но театральное зрѣлище, по понятіямъ старины все-таки было угодіемъ соблазнительнымъ и погубительнымъ. И надо было, чтобы мысль о немъ совершила должный оборотъ, прожила въ умахъ извѣстное время, когда все въ ней дикое сдѣлалось бы только диковиннымъ. Такое время настало вмѣстѣ со вторымъ бракомъ государя на Нарышкиной. Рассказываютъ (Берхъ), что молодая царица была очень веселаго нрава и весьма охотно предавалась разнымъ увеселеніямъ, а потому царь, страстно ее любившій, старался доставлять ей всевозможныя удовольствія. Матвѣевъ, ея воспитатель, остался руководителемъ и ея увеселеній. Театръ былъ открытъ и на немъ поставлена пьеса, объяснявшая въ лицахъ даже соотвѣтственное новой царицѣ положеніе, т. е. пьеса съ намеками на современныя событія царскаго дворца.

Первыя представленія такъ называемыхъ *комидій* явились у насъ въ 1672 г., черезъ годъ послѣ государева брака съ Нарышкиной. Любопытно также, что годъ рожденія въ Москвѣ театра совпалъ съ годомъ рожденія великаго преобразователя нашей жизни, Петра. Въ это время въ Москву прибыли странствующие нѣмецкіе актеры. Какъ они прибыли, неизвѣстно; но безъ особаго дозволенія или даже и вызова они пріѣхать не могли, потому что для иноземцевъ всюду существовали тогда самыя крѣпкія заставы и сторожи въ лицѣ пограничныхъ воеводъ, которые были обязаны задерживать такихъ путешественниковъ и тотчасъ давать знать въ Москву о ихъ прибытіи. Быть можетъ вызову этихъ актеровъ способствовалъ извѣстный Матвѣевъ, который потомъ и завѣдывалъ всѣмъ ходомъ и устройствомъ этого небывалаго дѣла въ царскомъ дворцѣ. И такъ въ 1672 году странствующая нѣмецкая труппа, вѣрно не очень большая, подъ управленіемъ маистра Ягана Готфрида Грегори находилась уже въ Москвѣ. Рейтенфельсъ въ своихъ запискахъ рассказываетъ слѣдующее: „въ послѣдніе годы царь (Алексѣй

Мих.) позволилъ прибывшимъ въ Москву странствующимъ актерамъ показывать свое искусство и представлять исторію Ассуира и Эсеири, написанную *комически*. Затѣмъ онъ объясняетъ, какъ вообще началось это невиданное въ Москвѣ дѣло. „Узнавши, что при дворахъ другихъ европейскихъ государей въ употребленіи разныя игры, танцы и прочія удовольствія для пріятнаго препровожденія времени, царь нечаянно приказалъ, чтобы все это было представлено въ какой-то французской пляскѣ. По краткости назначеннаго семидневнаго срока, сладили дѣло, какъ могли. Въ другомъ мѣстѣ, прежде представленія слѣдовало бы извиниться, что не все въ должномъ порядкѣ; но тутъ это было бы совершенно лишнее: костюмы, новостъ сцены, величественное слово: *иностранное* и стройность неслыханной музыки, весьма естественно, сдѣлали самое счастливое для актеровъ впечатлѣніе на русскихъ, доставили имъ полное удовольствіе и заслужили удивленіе. Сперва царь не хотѣлъ, чтобы тутъ была музыка, какъ вещь новая и нѣкоторымъ образомъ языческая; но когда ему сказали, что безъ музыки точно также невозможно танцовать, какъ и безъ ногъ, то онъ предоставилъ все на волю самихъ артистовъ. Во время представленія царь сидѣлъ передъ сценою на скамейкѣ; для царпы съ дѣтьми былъ устроенъ родъ ложи. изъ которой они смотрѣли изъ-за рѣшетки или, правильнѣе сказать, черезъ щели досокъ; а вельможи (больше небыло никого) стояли на самой сценѣ. Орфей, прежде нежели началъ пляску между двухъ подвижныхъ пирамидъ, пропѣлъ похвальные стихи царю“. Это было въ субботу на масляницѣ. Въ тотъ же день царь увеселялся на Москвѣ рѣкѣ медвѣжьей потѣхою, а ввечеру смотрѣлъ фейерверки.

Мы можемъ принимать этотъ рассказъ Рейтенфельса за извѣстіе о первомъ театральномъ представленіи въ московскомъ дворцѣ, въ чемъ повидимому нельзя и сомнѣваться, ибо комедія была изготовлена на спѣхъ въ одну недѣлю, т. е. въ теченіи той же масляницы, когда обыкновенно позволялись всякаго рода зрѣлища и даже всякаго рода разгулъ. вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣя въ виду послѣдующія дѣйствія царя относительно устройства этихъ зрѣлищъ, мы относимъ описанный спектакль именно къ масляницѣ 1672 г., когда суббота этой недѣли приходилась 17 февраля. Съ этого дня и должна начинаться исторія нашего театра.

Потѣха, какъ говоритъ Рейтенфельсъ, очень понравилась, и нѣтъ сомнѣнiя, что тогда же актеры были оставлены для устройства новыхъ представлений. Наступившiй за тѣмъ великiй постъ, святая и весеннее время, въ которое царь потѣшался обыкновенно соколиною охотою, не были удобны для представленiя комедiй. Между тѣмъ мая 30 государь былъ неизрѣченно обрадованъ рожденiемъ сына, царевича Петра—будущаго преобразователя. Для Нарышкиной, какъ и для всѣхъ ея родныхъ и приближенныхъ, а стало быть и для Матвѣева—это было торжество дѣйствительно неизрѣченное. Въ тотъ же день главные изъ нихъ получили повышенiя въ чинахъ и Матвѣевъ вмѣстѣ съ отцомъ царицы пожалованъ въ окольничiе. 2 iюня, въ воскресенье, въ самое заговѣнье на Петровъ постъ, въ Золотой царицыной палатѣ, государь давалъ боярству и дьякамъ родинное пиршество, простое, не чиновное, безъ зову и безъ мѣстъ, т. е. съ устраненiемъ старыхъ чиновныхъ порядковъ столованья. Можно думать, что за этимъ, такъ сказать, кабинетнымъ пиршествомъ, на общемъ веселiи, между разговорами о разныхъ веселостяхъ было вспомнано и о нѣмецкой комедiи и тутъ же рѣшено устроить комедiю во дворцѣ постоянную. И въ дѣйствительности, на третiй же день, какъ только отошло пиршество съ неизбѣжнымъ похмѣльемъ, iюня 4 государь „указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедiю, а на комедiи дѣйствовать *изъ библiи книгу Эсфирь* и для того дѣйства устроить хоромину вновь“. Вновь здѣсь вовсе не значитъ, что была старая такая хоромина, взамѣнъ которой строилась эта новая. Слово это означаетъ постройку новой особой хоромины, назначаемой исключительно для комедiальныхъ только дѣйствъ. Очень замѣчательенъ самый выборъ пьесы, ибо исторiя Эсфири нѣкоторыми сторонами и особенно общимъ своимъ смысломъ указывала на исторiю государева брака съ Нарышкиною. Смыслъ этой исторiи заключается въ томъ, чтобы показать, какъ Богъ низвергаетъ сильныхъ, возвышаетъ униженныхъ и разстроиваетъ всѣ козни враговъ.

Однажды персидскiй царь Ассуръ (Артаксерксъ Долгорукии) во время веселыхъ роскошныхъ пировъ, разгоряченный виномъ, такъ увлекся общимъ линованьемъ и разгуломъ, что повелѣлъ привести на пиръ свою царицу, чтобы показать ее, какъ красавицу, своимъ собесѣдникамъ. Царица, по восточному обычаю, почитая недостойнымъ для себя и унижительнымъ вообще для

женской чести явиться среди веселаго мужскаго собранія, отказалась исполнить волю царя-супруга. Оскорбленный публичнымъ непослушаніемъ супруги, Ассуйръ рѣшился развестись съ ней и отдалъ это дѣло на обсужденіе верховнаго совѣта. Царская Дума представляла, что поступокъ царицы подаетъ поводъ и всѣмъ другимъ женамъ неслушаться своихъ мужей, а потому и одобрила намѣреніе царя удалить отъ себя царицу. Вскорѣ былъ обнародованъ объ этомъ и указъ царя; царь было и раскаялся, что строго осудилъ супругу, но было уже поздно, ибо однажды утвержденный указъ по тамошнимъ законамъ почитался неизмѣннымъ. Тогда вельможи предложили ему собрать изъ всего царства всѣхъ прекрасныхъ дѣвицъ и изъ нихъ выбрать себѣ супругу. Невѣсты были собраны и въ числѣ ихъ чудная красавица іудейка Едисса (мирта). Ее представилъ ко двору одинъ изъ привратниковъ, ея дядя, Мардохей, у котораго по смерти родителей она воспитывалась вмѣсто дочери. На нее и упалъ царскій выборъ. Тогда ей дали новое имя Есѣиръ (сокровенная). Царь возложилъ на нее вѣнецъ и провозгласилъ своею супругою. Въ это время любимцемъ и временщикомъ у царя былъ нѣкто Аманъ, до того возвеличенный, что по приказанію царя предъ нимъ всѣ должны были преклонять колѣна, когда его встрѣчали. Мардохей, почитая это долопоклонствомъ, не исполнялъ царскаго повелѣнія и не кланялся гордому временщику. Аманъ разгнѣвался и рѣшился отомстить. Онъ началъ клеветать на Іудеевъ, привелъ ихъ у царя въ немилость и выпросилъ повелѣніе истребить въ одинъ день всѣхъ Іудеевъ во всемъ царствѣ. Назначенъ былъ уже и день. Іудеи трепетали, молились. Мардохей заклиналъ царицу спасти ихъ, умолилъ царя объ отмѣнѣ указа. Есѣиръ приняла на себя этотъ подвигъ и достигла цѣли. Своимъ поведеніемъ она такъ умплоствовала царя, что тотъ обѣщалъ ей исполнить все, чего она ни пожелаетъ. На первый разъ она пожелала только одно, чтобы царь вмѣстѣ съ Аманомъ пришелъ къ ней на пиръ. На пиру, очарованный супругою, Ассуйръ снова даетъ обѣщаніе исполнять всѣ ея желанія. Есѣиръ опять проситъ одного, пожаловать къ ней на пиръ съ Аманомъ и на другой день. Аманъ радуется такому благоволенію и еще больше возвышаетъ свою гордость. Одно не даетъ ему покоя—это не покореніе Мардохея, который и съ мѣста предъ нимъ не встаетъ, въ то время, какъ всѣ повергаются на землю при одномъ появленіи времен-

щиа. Въ несказанномъ гнѣвѣ, онъ готовитъ іудеяину висѣлицу. Но Богъ хранитъ своего раба. Царь случайно вспоминаетъ заслуги Мардохея и хочетъ его наградить. Онъ спрашиваетъ Амана: какой почести заслуживаетъ человекъ, котораго царь желаетъ наградить? Аманъ принялъ это на свой счетъ и предложилъ царю, что такого человекъ надо облечь въ царскую одежду, возложить на него вѣнецъ, посадить на царскаго коня и провести торжественно по всему городу. Ассиуръ одобрилъ предложеніе и повелѣлъ Аману же все это исполнить для почести Мардохею. Временщикъ никакъ не ожидалъ такой развязки, но долженъ былъ покориться. Послѣ церемоніи онъ былъ позванъ на условленный пиръ къ царицѣ, на которомъ Есѣиръ получаетъ отъ царя опять тоже обѣщаніе: исполнить все, чего она захочетъ. Тогда царица рассказываетъ своему супругу о замыслахъ Амана въ его же присутствіи. Дѣло кончается тѣмъ, что Аманъ былъ повѣшенъ на той же самой висѣлицѣ, которую готовилъ Мардохею, а всѣ враги Іудеевъ по всему царству были истреблены. Мардохей сталъ любимцемъ царя и заступилъ мѣсто Амана ¹.

Особенный драматизмъ всей этой исторіи давалъ легкую возможность составить изъ ея содержанія очень занимательную пьесу для „дѣйства“, которую, быть можетъ и сочинилъ придворный учитель Симеонъ Полоцкій, если она тогда же не была переведена съ нѣмецкой или польской уже готовой комедіи. Сколько было тутъ понятнаго, даже родственнаго для тогдашней дворцовой публики и въ положеніи лицъ, и въ ихъ обстановкѣ, и въ ихъ стремленіяхъ.

Если мы припомнимъ исторію царскаго брака на Нарышкиной, стр. 261—265, то увидимъ, что исторія о Есѣири давала довольно намековъ на современныя дворскія отношенія, что роль Есѣири походила на роль царицы Натальи, во время ея избранія въ невѣсты; такъ какъ роль Мардохея на роль ея родственника и воспитателя Матвѣева. Кто указывалъ на Амана, неизвѣстно, но Матвѣевъ прямо могъ думать о Богданѣ Хитрово, царскомъ дворецкомъ и тогдашнемъ любимцѣ царя Алексѣя, какъ это рассказывается записками о такихъ отношеніяхъ его сына, Андрея Матвѣева. Очень понятно, сколько и сама царица Наталья интересовалась представленіемъ такой комедіи.

¹ Библейско-біографическій словарь. Спб. 1849.

Комедийная хоромина была построена по указу государя въ селѣ Преображенскомъ, разумѣется на государевомъ дворцѣ, въ которомъ такимъ образомъ полагался первый камень преобразования нашей общественной жизни. Преображенскій дворецъ, теперь къ сожалѣнію уже не существующій, достоинъ вѣчной памяти за то именно, что въ немъ зачинались почти всѣ общественныя наши реформы, начиная съ мелочей, съ бритья бородъ, и восходя до преобразования войска. Постройка этого перваго театра была произведена со всѣмъ нарядомъ на счетъ двухъ приказовъ Володимірской и Галицкой Четей, которыми тогда управлялъ Артамонъ Матвѣевъ; стало быть онъ и былъ главнымъ и непосредственнымъ двигателемъ этого дѣла, которое во дворцѣ быть можетъ не всѣми и одобрялось, а потому и исполнялось вдали отъ дворцовыхъ расходовъ. Сохранилась записка о лѣсномъ матеріалѣ, который былъ употребленъ на постройку этой комедийной хоромины. Въ дѣло пошло на стѣны 542 бревна въ 4 саж. длиною, что даетъ поводъ заключать, что пространство хоромины было не меньше 30 арш. въ квадратъ при вышинѣ въ 6 арш. На переводины пошло 25 деревъ по 10 саж. длины и 50 деревъ семисаженныхъ. На полы и потолки—493 доски; для стропилъ 50 деревъ семисаженныхъ и 300 деревъ въ 4 саж. Въ кровли и на внутреннюю отдѣлку 4220 тесницъ. Для дверей и окошекъ 28 колодъ. Внутри устроены рундуки, полки (мѣста амфитеатромъ), лавки и подмости въ ямахъ, т. е. на сценѣ, для рамъ и декораций. Передъ хороминою былъ устроенъ обширный рундукъ, т. е. помость съ входными ступенями. Кругомъ она была огорожена заборомъ съ створчатыми воротами. На всякіе лѣсные запасы вышло больше 1000 руб.—Изъ дворца было отпущено довольно значительное количество червчатого (краснаго) и зеленаго сукна на уборку новопостроенной хоромины. Октября 27 выдано въ комедийную хоромину въ Преображенское на обивку стѣнъ и на мосты (полы) суконъ анбурскихъ половинками, три половинки червчатыхъ, двѣ половинки зеленыхъ да половинка сукна лятчины ¹.

¹ Въ половинкѣ сукна считалось длины отъ 20 и до 40 арш.; шириною сукно бывало въ 2 арш. съ вершками и безъ вершковъ. См. кн. Арх. Ор. Пал. № 390. Подробности постройки этой хоромины сообщены намъ Н. С. Тихонравовымъ въ выпискахъ изъ расходныхъ книгъ Владимірской и Галицкой Чети. См. его же Лѣт. Рус. Лѣт. кн. V, 28.

Изъ этого указанія видно, что въ концѣ октября хоромина, совсѣмъ уже выстроенная, убиралась или наряжалась на чисто. Кромѣ внутренней уборки сукнами и коврами, для представленій построено было всякое *потѣшное платье* и написаны *рамы перспективнаго* письма, т. е. декораціи. Безсомнѣнія помянутое дѣйство Есѣири въ теченіи ноября до заговѣнъ, т. е. до 14 числа, давалось не одинъ разъ. Играли быть можетъ и другія какія либо небольшія піесы, напр. интермедіи и т. п. нѣчто въ родѣ теперешнихъ водевилей.

Затѣмъ въ наступившей постѣ царь конечно не могъ смотрѣть подобныхъ зрѣлищъ и потому представленія начинаются опять въ мясоѣдъ уже въ январѣ 1673 года. На время поста театральныя уборы, ковры, сукна и всякое потѣшное платье, были вывезены изъ хоромины и сложены въ палату на кремлевскомъ дворѣ боярина Милославскаго, который послѣ его смерти еще въ 1668 году поступилъ въ число дворцовыхъ зданій, хотя все еще по старой памяти именовался дворомъ Милославскаго. Это такъ называемый потѣшный дворецъ или теперь Комендантскій домъ. Повидимому комедіи очень полюбились царю Алексѣю, а особенно, быть можетъ, молодой царицѣ. Новый сезонъ примѣчателенъ тѣмъ, что на этотъ разъ для театра было устроено новое помѣщеніе въ Кремлевскомъ дворцѣ, въ особой *комидійной палатѣ*.

Дѣйствительно, ѣздить зимою въ Преображенскій театръ было далеко и по многимъ причинамъ весьма неудобно. Надо было подниматься всѣмъ дворомъ, со всѣмъ семействомъ ѣхать ночью по сугробамъ сокольничьяго поля, обременять такимъ выѣздомъ весь дворовый чинъ, не говоря уже о состояніи здоровья, а также и о гостяхъ, для которыхъ эта далекая ночная потѣха была бы тоже не совсѣмъ пріятна, тѣмъ болѣе, что приглашеніе къ ней всегда являлось въ формѣ повелѣнія, которое, хочешь не хочешь—надо было исполнить. Такимъ образомъ зимній сезонъ требовалъ театральнаго помѣщенія въ городскихъ дворцовыхъ зданіяхъ, въ Кремлѣ. Распоряженія о театрѣ начались 22 января, въ день бракосочетанія съ царицею, который вѣроятно царь хотѣлъ провести весело. Онъ тогда приказалъ „надѣ аптекою, что на дворцѣ, въ палатахъ, построить какъ быть комидійному дѣйству“.

Нѣтъ сомнѣнія, что или самъ государь или царица думали, что такое дѣло можно сдѣлать скоро, въ одинъ день, чтобъ къ

вечеру было и готово. Когда, быть можетъ, объяснилось, что такъ скоро невозможно устроить театръ, въ тотъ же день, 22 генв., былъ отданъ другой приказъ: „хранившіяся въ Кремлѣ театральныя вещи перевезть въ село Преображенское и тамъ комидійную хоромину нарядить по прежнему, чтобъ къ комидійному дѣйству генвара къ 23 числу все было готово“. Тотчасъ перевезли все надобное на 8 подводахъ и къ наряду купили гвоздя двостеснаго и одностеснаго и луженаго, также ремня, скобъ, крючья, проволоки желѣзной. Незавѣстно только, состоялся ли въ назначенное число этотъ преображенскій спектакль. Должно полагать, что онъ былъ отиѣненъ, ибо въ тотъ же день, 23 генв., государь даетъ повторительный указъ, чтобы „надъ приказомъ Аптекарскіе палаты въ полатахъ построить и нарядить, какъ быть комидійному дѣйству“, и изъ преображенской комидійной хоромины перевезть декорациі, рамы перспективнаго писма, въ Москву въ упомянутыя палаты надъ аптекою, которыя тогдаже и перевезены.

Надо было очень спѣшить, потому что до масляницы оставалась съ небольшимъ недѣля. Постройка комидіи была поручена стрѣльцкому сотнику Данилу Кобылину изъ полка полковника Бухвостова. Изъ стрѣльцовъ же назначены и плотники, 20 челов., а для поспѣшенья велѣно взять и больше, почему и прибавлено еще 5 челов. Они работали пять дней, съ 25 генвара по 29 и даже по ночамъ, для чего куплено 100 свѣчъ салныхъ большихъ за 15 алт. — Какъ все было построено, неизвѣстно. Знаемъ только, что палата была постлана войлоками (47 штукъ), а по нимъ коврами; двери и стѣны обиты также коврами и сукнами; къ связямъ въ сводѣ были привязаны бруссы, къ которымъ сукна прибиты; сцену отдѣлялъ особый брусъ съ перилами, на которомъ положены двѣ полстки; было устроено три завѣса на толстой желѣзной проволоцѣ и на мѣдныхъ кольцахъ, которыхъ къ новому завѣсу употреблено 60 штукъ; куплено 10 деревянныхъ подсвѣчниковъ которые были утверждены на доскахъ; куплены также двѣ дубовыя большія скамьи, а изъ Преображенскаго перевезено и особое *мѣсто*, быть можетъ государево; кромѣ того выкрашены голубцомъ какіе-то четыре *балты*. При перевозкѣ изъ Преображенскаго рамъ—декораций, 36 штукъ, оказалось, что большія и середнія рамы въ двери новой комидійной палаты не прошли, почему были перетерты, т. е. разрѣзаны и построены сдвижны-

ми съ придѣлкою 100 задвижекъ и 200 скобъ желѣзныхъ. Этѣ декорация писалъ и установливалъ живописецъ Петръ Гавриловъ Энглесъ.

Между тѣмъ въ Новонѣмецкой слободѣ магистръ Яганъ Готфридъ училъ актеровъ къ комидѣйному дѣйству, дѣтей изъ новомѣщанской слободы (теперь улицы Мѣщанскія), для чего Матвѣевъ 22 генваря приказалъ ему въ эту школу отпустить 2 саж. дровъ съ малороссійскаго двора (улица Маросейка).

Неизвѣстно, въ какой день начались представленія въ новой театральной палатѣ, но вѣроятно уже на масляницѣ, начавшейся со 2 февраля. Кажется комидія дана была два раза, ибо въ это время въ два дни перевезено изъ Нѣмецкой Слободы до дворца 60 человекъ дѣтей, которые участвовали въ комидѣйномъ дѣйствѣ; привозили по 30 ч. въ день; это число и должно обозначать всю труппу, бывавшую на представленіи. Кромѣ того въ комидіи дѣйствовали и актеры—нѣмцы, Тимошей Гасенкрухъ съ товарищи, названные игроцами. Оркестръ тоже состоялъ изъ нѣмцовъ—музыкантовъ и управлялся полковникомъ Николаемъ Фанстаденомъ. Всѣ эти нѣмцы были привозимы во дворецъ три раза и слѣд. играли одинъ, третій разъ, какія либо свои игры, безъ актеровъ-дѣтей. Съ наступленіемъ великаго поста театръ былъ оставленъ, и возобновился уже весною, послѣ Троицына дня, въ селѣ Преображенскомъ. На другой день этого праздника, мая 19, царь со всѣмъ домою перѣхалъ туда на лѣтнее житье. 22 числа Матвѣевъ приказываетъ „изъ кремлевскихъ палатъ, что на дворецѣ надъ аптекою органы и рамы перспективнаго письма и что есть, какъ было наряжено для комидѣйнаго дѣйства, все перевезть въ село Преображенское, въ комидѣйные хоромы и тѣ хоромы нарядить противъ прежняго“. Опять на 15 подводѣхъ повезены были 32 рамы декораций, 9 ковровъ, сукна, скамьи, органы; опять семь человекъ плотниковъ съ мастеромъ перспективнаго письма Энглесомъ устанавливали рамы и устроивали все, что было надобно. Сколько разъ давались въ это время представленія, неизвѣстно. Но недѣли черезъ три, 16 іюня, у магистера Ягана Готфрида началось новое ученье комидѣйнаго дѣйства; вновь выбрано было въ комедіанты 26 человекъ мѣщанскихъ дѣтей, которые и отвезены къ нему въ школу въ Нѣмецкую слободу на 5 подводѣхъ. Къ осени готовилась новая комедія, о младшемъ Тови. 6 октября по царскому указу Матвѣевъ приказалъ выдать „ма-

гистру ко исправленію комедіи на платьѣ ангеловъ и на молодого Товію и на одѣяніе его спутъшественниковъ“ 30 рублей изъ доходовъ Приказа Галицкой Чети. 7 октября Готфридъ деньги получилъ, на строеніе комедіи, какъ онъ упомянулъ въ роспискѣ. 9 октября изъ дворца отпущено въ Преображенское въ комедійную хоромину на обивку стѣнъ 216½ арш. суконъ анбурскихъ червчатыхъ. Между тѣмъ еще съ 5 октября государь со всѣмъ домою отправился на богомолье къ Троицъ, нѣсколько позднѣе обычнаго сентябрьскаго похода, по той причинѣ, что 22 августа въ пятницу шестаго часа въ 3 чети даровалъ Богъ государю дочь царевну Наталію Алексѣевну и до истеченія срока родивнаго времени царицѣ подняться въ походъ было нельзя. Съ богомолья государь возвратился 26 октября прямо въ Преображенское, гдѣ со всей семьей и оставался до филипповскихъ заговѣнъ, т. е. до 14 ноября. Черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, 2 ноября, ввечеру государь ходилъ въ комидію, смотреть дѣйства, какъ нѣмцы дѣйствовали ¹. „Вѣроятно, до 14 ноября комидійное зрѣлище повторилось не одинъ разъ. Потомъ въ рождественскій мѣсяцъ слѣдующаго 1674 года мы находимъ комедію опять въ Кремлевскомъ дворцѣ, откуда на масляницѣ во вторникъ 24 февр. она снова перовозится въ Преображенское. Въ этотъ день Матвѣевъ приказываетъ по повелѣнію государя: изъ палатъ (кремлевскихъ), что построены надъ аптекою для комидійнаго дѣйства, рамы, ковры, сукна, стулы и всякой нарядъ и органы перевезти для комидійнаго жъ дѣйства въ село Преображенское въ комидійные хоромы, наскоро“.

Въ тотъ же день восемнадцать подводъ повезли въ Преображенское весь этотъ театральнй нарядъ, служившій такимъ образомъ убранствомъ и для кремлевскаго театра въ каменныхъ палатахъ и для деревяннаго театра въ преображенскомъ дворцѣ. Туда же тотчасъ вызваны были изъ Москвы придворный органистъ Симонъ Гутовскій, съ учениками, а изъ новонѣмецкой слободы игрецы *Тимофей Гасенкрухъ* съ товарищами и музыканты, которые всѣ и привезены были на 8 подводахъ. Между тѣмъ тогдаже для комидіи былъ купленъ столъ дубовый за 20 копѣ-

¹ Выходы царей, 563. Указываемая книга выходовъ 7182 г. здѣсь неправильно обозначена 7181 годомъ, отчего и мы прежде ошибочно относили этотъ выходъ въ комидію къ 1672 году. Срав. Дв. Разр. III, 908 и др.

екъ. Въ пятницу на масляной 27 февраля комидія была перевезена на 16 подводяхъ со всѣмъ нарядомъ и съ органами опять въ кремлевскія палаты *для комидійнаго ось двѣхъ дѣствъ*, которое по всему вѣроятію въ тотъ же день и представлялось. Съ окончаніемъ масляницы былъ закрытъ и театръ.

Что было въ весенній мясоѣдъ, намъ неизвѣстно. Осенью, въ сентябрѣ, государь справлялъ двѣ семейныя радости: 1 сентября всенародно съ подобающимъ торжествомъ объявлялъ сына царевича Феодора Ал. наслѣдникомъ царства, а съ 4 числа праздновалъ новое рожденіе царевны Феодоры. Пиръ по случаю объявленія царевича продолжались въ теченіи сентября, 1, 6, 17 чиселъ; потомъ былъ совершенъ обычный походъ къ Троицѣ. Празднованіе родинъ началось съ 1 окт. когда былъ данъ родинный столъ; затѣмъ 4 окт. новорожденную царевну крестили, а 8 былъ крестинный столъ. Въ эти дни для увеселенія дворцоваго общества на дворцѣ была поставлена старинная музыкальная потѣха, которую въ молодости во время первой своей свадьбы царь Алексѣй было отвергъ, какъ бѣсовское угодіе. Снова явились трубачи, наврачеи, сурначи, литаврщики, набатчики, которые принадлежали собственно къ военнымъ хорамъ, и быть можетъ по особенной торжественности или громозвучности своей музыки потребованы на этотъ разъ и для увеселенія дворца. Затѣмъ развеселившійся государь 21 октября созвалъ къ себѣ въ потѣшныя хоромы на вечернее кушанье все боярство съ нѣкоторыми дьяками и даже съ своимъ духовникомъ и угостилъ гостей на славу, водками, ренскимъ, романею и всякими разными питіями: пожаловалъ ихъ своею государскою милостію, наполнилъ ихъ всѣхъ пьяныхъ. Во время пира, который продолжался почти до 6 часовъ другаго дня, изволилъ государь себя тѣшить всякими игры, и его тѣшили и въ органы играли, а игралъ въ органы нѣмчинъ; и въ сурну и въ трубы трубили и въ суренки играли и по накрамъ и по литаврамъ били—во вся. Пиръ былъ въ полномъ смыслѣ предшественникомъ пировъ петровскихъ. Само собою разумѣется, что не одною же музыкою потѣшался государь; вѣроятно ее сопровождали и другія всякія игры. Послѣ этихъ кремлевскихъ увеселеній, справивъ подобающимъ чиномъ родительскую Дмитровскую суботу поминовенія умершихъ, государь на другой день, 25 окт., выѣхалъ со всѣмъ домомъ въ село Преображенское и оставался тамъ до 13 декабря, потѣшаясь время отъ времени соколиною

охотою, комидіями и выѣздами въ близъ лежащія загородныя дворцы, въ Измайлово, въ Алексѣевское (см. выше стр. 381).

Нѣмецкія комидійныя потѣхи даны были на преображенскомъ театрѣ три раза во время мясоѣда. Въ первый разъ была „комидія какъ Олаверна царица царю голову отсѣкла, т. е. Юдифъ, та самая, которую наши послы въ 1634 г. смотрѣли во дворцѣ у польскаго короля; — тѣшили в. государя иноземцы и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые боярина Артем. Серг. Матвѣева. Съ государемъ были въ комидіи бояре, окольнічіе думныя дворяне, думныя дѣяки, ближніе люди всѣ, и стольники и стряпчѣе. А которыхъ бояръ окольнічихъ, думныхъ дворянъ и ближнихъ людей не было въ походѣ, т. е. въ Преображенскомъ, и за ними были посланы нарочныя съ указомъ быть непременно въ Преображенскомъ, т. е. въ театрѣ.

Другая комидія была Есвирь: *какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣстивъ Аману по царицыну челобитью и по Мардохеину наученью*. Въ комидіи съ государемъ была царица, царевичи и царевны — все семейство, а также бояре, окольнічѣе, думныя дворяне, думныя дѣяки, ближніе люди; стольники и *всякихъ чиновъ люди*. Тѣшили государя и публику нѣмцы же да люди боярина Матвѣева — и въ органы играли и на фіоляхъ и въ страменты и танцовали.

На заговѣнье ноября 14, была снова потѣха, а тѣшили в. государя иноземцы, нѣмцы да люди боярина А. С. Матвѣева, на органахъ, и на фіоляхъ и на страментахъ и танцовали и всякими потѣхами розными (тѣшили).

Въ зимній мясоѣдъ 1675 г. въ четверкъ на масляницѣ, 11 февраля, была комидія, вѣроятно въ Кремлѣ. Тѣшили в. государя тѣже дѣйствующія лица, иноземцы да люди б. Матвѣева, всякими розными играми; началась комидія въ пятомъ часу ночи или въ десятомъ по нашему счету, *отошла* комидія до свѣта за три часа, слѣд. въ пятомъ часу по полуночи и продолжалась, стало быть около *семи* часовъ. Весенній мясоѣдъ и все лѣто государь со всѣмъ домою прожилъ на Воробьевыхъ горахъ; оттуда перешелъ въ с. Коломенское и потомъ уже 9 ноября въ Преображенское, гдѣ и жилъ по 15 декабря, изрѣдка дѣлая выѣзды въ Москву. Быть можетъ между 9 и 14 ноября въ окончаніе мясоѣда и дана была какая либо комедія по примѣру предыдущаго года.

Подтвержденіе этому находимъ у Лизека, который пишетъ слѣдующее: чрезъ нѣсколько дней послѣ нашего отъѣзда (7 но-

ября, если принять русскій стиль), нѣмецкіе комедіанты имѣли представлять комедію, которая, какъ они увѣряли, доставитъ большое удовольствіе царю, если только въ ней будетъ участвовать одинъ изъ нашихъ слугъ. Это былъ балансеръ, заслужившій своими шутковскими и ловкими дѣйствіями всеобщее удивленіе, особенно русскихъ, которые единогласно рѣшили, что онъ чародѣй и морочитъ добрыхъ людей бѣсовскою силою. Въ самомъ дѣлѣ, надъ его фокусами нужно было призадуматься. Напримѣръ: онъ перекреститъ нѣсколько разъ ножи, и они сами собою поднимаютъ вѣнки и деньги. Какъ мы ни присматривались къ его шуткамъ, но никакъ не могли отгадать причины странныхъ явленій. Нѣмцы и нѣкоторые изъ русскихъ просили пословъ (цесарскихъ) оставить его въ Москвѣ, пока онъ покажетъ свое искусство царю и царицѣ; но желаніе ихъ не было исполнено. По отъѣздѣ нашемъ, слухъ дошелъ до царя, и онъ тотчасъ послалъ въ слѣдъ за нами генерала Менезіуса, бывшаго нѣкогда посломъ въ Вѣнѣ и Римѣ съ переводчикомъ, чтобы воротить въ Москву нашего слугу—фокусника. На третій день они догнали насъ въ почтовыхъ саняхъ, и объяснивъ желаніе царя, просили отпустить сказаннаго слугу, и увѣрили, что царь одаритъ его щедро и тотчасъ отпустить назадъ. Послы предоставили ему на волю. Онъ воротился въ Москву, въ царскихъ палатахъ два раза показывалъ свои фокусы и удивилъ царя и царицу. Къ намъ онъ примкнулъ въ Вистервицѣ въ Моравіи, промотавши все, что подарилъ царь“.

Въ зимній мясодѣ 1676 года царь заболѣлъ и 30 генваря скончался. Театральныя представленія должны были остановиться на долгое время.... Вскорѣ и главный директоръ этого перваго театра бояринъ Матвѣевъ въ томъ же году подвергся царской опалѣ и наконецъ ссылки. Потерявъ такую важную опору нѣмецкая труппа удалась вѣроятно во свояси. Люди Матвѣева также частію были разосланы по деревнямъ или же поступили къ новымъ помѣщикамъ. Такимъ образомъ только что возникшая комедія упразднилась сама собою. Но если зрѣлища, въ теченіи четырехъ лѣтъ утѣшавшія государя и дворъ, прекратились, то все таки они не могли пройти безъ слѣда собственно для народа, по крайней мѣрѣ для московскаго общества, въ низменныхъ его слояхъ, откуда по большей части выбирались актеры и статисты для царскихъ комедій. Зрѣлища прекратились, но осталась мысль, что онъ позволительны, что въ нихъ

нѣтъ особаго грѣха, какъ учили люди Стоглава и Домостроя, ибо и самъ великій государь со всѣмъ своимъ государскимъ домомъ, со всею боярскою Палатою и даже съ людьми всякаго чина свободно потѣшались комедіями, интермедіями и всякими подобными играми и своимъ присутствіемъ на этихъ играхъ какъ бы освящали ихъ гражданство въ ряду всѣхъ другихъ неотреченныхъ народныхъ увеселеній; оставалась однимъ словомъ мысль, что можно продолжать такія зрѣлища собственными средствами. Съ этого времени нѣмецкая комедія свила такъ сказать гнѣздо въ московскомъ обществѣ. Такимъ гнѣздомъ были ея ученики, молодежь изъ мѣщанства и подьячества.

Какъ только, еще въ 1672 году, магистръ Яганъ Готфридъ Грегори получилъ приказаніе поставить на Преображенской сценѣ книгу Есѣиръ, то безсомнѣнія тогда же и образовалась театральная школа. Ученики или актеры, какъ мы видѣли, набраны были изъ мѣщанскихъ, а отчасти и изъ подьяческихъ дѣтей; изъ мѣщанскихъ Новомѣщанской слободы потому, что эта слобода была вновь населена большею честию выходцами изъ западнаго края, которые поэтому и на комедіи смотрѣли другими глазами, болѣе свободными, чѣмъ коренные москвичи, кровные дѣти стараго Домостроя, т. е. окрѣпшей во всякихъ запрещеніяхъ древнерусской культуры. Въ коренныхъ москвичахъ произошло бы отъ такихъ выборовъ великое мнѣніе и смущеніе, а потомъ пожалуй и возмущеніе, ибо къ тому все готовилось въ виду борьбы старовѣрства съ разными новинами. Должно быть ученики набирались и во всякое время, смотря по тому, сколько новыхъ актеровъ или статистовъ требовала поставляемая вновь пьеса. Впрочемъ постоянное число ихъ въ первое время доходило вѣроятно только до 30 человѣкъ. Положеніе этихъ маленькихъ актеровъ было вообще незавидно. Они сначала не получали за свое ученіе даже кормовыхъ денегъ. Въ 1673 г. одинъ изъ нихъ подьячишка Васка Мешалкинъ съ товарищами ¹ подали государю челобитную, въ которой объясняли: «отослали насъ (въ іюнь съ 16 числа 1673 г.), холопей твоихъ, въ нѣмецкую слободу, для наученія комедійнаго дѣла къ магистру къ Ягану Готфрету, а корму намъ ничего неучинено; и нынѣ мы,

¹ Изъ числа товарищей—комедіантовъ еще извѣстны по роспискамъ въ полученіи денегъ: Лука Степановъ, Тимошка Максимовъ, Родка Ивановъ, Николай Ивановъ.

по вся дни жодя къ нему магистру и учася у него, платьишкомъ ободрались и сапожишнами обносились, а пить-ѣсть нечего и помираемъ мы голодною смертію. Милосердый государь! вели намъ поденной кормъ учинить, чтобъ будучи у того комедійнаго дѣла, голодною смертію не умереть“. По этой челобитной велѣно имъ выдать кормовыя деньги съ 16 іюня, какъ они поступили въ ученье, по грошу въ день человѣку, т. е. по 4. деньги, съ разрѣшеніемъ выдавать по столько же во все время, покамѣстъ въ ученьи побудуть, но однакожъ съ свидѣтельствомъ, т. е. съ аттестаціею магистра объ ихъ успѣхахъ и стараніи ¹.

Успѣхи и стараніе этой малолѣтней русской труппы засвидѣтельствованы самими пьесами, которыя она время отъ времени представляла государю. Изъ случайныхъ замѣтокъ въ современныхъ дворцовыхъ запискахъ мы уже знаемъ, что на дворцовой сценѣ даны были комедіи: 1) Есфирь, 2) Юдифь, 3) Товія младшій. Но репертуаръ этимъ не ограничился. Сохранилось въ рукописяхъ еще нѣсколько комедій, игранныхъ въ то же время, о чемъ положительно говорятъ ихъ *прологи* или предисловцы, и эпилоги, которыми всегда открывалось и закрывалось дѣйство, и которые обыкновенно восхваляютъ царя Алексѣя. Таковы: 4) малая *прокладная* комедія о Іосифѣ, т. е. о презрѣдней добродѣтели и сердечной чистотѣ; 5) малая комедія Баязеть; 6) о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ печи сожженныхъ. Затѣмъ къ тому же времени должно отнести: 7) комедію о Блудномъ сынѣ; напечатана въ Москвѣ въ 1685 г. съ картинками, по образцу лубочныхъ сказокъ; 8) исторію о царѣ Давидѣ и о сынѣ его Соломонѣ премудромъ, составленную по книгѣ царствъ, а быть можетъ и по изложенію хронографа; 9) Алексѣй, человѣкъ Божій, діалогъ въ честь царя Алексѣя. „Представленъ въ знаменіе вѣрнаго подданства чрезъ шляхетскую молодъ студентскую въ коллегіуму кіево-могилянскому на публичномъ діалогѣ“. Напечатана, въ Кіевѣ 1674 г., февраля 22.

Комедіи 6 и 7, писаны стихами и принадлежатъ перу Симеона Полоцкаго. Много вѣроятнаго, что и первыя 5 комедій переведены, а иныя быть можетъ переделаны или и составлены имъ же. Онъ былъ придворнымъ учителемъ, риторомъ и пѣнгомъ, и знаткомъ иностранной, именно свѣтской и особенно польской литера-

¹ Врем. 24, 7, Лѣт. Рус. Литер. V 30.

туры, откуда легче всего было черпать поврайней мѣръ образцы для первыхъ драматическихъ или какъ тогда говорили комидійныхъ сочиненій. Другому не кому было и поручить такого новаго дѣла. Упоминается еще о комедіи Темиръ-Аксаково дѣйство, которая была въ Верху у государя, но была ли поставлена на сцену неизвѣстно, какъ замѣчаетъ г. Соловьевъ (Исторія XII, 171). По всему вѣроятію это та самая комедія, которая названа Баязетомъ. По свидѣтельству г. Пекарскаго, она „написана въ 4 дѣйствіяхъ, въ которыхъ есть всѣ театральные эффекты и ужасы, сраженія, убійства и т. п.“ Дѣло идетъ между Баязетомъ и Тамерланомъ, союзникомъ Палеолога, и слѣд-защитникомъ христіанъ. Въ лицѣ Баязета выведена самонадѣянная гордыня. „На сценѣ происходитъ сраженіе; Тамерланъ остается побѣдителемъ и является въ битвѣ на конѣ, къ нему приводятъ побѣжденнаго Баязета въ клеткѣ, гдѣ онъ и разбиваетъ себѣ голову. Въ пьесѣ есть шутовскія сцены; шутъ называется по голландски Пикель-Гарингомъ; помѣщены также и веселыя пѣсни“¹.

Комедія Юдифъ, библейскій сюжетъ которой достаточно извѣстенъ, принадлежитъ къ числу переводныхъ и нѣтъ сомнѣнія къ числу первыхъ, представленныхъ при царѣ Алексѣѣ, ибо въ ней проходитъ тотъ же драматическій мотивъ, что и въ Есепри. Она заключается торжествомъ утѣсненныхъ и уничтоженныхъ Іудеевъ, выставившихъ на стѣнахъ своего города главу высокоумнаго Олоферна и провозгласившихъ всенародно: „Здѣ виситъ яростная глава того мучителя, знаменующе, яко Господь Богъ гордымъ противляется, смиреннымъ же даетъ благодать“. Комедія сочинена въ семи *дѣйствахъ*, а дѣйства распределены на *сѣны*, явленія, всего 29 сѣней и одно *междосѣніе*, послѣ третьяго дѣйства. Все первое дѣйство, 4 сѣни, происходитъ у Ассиріанъ, готовящихся наказать Іудеевъ за непокорность. Второе — въ 3 сѣняхъ, печаль и сѣтованія Іудеевъ, самохвальство Олоферна и радость его солдатъ, что началась война и имъ стало жить хорошо и привольно, да и прибыточно, потому что грабежъ, разбой — военное дѣло. Третье, 5 сѣней съ междосѣніемъ, идетъ въ перемежку, то у Іудеевъ, пребывающихъ въ страхѣ и въ печали; то у Олоферна, продолжающаго возноситься и презирать даже благоразумные совѣты одного изъ своихъ воеводъ.

¹ Наука и Литература при Петрѣ, I, 407.

Въ томъ же порядкѣ идутъ и 3 сѣни четвертаго дѣйства, въ концѣ котораго является Юдиѳъ. Пятое дѣйство, въ 5 сѣняхъ, идетъ также въ перемежку между сценами печали и молитвы у Иудеевъ и сценами солдатскаго пира въ станѣ ассиріянъ, и солдатскаго плѣна, т. е. вообще солдатскими сценами, грубыми, цинически шутливыми. Шестое дѣйство, 5 сѣней, продолжаетъ перемежку сценъ Юдиѳи и Олоферна и оканчивается, для оставки въ интересномъ мѣстѣ, шутливою казнью у Иудеевъ плѣннаго солдата. Точно также идетъ и седьмое дѣйство, то у Олоферна, то у Юдиѳи, оканчиваясь ея торжествомъ.

Все дѣйствующее общество главнымъ образомъ является въ трехъ видахъ. Одни, царь Навуходоносоръ, а затѣмъ главное лицо Олофернъ съ воеводами изображаютъ непомерную гордыню, высокомеріе и самовосхваленіе; для большаго блеска этихъ качествъ введенъ Ахіоръ, мужъ правды и благоразумія, за что потомъ и страдаетъ. Другіе — Иудеи, первосвященникъ, старѣйшины и пр., изображаютъ печаль угнетенія, смиреніе и надежду на милосердіе Божіе; третьи — ассирійскіе солдаты, равно и служанка Юдиѳи представляютъ грубые, своекорыстные и циническіе интересы простонародья и солдатства. Поэтому въ этомъ послѣднемъ видѣ сосредоточивается и все комическое этой комедіи или собственно драмы, т. е. все шутовское, ибо такъ комическое въ то время понималось. Нельзя сказать, чтобы представленная здѣсь характеристика солдатства рисовала только польское войско; здѣсь общими чертами обозначено солдатство, какиѣ оно было въ XVII ст. во всей Европѣ, даже и съ подсмѣиваніемъ надъ жидами по поводу свиного мяса. Вообще во всей комедіи ничего не видно особенно польскаго, какъ и особенно нѣмецкаго за исключеніемъ названій чиновъ: гетманъ, войсковой маршалокъ, поручикъ, ротмистръ, бурмистръ, которые могутъ указывать лишь на западно-русское происхожденіе переводчика, какъ и выраженія: укусь-вкусъ, ходи брате; но онъ же называетъ палача мейстеръ-никелемъ, а храмы языческіе мечетями. Затѣмъ остается столькоже намековъ на старыя русскія нравы и русскія бытовые положенія; подарокъ переводится поминкомъ, офицеры — сотниками. Когда передъ висѣлицею прощается съ жизнію солдатъ, шутъ Сусанимъ, то говоритъ между прочимъ: „Простите вы благородные сродники мои изъ пятерыхъ чиновъ: ярышки, чурь, трубо-чистники, брениа возники и благородные чины духовные, иже

при церкви просящею милостынею питаются⁴. Должно полагать, что комедія вѣкогда принадлежала общеевропейской средне-вѣковой литературѣ откуда перешла въ Польшу, а потомъ и въ Москву. Нѣтъ сомнѣнія, что переводчикомъ былъ Симеонъ Полоцкій.

Цѣпты остроумнаго и смѣшнаго заключаются въ томъ, что тотъ же Сусанимъ, когда ему лисьямъ хвостомъ, вмѣсто меча, отрубили будто бы голову, въ испугъ думаетъ, что дѣйствительно умеръ; опомнившись, рассказываетъ, какъ мнится ему, что „животъ его отступилъ изъ внутреннихъ потроховъ въ правую ногу, а изъ ноги въ гортань и правымъ ухомъ вышла душа“, потомъ, приходя въ себя, собираетъ раскиданное вокругъ платье; токмо не знаетъ, гдѣ его глава, вездѣ ищетъ главы своея и затѣмъ обращается къ публикѣ, прося отдать ему голову, если кто изъ любви и пріятства скрылъ ее, и т. д. Когда Юдишь, совершила свой подвигъ и отдавая служанкѣ Абрѣ голову Олоферна, торопитъ ее спѣшно идти, бѣжать скорѣе, та заключаетъ самое дѣйство слѣдующимъ замѣчаніемъ: „что же тотъ убогій человекъ скажетъ, егда пробудится, а Юдишь съ главою его ушла?“

Комическое болѣе тонко проведено въ этой послѣдней 3 сѣни VII дѣйства въ разговорахъ между Олоферномъ и Юдишью, гдѣ замысловато поставлена игра двухъ стремленій: распаленный виномъ Олофернъ изъясняется предъ Юдишью въ любви; та даетъ отвѣты согласія, утверждающіе главнымъ образомъ ея завѣтную рѣшимость лишить его жизни. Сѣнь открывается заздравнымъ кубкомъ Олоферна въ честь Навуходносора. Въ это время появляется Юдишь. *Одишь*. Велеможный Олофернъ! Зри, какая сѣмо приходитъ пресвѣтлая звѣзда. *Олофернъ*. Истинно богиня нѣкая еврейская та нарещися можетъ. (Вагавъ просить или сапоги, или саблю, хочетъ бѣжать или главы лишиться). *Олофернъ*. Что глаголеши глупче?

Вагавъ. Азъ мнѣ тому достойно быти, да глава ему отсѣчена будетъ, иже отъ таковы прекрасавицы бѣжалъ или утрашилъ ся ея.

Олофернъ. Кому бѣжати или утрашиться? Никако. Но пріятствую, да сея ноци главу свою на лонѣ ея держу.

Юдишь. Милостивый господине! Богъ сіе желаніе твое исполнити можетъ.

Олофернъ. О! садися побѣдительница храбрости моя, обладательница сердца моего! Садися возлѣ мене, да яся и піеши со

мною, веселящихся; ибо яко ты едина мое непобѣдимое великодушіе обладала еси, тако имаши милость мою сама ни чрезъ кого же иного совершенно употреблять.

Юдифь. Ей, господине мой! азъ возвеселюся усердственно; никогда же еще такой чести воспріяхъ (Здѣ она оглядывается и говоритъ:), Абра! дай ми ѣству, юже про мене уготовила еси. (Здѣ тихо говоритъ:) Да не отходиже прочь ни пяди; слышишь ли?

Абра (даетъ ей ѣству и молыть:) Гдѣ мнѣ отходить, собаки бы мя заѣли.

Олофернъ. О вы мои воины! пію же къ вамъ про здравіе сея красавицы, яже впредь еще асіріемъ заступленіе быти имать.

Сисера. Ей истинно Навуходоносоръ великій нарицается бегъ Юпитеръ, ты же Олофернъ еси Марсъ; чѣмъ же асірійское небо возможетъ лучше украшено быти яко сидевымъ прекраснымъ солнцемъ?

Ваагъ. Тогда же азъ Меркуріемъ буду, понеже сію богиню Венусъ къ Марсу привелъ есмь.

Абра (говоритъ отай:). Азъ же хотя малою планетою буду у печи.

Всѣ пьютъ за здравіе прекрасной Олоферна. Юдифь проситъ не называть ее такъ, потому что она только раба Олоферна. Олофернъ объясняетъ ей, что она уже не раба его, а повелительница, ибо прехрабрѣше его учинилась; онъ еще не единожды не приступалъ къ городу, а она, презрадная гражданко, уже Олоферновымъ сердцемъ обладаетъ.

Юдифь. Ей воистину! Когда бы, милости твоя сердце въ владѣніи своемъ имѣла, тобы почитала, яко весь свѣтъ себѣ въ свойство получихъ.

Олофернъ. Къ сидевому полученію бози ты сея ноши сподобятъ.

Юдифь. Благоволеніе Божіе съ надеждою моею да исполнится.

Олофернъ. Не зриши ли, прекрасная богиня! яко сила красоты твоя мя уже отчасти преодолаываетъ; смотрю на тя, но уже и видѣти не могу, хочу же говорить, но языкомъ (Здѣ онъ говоритъ яко пьяный) больши прорещи не могу.... Хочу, хочу, но немогу же; не тако отъ вина, яко отъ силы красоты твоя азъ низпадаю....

По этому отрывку можно судить и о свойствахъ языка комедіи, неизмовѣрно тяжелаго и большею частію темнаго, осо-

бенно въ разглагольствіяхъ и разсужденіяхъ, которыми до чрезвычайности растягивается и замедляется ходъ пьесы. Въ видахъ придать ей нѣкоторое оживленіе, сверхъ шутовскихъ сценъ, внесено нѣсколько пѣсень. Такъ послѣ 3 дѣйства, въ междосвѣтїи поютъ злѣо жалобно каждый свой стихъ плѣнные цари; въ 5 дѣйствѣ, сѣнь 2, поютъ веселую пѣсню пирующіе солдаты; а въ концѣ пьесы поютъ торжествующую пѣсню освобожденные Іудей. Пѣснь солдатъ отличается даже нѣкоторою легкостью стиха. Оривъ поетъ:

О братья наша!
Не печалитесь,
Ниже скорбите,
Но веселитесь.

Кто вѣсть, кто изъ насъ утрѣ въ живыхъ будетъ?

Смыло держайте,
Пока живете;
Не сомнѣвайтесь,
Но веселитесь,

До коихъ вѣсть сердце въ тѣлѣ живетъ.

Вообще должно замѣтить, что тяжесть мудрыхъ нравоучительныхъ и разсудительныхъ разглагольствій, какими всегда наполнялись комедїи, хорошо чувствовалась ихъ составителями или переводчиками и потому необходимою принадлежностью тогдашняго зрѣлища являлась всегда интермедїа, нѣчто подобное теперешнему фарсу или дивертисменту. Такъ сочинитель комедїи о Блудномъ сынѣ въ ея прологѣ говоритъ, что раздѣлилъ пьесу на 6 частей и послѣ каждой части, нѣчто примѣсихомъ, утѣхи ради, потому что все стужаетъ (надоѣдаетъ), что, едино безъ дремѣнъ бываетъ¹. Примѣсилъ же онъ къ комедїи пѣніе, играніе на органахъ и intermedium.

О комедїи Алексѣя Божїй человекъ, мы упоминаемъ послѣ всѣхъ другихъ по той причинѣ, что очень сомнѣваемся была ли она представлена, „въ присутствїи Алексѣя Михайловича при Московскомъ дворѣ“¹. На это не находимъ доказательствъ ни въ самой пьесѣ, ни въ извѣстіяхъ о первыхъ нашихъ театральнхъ зрѣлищахъ. Вѣрно только то, что она играна студентами въ Кіевѣ въ 1673 году, „въ знаменіе вѣрнаго подданства, и въ честь царю Алексѣю“. Въ сущности это было вос-

¹ Дѣтп. Р. Литер. г. Тихонравова, V, 33, срав. Наука и Литер. г. Пеларскаго I, 394.

хваленіе и прославленіе Московскаго царя. Въ Москвѣ же играть эту пьесу не было достаточныхъ поводовъ и едва ли бы царь Алексѣй согласился поставить на сцену своей комедійной хоромины личность своего тезоименитаго ангела, котораго житіе читалось благоговѣнно только на царскихъ именинныхъ трапезахъ. Комедія неудобна была для Москвы и особенно для царскаго дворца даже и по языку, испещренному не только южнорусскими, но во многихъ мѣстахъ и польскими реченіями. Еслибъ она была играна въ Москвѣ, то непременно ее передѣляли бы на московскую рѣчь, разумѣется книжную, какою отличаются всѣ остальные комедіи. Однимъ словомъ въ Москвѣ она была бы наряжена въ московскій костюмъ и самыя сцены были бы названы не *нахожденіями*, а *свѣями*, какъ онѣ назывались даже и въ послѣдующее, уже петровское время.

Намъ кажется, что одною изъ первыхъ комедій, представленныхъ въ Москвѣ, въ присутствіи государя, была комедія *Баязеть*. Въ ея эпилогѣ актеры говорятъ царю слѣдующее: „Какъ древле пали всѣ снопы предъ единымъ снопомъ Іосифа, кланяясь, такъ и мы падаемъ на землю предъ царскимъ вашимъ величествомъ. Но что можетъ значить нашъ поклонъ предъ величествомъ и милосердіемъ вашимъ? Однакожъ, какъ нѣкогда великій Александръ, царь Македонскій, сосудъ студеной воды принялъ въ даръ отъ одного изъ рабовъ своихъ, предпочтя оный другимъ золотымъ жертвамъ, такъ и мы, упова на превысокую милость в. ц. в., припадаемъ паки смиренно къ подножію вашего престола, униженно моляще, да благоволятъ в. ц. в. „сію малую и вскорѣ сотворенную комедію отъ насъ, яко еще неискusstныхъ и несмышленныхъ отрочатъ всемилоостиво воспріяти“. Такъ могли говорить только тѣ Русскіе ученики — комедіанты, съ которыми ставилъ комедіи магистръ Яганъ. Въ другой комедіи о Іосифѣ они тоже засвидѣтельствовали свою работу, объясняя, что *паки* (опять) *малую*, прохладную о презрядной добродѣтели и сердечной чистотѣ комедію въ дѣйствіи о Іосифѣ въ пречестные очи (царя) предпоставити умыслили и не отчаеваются, что обычная милость государя окажетъ свое благоизволеніе и къ этому *дѣтскому дѣйствію* ихъ (во всемилосердомъ пресмотрѣніи дѣтскаго дѣйствія нашего проводите оное благоизволите). Есть намекъ объ отрочествѣ артистовъ и въ *осалобной комедіи* о грѣхопадении Адама и Евы, гдѣ они именуютъ себя *человѣческими отрочами*: и смиренно

молятъ царя о прощеніи, что *мымъ* при потѣшныхъ радостныхъ, комедіяхъ и едину малую *жалобную комедію*, т. е. о Адамѣ и Еввѣ, примѣшали. Радостными комедіями безсомнѣнія названы тѣ, гдѣ торжествуетъ добродѣтель, т. е. вѣра, въ Бога, смиреніе и т. д. Каковы напр. Есѣирь, Юдиѣ, Товія, Баязеть. Въ паденіи Адама, въ торжествѣ грѣха, конечно, кромѣ жалости, никакой радости быть не можетъ, вотъ почему она и отличена отъ другихъ комедій именемъ *жалобной*.

Мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, продолжались ли театральныя зрѣлища при царѣ Ѳеодорѣ Ал. и въ правленіе царевны Софіи. Можно полагать, что въ осенній мясоѣдъ 1679 г., когда молодой царь неоднократно вызжалъ въ Преображенское, тамъ въ ряду обычныхъ веселостей могли быть представляемы и комедіи. Вообще же время Ѳеодора, какъ особенно время Софіи, не было благопріятно для подобныхъ утѣхъ. Еще по смерти царя Алексѣя царская семья разрознилась, раздѣлилась на двѣ враждебныя стороны, посреди ея шла постоянная темная смута и ненависть; притомъ, именно та сторона (Нарышкины), которая наиболѣе благопріятствовала европейскимъ новинамъ, съ каждымъ днемъ все больше теряла свою силу и власть; другая сторона, забравшая эту власть въ свои руки, въ лицѣ своихъ дѣятелей числила очень многихъ ревнителей стараго благочестія да и сама стремилась утвердить свое значеніе на особомъ уваженіи къ его порядкамъ и формамъ. Правила же стараго благочестія совсѣмъ отвергали не только упомянутыя утѣхи, но и малѣйшее отступленіе отъ укрѣпившихся обычаевъ. Все это мало способствовало тому, чтобы во дворцѣ поддерживались Алексѣевскія нѣмецкія потѣхи — комедіи, какъ увеселенія общія, общественныя для дворца.

Однакожь достаточно распространилось, и утвердилось, какъ фактъ, мнѣніе, что „въ теремахъ просвѣщенной европейскимъ ученіемъ царевны Софіи Ал. представляли не только духовныя трагедіи, написанныя другими, но и собственныя ея сочиненія и переводы; что она сама въ представленіи участвовала съ приближенными боярышнями и царедворцами“. Мы извѣстно по семейнымъ преданіямъ, писалъ кн. А. Шаховской, что прабабка моя Татьяна Ивановна Арсеньева, боярышня царевны Софіи Алексѣевны, представляла лицо Екатерины Мученицы въ трагедіи, написанной самой царевной (такъ она сказывала своей дочери, а моей бабкѣ), и что Петръ Великій, бывая всегда при

театральныхъ зрѣлищахъ въ теремахъ своей сестры, прозвалъ Татьяну Ивановну „Екатериной мученицей — большіе глаза“. При этомъ авторъ говоритъ еще, что представленія въ теремахъ завелись въ 1690 году и что Дмитревскій полагалъ, что Мольеровъ „Врачъ по неволѣ“ если и не переведенъ самою царевною, Софіею, то вѣрно игранъ въ ея теремахъ ¹. Знающему читателю очень замѣтны рассказанныя здѣсь несообразности. Къ сожалѣнію, писатели о театрѣ, вообще мало знакомые съ своею исторіею, повторяли и даже распространяли краткое, но ошибочное указаніе Штелина, который въ своемъ „извѣстіи о театральныхъ въ Россіи представленіяхъ“, написалъ между прочимъ такъ: „царевна Софія съ благородными дѣвицами и мужчинами играла также въ комедіяхъ“ ². Замѣтка вѣрная въ отношеніи царевны, только не Софіи, а Натальи Алексѣвны, тоже сестры Петра, о которой во времена Штелина стало быть успѣли уже совсѣмъ забыть и помнили только одну царевну Софію, оставившую по себѣ историческую память, которой поэтому и присвоивали все, чѣмъ замѣчательна была какая либо царевна. Наталья Алексѣевна (+ 1716) дѣйствительно была страстная любительница театра и не мудрено, что комедіи давались у ней даже въ ея хоромѣхъ съ 1690 г., когда ей было уже 17 лѣтъ. Вѣроятно же однакожъ, что онѣ ставились на старомъ Преображенскомъ театрѣ. Вѣрно также, что она сама сочинила разныя комедіантскія дѣйства, ибо Бассевичъ прямо свидѣтельствуесть, что „Принцесса Наталья, младшая и любимая сестра Императора, говорятъ, сочинила не задолга до своей смерти, двѣ пьесы, расположенныя по очень умному плану и въ которыхъ были подробности не лишеныя красоты, но недостатокъ въ актерѣхъ помѣшалъ представить ихъ на сценѣ“. Другой иностранецъ Веберъ рассказываетъ, что „Наталья Алекс. (уже въ Петербургѣ) заставляла играть драматическія пьесы, которыя смотрѣть воленъ былъ всякій“ ³. Для помѣщенія театра избрали огромный пустой домъ, гдѣ устроили партеръ и ложи. 10 актеровъ и актрисъ были природные русскіе, невидавшіе

¹ Лѣтопись русскаго театра въ Репертуарѣ 1840 г.

² С. Петербургскій Вѣстникъ 1779. Іюль.

³ Ходилъ въ эти комедіи и великій братъ ея Петръ. Въ его Походномъ Журналѣ записано, что 1715 фев. 26, по прибытіи въ Петербургъ въ 3 часу пополудни, государь въ 6 изволилъ пойти въ царевнѣ Натальѣ въ комедію.

ничего кромѣ Россіи, а потому можно вообразить себѣ ихъ искусство. Великая княжна и сама сочиняла по русски трагедіи и комедіи, заимствуя для нихъ сюжеты изъ библіи или изъ обыкновенныхъ всеневныхъ приключеній. Роль арлекина (непремѣнное лицо) поручена была одному оберъ-офицеру, и онъ выѣшивался съ своими шутками туда и сюда въ продолженіи представленія; потомъ выходилъ ораторъ и рассказывалъ о содержаніи и ходѣ пьесы, а наконецъ слѣдовала и самая пьеса, гдѣ была изображена неудачность возстаній и всегда несчастный конецъ ихъ. Въ этой пьесѣ, такъ объясняли Веберу современники, было выведено на сцену одно изъ послѣднихъ стрѣльчихъ возмущеній¹. Г. Пекарскій, у котораго мы заимствуемъ эти свѣдѣнія, открылъ и самую пьесу, это — *Стеванатокосъ*, гдѣ аллегорически представленъ заговоръ Шахловитаго, со вставкою эпизода (IV дѣйствіе) изъ старой комедіи — Эсеири. Послѣ смерти царевны осталось довольно комедіантскихъ письменныхъ книгъ, составлявшихъ цѣлую библіотеку, таковы: о Георгіѣ и Плакидѣ, тетрадь о страданіи Ксенофонта и Маріи, тетради Крисавѣа и Даріи, Адріана и Наталіи, Іюліана, Евстаѳіа Плакиды, Павла и Іюліаніи, Искупленіе челоуѣка отъ паденія его, Повѣсти о цесарѣ Римскомъ Оттѣ¹. Такимъ образомъ театральныи репертуаръ царевны Наталіи носилъ въ себѣ еще идеи XVII ст., держался около церковной книжности, а потому вмѣстѣ съ характеристикою самого спектакля, сдѣланною очевидцемъ Веберомъ, даетъ довольно опредѣленное понятіе о томъ, какъ составлялось и какъ велось комидійное дѣйство и при царѣ Алексѣѣ. Затѣмъ согласимся, что все рассказываемое въ разныхъ исторіяхъ нашего театра о царевнѣ Софіѣ, должно относиться къ царевнѣ Наталіи, ибо современныхъ извѣстій объ артистическихъ предпріятіяхъ царевны Софіи, какъ и вообще о дворцовыхъ театральныхъ зрѣлищахъ въ ея время мы покуда неимѣемъ.

Замѣтимъ встать, что при Петрѣ, во время свадьбы шута Филата Шанскаго, въ 1702 г., комедія дана была уже въ Грановитой Палатѣ, куда 26 генваря къ строенію будущей *diolynii* съ Казеннаго двора отпущено на 20 персонъ тафты разныхъ цвѣтовъ 200 арш. да на завѣсъ тафты лазоревой 50 арш.; а февр. 10 въ Оружейной Палатѣ велѣно изготавить къ комедіи: 12 киризовъ

¹ Наука и Литература при Петрѣ, г. Пекарскаго, I, 391—447.

(кирасы) и латъ съ шапки, 15 пансырей съ мисюрки, 12 сабель. Новое названіе *diolmia* очень вѣрно опредѣляло цѣлый отдѣлъ пьесъ въ тогдашнемъ репертуарѣ, въ которыхъ не было никакого драматическаго дѣйствія, а были только разговоры аллегорическихъ лицъ съ цѣлію изъяснить какую либо общую нравственную или политическую мысль, съ цѣлію указать неисповѣдимыя пути Божьяго Промысла въ жизни человѣковъ или же оправдать дѣла государевы и осмѣять его враговъ — приверженцевъ старовѣрства и невѣжества.
